

Анна Гринь

Мужчина с собачкой

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Annotation

Уездный городок Броцлав потрясен ужасным происшествием: в своем доме жестоко убит аптекарь, а его дочь, красавица Клара Новак, бесследно исчезла. Свидетелей нет, дом перевернут с ног на голову, но вроде бы ничего не украдено. Что же случилось?

Распутать это дело и разыскать рейну Новак, в которую давно безответно влюблен, берется следователь местного управления магконтроля Глеб Ковальский. Сможет ли он поймать убийцу и найти Клару? Возможно, Глебу в этом поможет новый, внезапно появившийся в его жизни напарник с четырьмя лапами? Весьма необычный напарник!

-
- [Анна Гринь](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)

- [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Анна Гринь

Мужчина с собачкой

Часть первая

В поисках Клары

Глава 1

Трудно жить на белом свете...

– «Юная рейночка порывисто вздохнула, и этот вздох о многом сказал мужественному и прекрасному графу Абазинскому...» – с чувством прочитала я и с тоской перевернула страницу затрепанного бульварного романчика. Зевок вышел непроизвольно. Нынче сентиментальные повести Зузанны Пштиль совершенно не развлекали. – Тоска... Тоска-а.

Сунув между страниц кусочек бледно-голубой ленты, я отложила книгу на прикроватную тумбочку и потянулась. Под одеялом было тепло и уютно, но стоило высунуть из-под него ногу, как по коже тут же пробежал холодок: осень еще не вступила в свои права, но ночи уже не дышали обволакивающим жаром, как несколько недель назад. Пройдет еще неделя-другая – и по серым крышам города забарабанят дожди, погружая маленький и сонный Брѳцлав в дрему до самой зимы.

Поежившись, я спрятала конечность и задумалась над тем, чтобы прикрыть форточку. И как могла забыть закрыть? Совсем зачиталась.

На тумбочке сверкала, разгоняя полумрак спальни, лампа, собранная из множества кусочков чуть мутного стекла неправильной формы и металлической проволоки, но сквозь тонкие темно-зеленые занавески уже начал пробиваться холодный свет приближающегося утра. Вздохнув, я перевернулась на живот и потерлась щекой о жестковатую льняную наволочку, пытаюсь найти удобную позу. Гномские массивные часы на книжной полке у двери решительно оттикнували четверть пятого. Почти утро, но у меня есть еще несколько часов, чтобы наверстать упущенное.

Знакомо и привычно простучали колеса грузовичка рейяна^[1] Яцека. Пока едва слышно, но постепенно приближаясь, – через день молочник вместе со своим помощником развозил по домам молоко и сливки в широких и плоских полулитровых бутылках и собирал пустую тару. Я накрыла голову подушкой, когда небольшой обшарпанный самоход со скрипом остановился у нашего дома.

Иногда мне нравилось угадывать, что делают другие люди, лишь по производимым ими звукам, но сейчас стоило от всего отвлечься и

подремать оставшиеся три часа, потому что потом придется вставать и заниматься делами. Но я все равно против воли различила стук каблучков мальчишки-помощника, перезвон бутылок о каменный порог у задней двери и напеваемую Михалком фривольную песенку – мое окно выходило как раз во внутренний дворик.

– Спи, Клара, спи, – приказала я себе. – Утром много дел.

Но и через несколько минут уснуть не вышло. То ли из-за книги, то ли из-за погоды накатил такая тоска, что я продолжала ворочаться в кровати.

– Спи... – повторила я, но вместо того, чтобы плотнее зажмуриться, села и глубоко вздохнула, осматриваясь по сторонам.

В спальне все было на своих привычных местах. Там же, где и все последние годы. Но знакомая обстановка загоняла в еще большую тоску. Внезапно захотелось переделать спальню. И переклеить обои.

– Особенно обои! – резко разозлившись, воскликнула я.

В бледных утренних сумерках те выглядели серыми, но я-то знала, что стены моей спальни вот уже двадцать лет оклеены самыми розовыми обоями, какие только смог разыскать мой отец. Ему казалось, что это идеально подойдет его дочери. Я же... Уже в десять я стала постепенно менять обстановку. После долгих уговоров отец купил мне другую кровать, без нарядной резьбы, а после удалось заменить палас, раздражавший изображением пышного цветения роз. В прошлом году я выторговала себе новые шторы. Лишь со стенами найти подход к отцу никак не удавалось: рейян Новак упорно отказывался от таких переделок. Единственной вещью, выбросить которую мне не хотелось, была лампа – тяжелая, чуть странноватая из-за своей неправильной формы. Всякий раз казалось, что лампа потешается над смотрящим, снова и снова складывая кусочки стекла иначе.

Я могла понять отца: ремонтом в доме вскоре после свадьбы занималась моя мать, а он упорно хранил о ней светлую память, удивительно легко простив и увядшую любовь, и развод, и последующий новый и счастливый брак, в котором для нас не было места.

Я к родительнице не питала обиды, лишь легкую горечь, да и ту исключительно из-за отца. Я вообще едва помнила мать – рейяна Новак, вернув себе девичью фамилию Бляхёская, укатила в курортный

Лиён больше пятнадцати лет назад и в моей памяти осталась высокой стройной блондинкой. У нее были прохладные руки, нежная светлая кожа и очаровательная улыбка. Она жила в вечном облаке аромата фрезии и свежескошенной травы.

Сколько я ни пыталась, не могла как следует вспомнить ее лицо, лишь ощущение чего-то легкого, весеннего и яркого. Только какие-то детали. Хранившиеся дома фотокарточки мало утешали. С них на меня взирала чуть отстраненная и не слишком красивая молодая женщина, очарование которой таилось в улыбке, взгляде, повороте головы, осанке и идеально подобранных фасонах ныне чуть старомодных платьев. Связи с ней я не ощущала, как не чувствовала тоски и пустоты в душе. Отец всегда значил для меня больше и очень старался, чтобы я легче перенесла развод родителей.

Сам же рейян Новак развал своего брака переживал гораздо труднее. И, видимо, именно поэтому упорствовал, когда я пыталась привнести что-то новое в нашу жизнь.

— Но сколько же можно! — довольно громко возмутилась я. — Я не ребенок, а взрослая. Не могу я так.

Откинувшись на подушку, я мысленно признала, что виной всему вовсе не бои, не очередной спор с отцом, не исчезнувшая много лет назад мать и не бессонница, а приближающийся день рождения. Все же тяжело смириться с тем, что всего через каких-то семь дней мне исполнится двадцать лет, а я...

Я и сама до конца не знала, что меня гнетет. То ли жизнь в нашем небольшом и весьма захолустном Броцлаве, то ли перспектива всю эту жизнь провести за прилавком в отцовской аптеке, то ли осознание, что мои ровесницы давно вошли в таинственный и привлекательный мир первой и последующих влюбленностей. Хотелось опустошить копилку, купить билет на поезд и рвануть в Гáруч. Или хотя бы в Лиен. Увидеть хоть что-то за пределами весьма скромного городка, улочки которого змеями изгибались по холмам, прорезанным рекой Бóльша-Бя́ла.

Иногда, взяв отцовский велосипед, я пересекала левый рукав реки, взбиралась на Высоки Брег, откуда просматривалась половина города, и фантазировала о том, как пышущий жаром поезд увезет меня через Бялапóле, где издавна засевали поля пшеницей и рожью, к Клецку, а оттуда — дальше на северо-восток, в столицу. Как выйду на вокзале, вдыхая непривычные ароматы. Как прогуляюсь по

таинственным улочкам чуть странного, необычного и соединившего в себе все черты королевства города. Как буду таращиться на высоченные многоквартирные дома, величественные и громоздкие здания всевозможных учреждений. Как загляну в десятки лавочек и увижу больше аптек, чем в нашем тихом захолустье.

Да даже в Лиене, если верить рассказам знакомых, интереснее, а ведь город тоже стоит на берегу Больша-Бялы. Но именно рядом с Лиеном эта река оправдывает свое название, разливаясь широко и так сверкая на солнце, что вода в ней кажется молочно-белой.

– Совсем скоро мне исполнится двадцать лет, – проговорила вслух, пытаясь попробовать эти слова на вкус. Ничего не вышло. В душе ничто не отозвалось. И в голове было до печального пусто.

Наверное, все же стоит уехать, увидеть что-то за пределами нашего городка. Тогда, возможно, я что-то пойму. Что-то мне откроется. Говорят, впечатления благотворно влияют на мыслительный процесс.

В детстве я думала над тем, чтобы перенять дело отца. Закончив занятия в частной гимназии для девушек, я бежала в аптеку, садилась на маленький стульчик в задней комнате и наблюдала за тем, как отец готовит лекарства по заказам. Или перебиралась в торговый зал и следила за ним с подоконника под большой витриной, устроившись там с какой-нибудь познавательной книгой.

Мне нравилось смотреть, слушать разговоры отца с посетителями, читать рецепты в его большой рукописной книге и разглядывать картинки в огромном иллюстрированном справочнике трав.

Но к пятнадцати годам что-то переменялось. Мне стало скучно сидеть тихой мышкой. И стали скучны лекарства, которые готовил отец. Их все я знала наизусть и при желании могла сама приготовить в белой каменной ступке нужный порошок от любой известной хвори. Даже проделала это однажды на спор с родителем, завязав глаза шарфом. Но мне было неинтересно до конца жизни продавать лекарства от диареи или бессонницы.

От отца я свое разочарование скрывала, с улыбкой подменяла его за прилавком, спокойно помогала посетителям, а наедине с собой кусала губы. Отец что-то чувствовал и не настаивал на моем участии в работе аптеки. А когда мне исполнилось семнадцать и я завершила

обучение в гимназии, заговорил о моем будущем так, словно и не рассчитывал передать мне дело, но этот разговор заставил меня задуматься над тем, чего я хочу от жизни.

Привольное существование под крылом отца, никогда не загонявшего меня в рамки условностей, привело к тому, что я не рассматривала свое будущее лишь в одном направлении: замужество, дети, собственный дом. Мне хотелось чего-то большего, как-то проявить себя, хотя для нашего маленького городка такие мысли были верхом нарушения размеренного патриархального уклада. Поисками я занималась долго, но и сейчас не могла понять, чему хочу посвятить свою жизнь.

Не представляя, что может меня занимать, я посещала то одни, то другие курсы последние три года. Пока другие девушки веселились, встречались и выходили замуж, я сидела за партой, а после спешила домой к отцу. Иногда со мной пытались флиртовать на улице или на курсах, но у меня не оставалось времени на подобные глупости. Я так увлеклась поисками, что выбросила из своей жизни все остальное. И вот теперь мне почти двадцать лет, многое знаю, но душа так и не потянула меня к одной из возможных профессий.

Если бы я отправилась в город покрупнее, то наверняка узнала бы больше, но в наших краях если молодая особа и могла получить профессию, то список включал не больше десяти пунктов, что ужасно злило. Ведь мужчина мог выбрать любое дело, а уж мужчина с магическим даром и вовсе имел возможность обучаться не на курсах, где кое-как читали лекции, а в магакадемии или в любом другом известном учебном заведении.

Девушкам с магическим даром тоже позволялось сравнительно многое. Юная волшебница могла даже в магакадemiю поступить: данное учреждение еще много лет назад разработало отдельный план обучения для прекрасного пола. Из программы для девушек исключались физические нагрузки и некоторые другие дисциплины, а само обучение занимало не пять лет, а только три. Но это все равно считалось огромным достижением! Имея диплом магакадемии, рейна получала возможность найти работу в самых разных учреждениях, тем самым обеспечив себе независимость от семьи. Да, ни одна волшебница не могла в итоге забраться достаточно высоко по

карьерной лестнице – мир был не готов принять подобное явление, – но рейны с дипломом без труда получали работу.

Несколько лет назад даже здесь, у нас в Броцлаве, много говорили о рейяне Белонкас, получившей должность заместителя директора одного из крупнейших маггоспиталей на севере после двадцати лет отменной службы. Данному факту по всему королевству посвящали статьи в газетах, обозреватели праздновали маленькую, но очень важную победу женщин. Но не все верили в скорые перемены в обществе. И я была одной из этих неверующих.

Возможно, где-то в столице, в крупном северном или восточном городе рейнам и рейянам и стали доступны хоть немногие равные права с мужчинами, но у нас, в маленьких и тихих городках, о переменах оставалось лишь мечтать. Тем более если ты самая обычная девушка. Даже без магических способностей.

Вздыхнув, я поднялась и натянула халат. Стоит отбросить переживания, выпить теплого молока и попытаться хоть немного поспать, а не валяться в кровати, надеясь найти ответ на вопрос, снедавший меня три года. Нашарив комнатные туфли, я тихонько направилась вниз, надеясь не разбудить отца. Но в коридоре удивленно хмыкнула, обнаружив, что дверь в его спальню закрыта неплотно. С секунду постояв, я толкнула дверь и тихо позвала:

– Отец?

Комната отца была прежде родительской спальней, но он не позволил хоть что-то в ней изменить. Я смутно представляла, как мой спокойный и немногословный отец, в одежде предпочитавший сдержанные оттенки серого и коричневого, справляется с обилием желтого и голубого в просторной комнате. Даже в утренних сумерках краски казались яркими и радостными, как залитая солнцем летняя лужайка. Отец не задернул плотные желтые шторы, и отделка из узких полос голубого шелка колыхалась на проникавшем в спальню ветру. Бледный свет полосой пересекал голубое покрывало на кровати, заползая под несмятые желтые наволочки.

Я нахмурилась, глядя на кровать. Она выглядела так, словно никто на ней этой ночью не спал.

– Неужели отец задержался, чтобы выполнить какие-то дополнительные заказы? – спросила я в пространство. – Он ведь всегда меня зовет, если надо долго и кропотливо варить снадобья...

Покачав головой, я поспешила вниз.

Здание переделал под магазин предыдущий владелец, оставив на первом этаже только кухню и небольшую столовую в задней части дома. Остальное пространство первого этажа занимал торговый зал со складом и небольшая комнатка, где отец изготавливал лекарства. Здесь же хранились ингредиенты и уже готовые снадобья, тщательно упакованные или разлитые по бутылкам из прозрачного голубого стекла. На отдельных стеллажах хранились столичные препараты, рассыпанные в треугольные порционные пакетики из папиросной бумаги.

Заглянув в столовую, откуда просматривалась и кухня, отгороженная тонкой стенкой с врезанным в нее окном, я повернулась к складу, собираясь проверить торговый зал. И в этот миг услышала тонкий перезвон колокольчиков – открылась дверь магазина. Я на миг напряглась, решив, что кто-то надумал нас ограбить, но потом услышала знакомый щелчок: звук повернутого выключателя. На пол в шаге от меня легла полоса света, и я с облегчением улыбнулась. Похоже, отец лишь теперь вернулся домой, а я переполошилась, как параноик.

О том, что у отца завязался роман, знала давно, но он так тщательно скрывал от меня эту новость, что я не решилась сама о ней заговорить. Раз ему так проще, то я вполне могу быть хорошей дочерью и не вмешиваться в личные дела родителя. Он и так слишком давно один, и мне не хочется, чтобы он надумал всяких глупостей и отказался от личного счастья.

Улыбнувшись, я уже хотела уйти, но тут раздался новый перезвон, но на этот раз громче и резче. Стукнула дверь, словно ее распахнули с силой. Зазвенели баночки на полках. Я нахмурилась и подалась вперед, пытаясь в просветы между стеллажами рассмотреть хоть что-то из той невнятной суеты, которая происходила в торговом зале.

– Что там происходит? – едва слышно спросила я и шагнула ближе. Мешать отцу не хотелось, но какая-то иррациональная тревога толкала вперед.

– Ну здравствуй, Казимир, – раздался хриплый голос, и меня пробрало до самых костей. Я не видела мужчину, но чувствовала его самоуверенность и силу. В этот момент рейян явно ощущал себя хозяином положения. – Давно не виделись.

– Кшиштоф? – едва слышно произнес отец. Его голос звучал странно, словно родителю не хватало воздуха. Он сипло закашлялся. – Отпусти.

– Нет.

– Что ты здесь делаешь? Зачем явился? – после короткой возни уже громче сказал отец. Теперь его голос доносился иначе, словно рейян Новак отступил влево от двери, к кассе.

– А ты будто не знаешь? – фыркнул неизвестный мне Кшиштоф. – Я пришел за тем, что принадлежит мне по праву, Казимир. За тем, что ты украл. За тем, что прятал ото всех эти двадцать три года.

Отец не ответил, но было слышно, как мужчины кружат по залу, как столкнувшиеся на одной тропе хищники.

– Я ничего тебе не должен, – резко бросил отец. – Я никому ничего не должен. У меня ничего нет.

– Я так не думаю, Казимир, – с усмешкой сказал Кшиштоф. – Иначе бы ты не уехал из Откопán и не прятался все эти годы.

– Я просто хотел забыть то, что случилось, Кшиштоф, – хмуро бросил отец. – И только.

– Забыть? – усмехнулся незнакомец, и я нервно дернулась от угрозы, прозвучавшей в его голосе. – А ты имеешь право забыть?

– Как и любой другой! – с вызовом бросил отец. – Не я повел всех в те шахты! Это была идея Яропóлка.

– И он же первым погиб под обвалом, – хмуро выдохнул Кшиштоф. – Ярик был туп как пробка и жаден до денег настолько, что не побоялся полезть в тот мрак первым.

– Я не хочу это помнить! – вскричал отец. – Для меня все закончилось двадцать три года назад. Я уехал, поселился здесь, открыл свое дело...

– И забрал то, что принадлежало всем нам, – усмехнулся Кшиштоф. – На какие деньги ты открыл дело, Казимир? Откуда у тебя столько злотых, чтобы купить дом? Ты купил его на мои деньги? Или Ярополка? Или Эугéнюша?

– Они погибли! – рявкнул отец. – И я не уверен, что Эугенюша просто завалило.

– Намекаешь... что это я его убил? – усмехнулся Кшиштоф, и я похолодела от угрожающих ноток, сквозивших в голосе мужчины.

– Мне плевать, что на самом деле с ним произошло, – отчеканил отец с такой яростью, какой я прежде за ним не замечала. – Все мы пострадали там!

– Но ты ловко компенсировал себе эти страдания, – зло ухмыльнулся чужак. – Сбежал, сменил фамилию, притворяешься достопочтенным рейяном... Я долго тебя искал. Как тебе удалось изменить внешность, Казимир? Это ведь запрещено законом. Лишь маги, не боящиеся смерти, готовы перекроить лицо. За очень большие деньги, конечно. Ну или нужно иметь связи и влияние...

– Но ты все равно меня нашел, – с запинкой ответил отец.

– Это было делом принципа, Казимир, – усмехнулся Кшиштоф, и торговый зал осветился ярким голубым светом.

Раздался странный звук, очень похожий на рык. Я зажала рот рукой и подступила ближе, хотя инстинкты вопили о том, что нужно бежать как можно дальше. В ушах зазвенело, в голове вспыхнула острая боль. Я почему-то точно знала, что это из-за очень сильной магии, но внезапному знанию не удивилась. Не до того. Подойдя к дверному проему, выглянула в торговый зал.

Отец полулежал у шкафов, его грудь охватывали светящиеся путы, а над ним возвышался русоволосый мужчина, лицо которого я разглядеть не могла. То и дело взмахивая руками, чужак что-то шипел, отец отвечал, но из-за звона я не могла различить слов. В какой-то момент боль в голове стала настолько нестерпимой, что спор между мужчинами перестал казаться столь уж важным. Хотелось не только зажать уши ладонями, но и завопить во все горло. Я качнулась и стукнулась о косяк.

– Клара, – произнес отец, выпучив на меня глаза. Он побледнел и начал яростно вырываться из пут.

– Клара? – переспросил Кшиштоф, разворачиваясь ко мне. – Как удачно, что твоя дочь сама к нам спустилась, Казимир. Мне не придется подниматься, будить девочку и тащить вниз. Она пришла сама.

По ехидному изгибу губ я уловила сарказм.

Этот рейян выглядел чуть старше отца, но был куда стройнее и выше. Если бы не злоба в глубине светлых глаз, довольная усмешка и неопрятный измятый костюм из темно-синего сукна, я бы, возможно, посчитала его очень по-мужски привлекательным. Но прямо сейчас

мою голову раздирала боль, а незнакомец угрожал моему единственному близкому человеку, так что я лишь хмуро склонила голову, глядя на Кшиштофа.

– Ой, какая забавная девочка, – несколько секунд потаранив меня взглядом, усмехнулся чужак. – Смелая. Знаешь, Казимир, мне нравится. Так будет веселее.

– Не трогай мою дочь, – выплюнул отец, глядя только на Кшиштофа.

– Не трону, если вернешь мне то, что забрал, – сказал рейян, продолжая смотреть на меня. – А если будешь упираться, то твоя дочурка испытает все то, что я готовил для тебя в качестве мести. – Мужчина усмехнулся и шагнул ко мне. – Ты знаешь, девушки бывают разные, даже смелые, но боль они выдержать не могут. Ни одна не смогла...

Глава 2

Ищите девушку

– Что у нас здесь?

– А, Глеб, явился, – махнул рукой с зажатым в ней блокнотом Вольшек Давидовский – высокий, чуть полноватый мужик. Ранние залысины и многочисленные морщинки вокруг глаз делали его старше. – Где тебя носило?

Глеб Ковальский неопределенно пожал плечами и вгрызся в свой бутерброд, спеша насладиться им до того, как увидит место преступления.

– Я только час как с поезда, – сообщил он коллеге и заглянул в его записи через плечо.

– Да? – рассеянно переспросил Вольшек и задумчиво постучал ручкой по листам блокнота.

– Ты, как всегда, не слушал, – ухмыльнулся Глеб, продолжая уплетать бутерброд. Тот не отличался свежестью и на вкус был как опилки, но рейян предпочел не привередничать. Ему сегодня и так не повезло. Поездка в Лиен оставила гадостное ощущение пустоты, заглушить которое Глеб планировал плотным завтраком и здоровым сном в собственной кровати. Но на перроне его настиг вызов на кристалл от коллег с сообщением, что у маленького отделения управления магического контроля в Брочлаве впервые в этом году появилось не просто дело, а самое настоящее и крупное Дело. – Я ездил к бабуле и, вообще-то, собирался воспользоваться своим выходным, чтобы отоспаться. Но...

– Ага, – согласился Вольшек. – Но вот мы здесь.

Бутерброд был проглочен, и Глеб с раздражением вздохнул. До одури хотелось кофе, чтобы смыть им привкус основательно приправленной чесноком говядины, но вряд ли кто-то догадается предложить следователю чашечку. Придется ждать до управления, а там самому варить на плитке ту самую бурду, над банками с которой хозяйственник трясется как над золотыми слитками.

Еще более раздраженно вздохнув и постучав себя по груди кулаком в надежде, что съеденное поскорее проскочит дальше, Глеб

пристально взглянул на небольшой аккуратный двухэтажный домик семьи Новак, полыхавший как осветительный кристалл.

– Так что тут у нас? – повторил рейян свой вопрос. – Мне сообщили лишь то, что произошло убийство.

Вольшек перелистнул блокнот на первую страницу, но лишь мельком взглянул в свои записи и стал рассказывать:

– Убийство, да. Неясно пока, что именно случилось: или кто-то убил при помощи магии, или пытался затереть следы заклинанием...

– Да уж, – согласился Глеб. – Это место светится так, что рассмотреть правильную картину событий едва ли удастся.

Вольшек покивал и вздохнул.

– Убитого все мы знаем, – сказал он, выждав несколько секунд. – У нас тут не так уж много жителей, а аптекарей всего трое.

– Убитого? – переспросил Глеб. – Убили Новака?

– Верно, – кивнул Вольшек. – Его обнаружил почтальон около шести утра. Он издали заметил вспышку и поспешил сюда, а потом позвонил жандармам.

– А дочь Новака? – уточнил Глеб.

Броцлав не был самым маленьким городом королевства, но как-то так выходило, что здесь почти все знали друг друга если не лично, то хотя бы в лицо. А Клару Новак не обсуждал только ленивый или слепой. Глеб даже подозревал, что о Кларе Новак не говорила только сама Клара Новак, не замечавшая ни взглядов мужчин, ни попыток за собой поухаживать. К своему стыду, Глеб и сам как-то попробовал заговорить с этой девушкой, заглянув в аптеку Казимира, но рейна настолько углубилась в собственные мысли, что, кажется, даже ни разу не посмотрела на следователя.

– А вот тут все очень странно, – вздохнув, печально сообщил Давидовский. – Мы не обнаружили Клару Новак. В доме ее нет. Как и вокруг. Еще предстоит опросить соседей, но пока неизвестно, где находится рейна Новак.

Глеб судорожно вздохнул, но тут же взял себя в руки. Девушка девушкой, но он на службе. И чем лучше выполнит свою работу, тем быстрее отыщется дочь аптекаря.

– Идем, – позвал Вольшек, не подозревая о мыслях приятеля. – Там уже все осмотрели.

Давидовский кивнул ближайшему спецу и обошел деревянный щит, которым жандармы отгородили от толпящихся на улице зевак дверь и витрины аптеки. Стекла почти не пострадали, лишь изнутри покрылись непонятным сероватым налетом.

– Это еще что такое? – уточнил Глеб и даже поскреб пленку ногтем. Та оказалась плотной и липкой, как плесень.

– Я тоже не знаю, – покивал Вольшек. – Но эта гадость, судя по всему, некогда была одним из тех снадобий, которыми Новак торговал. В заднем помещении нашлась емкость, наполовину заполненная этим веществом. – Вольшек мотнул головой. – Похоже, убийца вскрыл герметично запечатанную банку, и частицы тут же распространились по аптеке.

– И для чего только что-то подобное нужно? – покачал головой Ковальский.

– Уточним у кого-нибудь из аптекарей, – сказал Вольшек. – Вполне вероятно, что данное средство должно выдерживаться в закрытой емкости, пока не завершится длительный химический или же магический процесс, после чего компоненты теряют свою летучесть, а их смесь из кучки грязи превращается в...

– Во что-нибудь целебное, ага, – перебил его Глеб. – Но ты помни, что Новак не был магом. Спроси у рейяна Б'ульбика, они с Новаком приятельствовали. Есть вероятность найти убийцу по зелью? На него оно, несомненно, тоже попало.

– Вряд ли, – покачал головой Вольшек. – Почтальон никого не видел, так что убийца сумел быстро покинуть место преступления. Вполне возможно, что он уже избавился от одежды. Оттирается вещество легко. – Управленец по инерции потер рукав пиджака. – Явного запаха нет.

– Магического следа тоже, – вздохнул Глеб. – Жаль. Было бы намного проще, если бы Новак готовил не лекарства, а... чернила, например.

– Или наш убийца сунулся не в эту емкость, а в соседнюю, – согласился Давидовский. – Мы не вскрывали, но по этикетке ясно, что это привезенная из столицы партия красителя. Новак ее уже здесь по бутылкам разливал.

– Красителя? Для чего? – уточнил следователь.

– Для волос, – сверившись с записями, пояснил Вольшек. – Радикальный черный цвет. Обратный адрес: Гаруч, улица Малая Арнауцкая, дом шесть.

Глеб хмыкнул и внимательно осмотрелся.

Торговый зал аптеки выглядел так, будто его долго и основательно громили, а после закоптили: половина стеллажей валялись на полу, содержимое склянок перемешалось, образовав тошнотворное разноцветное месиво с вкраплениями из всевозможных пилюль. Но еще более ужасное зрелище обнаружилось под белой простыней: Ковальский едва узнал в изломанном человеке с перекошенным лицом Казимира Новака.

– Дверь не взломана, – сверяясь с записями, сказал Вольшек. – Аптекарь или сам впустил убийцу, или вошел в здание вместе с ним. Отпечатки картину не проясняют. Их много, и все смазанные.

Глеб и сам это видел. Вокруг погибшего аптекаря весь пол был усеян той же серой гадостью, что и стены, но на полу ее основательно затоптали.

– Был ли шанс найти хоть один четкий отпечаток до того, как тут все... – спросил Ковальский с толикой разочарования, – испортили?

– Первыми прибыли жандармы, – пояснил Вольшек. – И они же первыми обнаружили, что найти нормальные отпечатки невозможно. Почтальон не подходил к телу, еще издали понял, что Новак мертв, и сразу же ринулся вызывать подмогу. И уже жандармы сообщили нам. Но следы изначально выглядели так. Похоже, наш убийца был достаточно хладнокровен, чтобы не спеша смазать все свои отпечатки.

Глеб покивал и медленно прошелся по залу. Пара жандармов тщательно осматривала и описывала содержимое прилавков, кассы и нескольких несгораемых шкафов, дверцы которых были выломаны. Он подивился тому, что довольно толстый металл сильно погнут, словно в аптеке орудовал кто-то с недюжинной силой.

– А это что? – сам у себя спросил Ковальский, заметив бледно-желтое пятнышко под стеллажом, стоявшим рядом с дверным проемом.

– Что там? – наклонившись вслед за коллегой, спросил Давидовский.

Безмолвно отвечая на вопрос, Глеб при помощи носового платка извлек из-под стеллажа аккуратную дамскую туфлю.

– Домашняя туфля? – догадался Вольшек, разглядывая покрытый налетом желтый ситец.

– Похоже, она принадлежит рейне Новак, – сказал Глеб, с прищуром рассматривая туфлю так и эдак.

– Ничего особенного, – отмахнулся Вольшек. – Просто туфля.

Глеб не был согласен, но промолчал. Сначала ему хотелось увидеть всю картину, а уже потом делать какие-то выводы. Вернув туфлю на прежнее место, следовательно прошел дальше.

В задней комнате, отведенной под склад, царил еще больший беспорядок, чем в торговом зале. И слой серого налета тоже оказался больше, а на полу среди разбитых бутылочек голубого стекла валялся внушительный глиняный горшок, из которого на пол высыпалась целая горка серого порошка. Повсюду были пятна белых и желтых кремов, мазей, валялись коробочки пилюль и пакетики с порошками.

– Удручающая картина, – вздохнул Вольшек и громко чихнул.

Глеб согласно покивал и помахал перед носом, пытаясь разогнать плотные ароматы лекарств и травяных сборов, щекотавшие нос.

Столовая и кухня тоже пострадали от вторжения неизвестного: ящики выдернуты, их содержимое разбросано по полу, посуда разбита и растоптана, со стен сдернуты картины. И все покрывал тот же серый налет.

Ничего не сказав Вольшеку, Глеб поднялся на второй этаж.

– И кому мог помешать рейян Новак? – с грустью спросил управленец, идя вслед за Ковальским. – Не представляю. Новак, как по мне, был самым безобидным человеком в нашем городе. К тому же немагом.

– И правда, – согласился Глеб, осматривая просторную светлую спальню хозяина.

Здесь тоже все перевернули, вырвали ящики, вытряхнули с полок одежду, разрезали матрас. Но, даже разгромленная, комната казалась светлой и радостной, как залитая солнцем лужайка.

– Что мы вообще знаем про рейяна Новака? – спросил Глеб.

– Ну... самое очевидное, – ответил Давидовский. – Казимиру Новаку было пятьдесят три на момент смерти. Лет пятнадцать или шестнадцать назад развелся с женой. Та куда-то уехала... Да! В Лиен. Точно. Жил Новак тихо, воспитывал дочь. Ничего особенного.

– Ничего особенного, – задумчиво повторил Глеб, заглядывая в спальню Клары Новак.

Здесь тоже похозяйничали, но совсем немного: сорванные шторы, вываленная на пол одежда и разрезанный матрас. В приоткрытое окно проникал свежий воздух и, не находя препятствия, сквозняком гулял по помещению, шевеля страницы книги в мягкой обложке.

– Да... – протянул Вольшек. – В целом Новаки были самой обычной семьей, и тут такое!

Ковальский прищурился, вытащил из книги ленту, служившую закладкой, и задумчиво пропустил тонкую полоску между пальцами. На шелке остался едва различимый аромат лимона и зеленого чая.

– Так, что там с почтальоном? – встряхнувшись, уточнил он. – Ты его лично опросил?

– Им занимается виталист, – ответил Вольшек. – Сейчас он в доме соседки Новака, рейяны Мнишек.

Мужчины быстро пересекли дом в обратном направлении и направились к соседнему строению.

Хоть дом Ирены Мнишек и не пострадал от нападения, там царил не меньший кавардак, чем на месте преступления. В большой уютной гостиной, обставленной светлой мебелью, на широком диване полулежал сухонький рейян в серой форме работника почтамта. В кресле рядом с ним замер виталист, ни на секунду не отпуская ладонь мужчины. Во втором кресле с очень прямой спиной восседала сама хозяйка дома – хрупкая светловолосая рейяна неопределенного возраста. Женщина выглядела встревоженной и опечаленной, она неосознанно кусала губы и мяла тонкий батистовый платочек.

Здесь же находился еще один работник управления – Влодек Завацкий. Самый молодой член их маленькой команды задумчиво что-то писал в блокноте и мигом улыбнулся, увидев Глеба.

– Здоров! – громким шепотом поприветствовал он. – Как бабуля?

Глеб с укоризной взглянул на Вольшека.

– Что ты на меня смотришь? – хмуро возмутился приятель. – Ты же знаешь, что Влодек у нас как раз тот, кто все и про всех знает.

Это было истинной правдой. Обаятельный и говорливый Влодек легко сходилась со всеми и удивительным образом всегда и про всех знал даже мельчайшие подробности. И как ему это удавалось – загадка!

– Выйдем? – предложил Влодек, глянув на почтальона и рейяну Мнишек.

Глеб не стал возражать, прекрасно понимая, что управленец уже вызнал все возможные сведения.

– Почтальон увидел свечение около шести, поспешил сюда и первым обнаружил тело, – шепотом начал Завацкий, пересекая холл дома Ирены Мнишек. – Никого и ничего не видел. Побежал к рейяне Мнишек, и уже отсюда они вызвали жандармов.

– Ничего нового, – вздохнул Давидовский.

– Отнюдь! – усмехнулся Влодек уже на крыльце. – Я расспросил рейяну и многое узнал.

Стоило вернуться и услышать рассказ из уст самой Ирены Мнишек, но Глеб видел ее состояние и решил, что должен позволить женщине прийти в себя.

– И что же?

– Во-первых, у нее с Новаком был роман, – торжественно сообщил Влодек и замолчал, выдерживая театральную паузу и стреляя в коллег взглядом.

– А во-вторых? – поторопил Ковальский.

– Этой ночью Новак был у рейяны Мнишек и ушел от нее примерно в половине пятого.

– Это интересно, – согласился Глеб. – Дальше.

– По словам рейяны, Клара Новак ничего не знала о романе отца. Казимир Новак не спешил рассказывать дочери, хотя роман длился больше года, – продолжил выдавать сведения Влодек.

– И почему же? – удивился Давидовский. – Они взрослые люди. Он разведен, она...

– Вдова, – подсказал Влодек.

Мужчины вернулись в дом Новаков.

– Вот именно. Два свободных человека. Что тут скрывать?

– Ну... Сам Новак сказал рейяне, что не хочет тревожить дочь, – ответил Завацкий. – Если не ошибаюсь, с момента развода рейян Новак не был замечен в каких-либо любовных связях. Не думаю, что он все еще любил свою бывшую жену, больше похоже на то, что он излишне любил дочь и не желал причинять ей боль появлением в доме другой женщины.

Глеб кивнул. Он плохо знал аптекаря, но любой видел ту заботу, какой Новак окутывал своего единственного ребенка.

– Не думаю, кстати, что рейна Новак воспротивилась бы, – высказал свое мнение Влодек. – Она производит впечатление спокойной девушки и любящей дочери. Вряд ли бы она ревновала отца.

– Она ведь уже совсем взрослая? – уточнил Давидовский. – Сколько ей? Восемнадцать?

– Почти двадцать, – проявил осведомленность Влодек прежде, чем на вопрос ответил Ковальский.

– Похоже, Новак собирался подождать до замужества дочери, – предположил Вольшек.

– Но у девушки нет романтической привязанности к кому-либо! – воскликнул Влодек.

– И откуда ты все знаешь? – фыркнул Ковальский, чувствуя странное тепло в груди.

– В нашем сонном болоте все всё знают, – отмахнулся Влодек Завацкий. – Одно дело – кто-то незначительный, неприметный, другое – Клара Новак.

– Да, – согласился с этим Вольшек. – Ее ведь называют первой красавицей Броцлава?

Глеб не ответил, но сдержанно кивнул.

Никто и никогда не проводил официального смотра местных красавиц, но любому, если спросить, на ум первой приходила именно Клара Новак.

Она стала выделяться еще лет пять назад, когда из худенькой девочки с темно-каштановыми волосами превратилась в изящную, стройную девушку. Мало с кем общалась, любила гулять в одиночестве, носила неяркие платья с цветочным рисунком, но удивительным образом каждый считал ее милой, доброй и обаятельной рейной, способной украсить собой любой, даже самый мрачный день. Странно, но не ходило слухов о завистницах, как не было и слухов о счастливчиках, которые завоевали благосклонность красавицы.

– Итак, Новак ночевал у Мнишек, – вернул всех к прежней теме Глеб, чтобы не думать о Кларе. – Дочь Новака об этом ничего не знала.

Скрывая свой роман, аптекарь стремился вернуться домой до пробуждения рейны Новак.

– Именно, – покивал Влодек.

– Он уходил каждую ночь? – предположил Ковальский.

– В том и дело, что нет, – ответил управленец. – У них не было какого-то определенного... графика свиданий.

Глеб хмыкнул и призадумался. Один из жандармов подал следователю описные листы и приложил пальцы к фуражке.

– Благодарю, – рассеянно сказал Ковальский и зашуршал бумагами, просматривая собранные сведения.

– И что рейяна Мнишек? – поторопил Влодека Давидовский.

– Она не заметила за Новаком ничего необычного, – ответил младший член команды. – Рейян вел себя как и всегда. Не переживал, не торопился домой. Ушел тоже в свое обычное время – вскоре после того, как молочник развез молоко по домам. Рейяна ничего не слышала, и ничего ее не насторожило до того момента, пока в ее дверь не постучал почтальон.

– Ничего удивительного, – отмахнулся Глеб. – Здесь повсюду жилые дома. Аптека – просто исключение. Булочник обитает через три улицы, лавки расположены ближе к реке. И в пять, и в шесть утра здесь слишком мало прохожих, чтобы кто-то что-то заметил.

Управленцы покивали, и Влодек спросил:

– Но где Клара? Ее нет.

– Думаете, ее похитили? – напрягся Вольшек.

– Да тут не поймешь! – отмахнулся Завацкий. – Все слишком запутано.

– Давайте где-нибудь присядем и обсудим, – предложил Глеб и направился к дому Новаков.

* * *

Дико хотелось кофе, но пришлось довольствоваться кружками с водой, которую принес Завацкий. Разложив листы на столе в гостиной Новака, Глеб долго и задумчиво их читал, пробегая взглядом по строчкам, заполненным летящим почерком одного из жандармов. Управление магконтроля Броцлава было настолько маленьким, что

спецам нередко помогали подчиненные шефа жандармов, благо представители правопорядка города несли свою нелегкую службу в одном здании.

– Что мы имеем? – спросил Ковальский, взглянув на коллег.

– Что? – спросил Давидовский, с отвращением хлебнув из кружки. – Влодек, где ты это взял?

– В самоходе^[2] управления, – ответил Завацкий и с большим энтузиазмом влил в себя воду. – Валялась там фляжка. Ты же сам велел, чтобы у нас с собой всегда была вода.

– Да, но надо же ее хоть иногда менять, – возмутился Давидовский, отставляя кружку на стол. Вода плеснула и мигом намочила пару листов.

– Чтоб тебя, Вольшек! – вспыхнул Ковальский.

Смахнув капли, Глеб вновь просмотрел описные листы и, сверкнув на коллегу хмурым взглядом, откинулся в кресле.

– Надо опросить жителей, – чуть виновато сказал Влодек и заглянул в свой блокнот. – На этой улице больше двадцати домов. Еще соседние улицы, откуда просматривается свечение...

– Да, я уже послал людей, – прервал его Давидовский. – Будет быстрее, если этим займутся жандармы. Но вот с молочником и его помощником мы должны побеседовать лично.

– Как и еще раз с почтальоном. И рейяной Мнишек, – решил Глеб, глянув на коллег. – Сейчас оба не в лучшем состоянии, но позже могут вспомнить какие-то детали, способные пролить свет в этом деле.

– Запутанное дельце, – покачал головой Вольшек. – В наших краях что-то подобное – редкость.

Ковальский согласно кивнул. Восемь лет назад он совсем молодым следователем прибыл в Броцлав, мечтая о славе и приключениях, но попал в самое настоящее болото.

Родился и вырос Глеб в Лиене и искренне надеялся, что после академии вернется в родной город, чтобы вступить в ряды тамошних управленцев. Да и родители ждали сына домой, с терпением приняв его выбор не в пользу магнауки. Но в академии рассудили иначе, направив одного из своих отличников в сонный городок на пути в Лиен, дабы заполнить образовавшуюся там кадровую брешь.

Сначала Ковальский пылал энтузиазмом, готов был в любой момент прыгнуть в казенный самоход и помчаться хоть на другой

конец города в дождливую холодную ночь, но на деле работа в управлении почти всегда сводилась к многочисленным благостным отчетам в столицу и приему жалоб у населения. Маги-преступники обходили городок стороной, а обычные злодеи не желали порадовать спецов даже магическим оружием. В итоге настоящее дело, да еще и убийство, ввело большую часть команды управления магконтроля в легкий ступор.

– Да, запутанное, – рассеянно согласился Глеб и закинул руки за голову.

Кофе хотелось все сильнее. Стоило вернуться в управление и сварить себе порцию любимого напитка, но дело не ждало промедления. Часы на стене деликатно тренькнули, возвещая начало нового часа. Восемь. Прошло всего два часа, но магконтроль уже отстал на эти два часа от убийцы, который при помощи какого-то зверского магического инструмента сумел оставить в груди Казимира Новака несколько оплавленных отверстий, совсем немного отливающих зеленоватым свечением.

– Значит, опрашиваем жителей, ищем свидетелей и?.. – поторопил коллег Влодек.

– Давайте разберем то, что нам уже известно, а дальше решим, – предложил Ковальский и вновь склонился над листами.

– А нам что-то известно? – скептически уточнил Давидовский.

– Конечно! – улыбнулся Глеб. – И довольно много. Мы многого не знаем, но в целом картина произошедшего достаточно ясна.

Управленцы переглянулись и скептически воззрились на своего коллегу.

– Хорошо, давай расскажи нам свои выводы, – предложил Вольшек, передвигая описные листы к себе. – Я ведь видел все то же самое, так почему мне не слишком ясно, что же случилось?

– Мне тоже, – признал Глеб и взъерошил свои темно-каштановые, с рыжим отливом волосы. – Я не знаю, где Клара Новак. И это очень меня беспокоит.

– Думаете, ее похитили? – выдвинул неприятное для всех предположение Влодек Завацкий.

– Я очень надеюсь, что нет, – признался Глеб. – Но пока прошло совсем немного времени. Остается лишь надеяться, что произошедшее

настолько напугало девушку, что она убежала. Если так, то вскоре мы ее отыщем.

Давидовский хмыкнул и озвучил то, что Ковальский и сам знал, но от чего старался отмахнуться:

– Обычно люди в панике кидаются к тем, кого хорошо знают. Если бы рейна Новак побежала к кому-то из соседей или к какой-либо подруге, то о произошедшем мы узнали бы раньше, ведь любой здравомыслящий человек вызовет жандармов, услышав о нападении. – Вольшек вздохнул. – Но если Клара Новак стала свидетельницей убийства...

Все помолчали, не желая договаривать очевидное. Не хотелось верить, что этим утром убили не только безобидного аптекаря, но и его юную красавицу-дочь.

– Она и стала свидетельницей, – хмуро сообщил коллегам Ковальский.

– Правда? – удивился Завацкий. – Как ты узнал?

– Все на поверхности, – пожал плечами Глеб. – Ты ведь осматривал дом?

– Естественно, мы с Вольшеком прибыли сразу же, как с нами связались жандармы.

– Ладно, расскажи нам все, – предложил Давидовский.

В их троице начальником по всем документам числился именно Глеб Ковальский, но управленцы редко вспоминали о субординации. Да и Давидовский служил в магконтроле лет на пятнадцать дольше Глеба, застал еще предыдущего начальника Броцлавского управления, а потому испытывал к своим более молодым коллегам немного покровительственные чувства.

– Итак, – сцепив пальцы в замок и сосредоточившись, проговорил Ковальский, – рейян Новак был влюблен в рейяну Мнишек. Их отношения развивались, но они старались не выносить их на публику. Именно поэтому аптекарь всегда возвращался от своей пассии до того, как просыпалась его дочь. Ночевал у рейяны Мнишек Новак не каждую ночь, но всегда уходил примерно в то время, когда молочник заканчивал объезжать местных жителей.

– Молочника зовут Яцек Кочма́рек, – вклинился в рассказ Влодек. – Он поставляет молоко на Черво́ну и Бя́лу дро́гу. Исходя из слов рейяны Мнишек, молочник бывает здесь через день и всегда

оставляет молоко и забирает пустые бутылки примерно в четверть пятого.

– С ним обязательно нужно поговорить, – покивал Глеб и продолжил: – Значит, примерно в половине пятого или чуть позже Казимир Новак покинул дом рейяны Мнишек и вернулся к себе. Ни одна из дверей не взломана, открытые окна и форточки только на втором этаже: в спальнях хозяев, но подозреваю, что убийца вошел не в окно, а вслед за Новаком через дверь аптеки.

Давидовский и Завацкий молча покивали, соглашаясь с предположением коллеги.

– Напал ли убийца сразу же? – сам у себя спросил следователь. – Не думаю. Похоже, между аптекарем и его убийцей произошел разговор. Об этом свидетельствуют следы на теле. Вы ведь видели продольные подпалины на одежде?

Управленцы покивали.

– И этот разговор был настолько громким, что разбудил рейну Новак. Девушка спустилась на первый этаж, желая узнать причину шума, и, возможно, стала свидетельницей части спора и убийства рейяна Новака.

– Стоп, – прервал Глеба Давидовский. – Откуда такой вывод?

– Туфля, – коротко пояснил следователь. – Комнатная туфля рейны Новак, которую я заметил под стеллажом в торговом зале.

– Но ведь она могла потерять ее уже потом, – высказал свое предположение Влодек. – После того, как убийца совершил злодеяние и ушел. Ее мог разбудить вовсе не шум спора, а магический выброс. Новаки, конечно, обычные люди, но и обычные люди способны чувствовать воздействие, если находятся в его эпицентре.

– Нет. – Глеб покачал головой. – Нет. Девушка спустилась раньше. До того, как убийца взялся обыскивать дом. На туфле налет зелья. Да и обыск... Убийца не смог бы обыскать дом так, чтобы девушка не проснулась. Нет, она спустилась перед или сразу после убийства, но до того, как наш преступник занялся обыском.

– А если это был заезжий вор? – спросил Влодек. – У нас порой такие бывают. Раз в несколько лет. Гастролеры, решившие включить Броцлав в свой список на пути в столицу или в Лиен. Но вор оказался неудачником и попался Новаку на глаза.

– Ты, как и я, от скуки читаешь отчеты жандармерии, – отмахнулся Глеб. – Вор, даже заезжий, не стал бы пытаться ограбить аптекаря. Червона дрога – не та улица, где можно многое взять. Тут живут люди среднего достатка, а не богачи. А уж наш преступник и подавно знал, что много он не получит.

Давидовский вопросительно вздернул брови.

– Будь это обычный вор, он бы влез в аптеку, пока Новака нет дома, а его дочь спит на втором этаже, – пояснил Глеб. – И вынес бы только те немногочисленные деньги, какие были в кассе. Но в описных листах указано, сам посмотри, что сумма в учетных книгах и в кассе совпадает. Нет, это был не вор. Преступник знал, что Новак у возлюбленной и вернется на рассвете. О чем нам это говорит?

– Что это не попытка ограбления, – покивал Давидовский. – Ты прав. Если бы речь шла о деньгах, то у вора была возможность войти и выйти незамеченным. Но что же у нас тогда?

– Подготовленное нападение, – ответил Глеб. – Новака ждали. Убийца напал на него не в постели, не среди бела дня за прилавком. Он следил за аптекарем какое-то время, наблюдал. Ждал.

– Изначально Новака не собирались убивать? – предположил Влодек.

– Вполне возможно, – согласился следователь. – Как вариант. Хотя вряд ли тот, кто не планирует убийство, носит с собой оружие, способное прожечь в человеке подобные дыры и при этом затереть все следы.

Управленцы покивали.

– Думаю, убийца не собирался оставлять Новака в живых, но перед этим ему необходимо было что-то вызнать у аптекаря. Видимо, где убитый что-то хранил. И этот разговор не должен был состояться при свидетелях. Именно поэтому преступник выбрал момент возвращения Новака домой. В итоге никто не видел, как преступник вошел в дом и вышел из него.

– Кроме Клары Новак? – добавил Завацкий.

– Возможно, – согласился Глеб. – Итак. Преступник выжидает. Он хочет поговорить с Новаком с глазу на глаз, а для этого необходимо найти оптимальное время. Аптекарь много работает, у него постоянно клиенты, а вечером он дома с дочерью. Рассветные часы в торговом зале – наилучшее время, ведь есть шанс, что разговор не услышит

рейна Новак и не помешает. Но рейна услышала и спустилась. Она видит постороннего, который, вероятно, угрожает ее отцу, пугается и падает, от чего с ее ноги соскальзывает одна туфелька. Дальше неясно. Она сбежала? Возможно, но маловероятно.

– Почему? – уточнил Давидовский.

– Она свидетель, – пояснил Глеб. – Что-то видела и слышала. Преступник не мог позволить девушке сбежать, ведь тогда бы она подняла шум, разбудила соседей криками, и у убийцы не было бы времени внимательно осмотреть дом. А дом осмотрен внимательно, – с нажимом сказал Ковальский. – Убийца обыскал все ящики, шкафы, перевернул все лекарства, потратил время на то, чтобы вскрыть сейфы, а ведь там очень надежные дверцы из толстого металла. Не похоже, что он делал это в спешке.

– Скорее всего, преступник как-то обездвижил девушку. Не убил, иначе бы у нас было два тела. Или убил, но не здесь, – соглашаясь с Глебом, сказал Вольшек.

Ковальский сглотнул. Ему не хотелось думать о том, что Клара Новак мертва.

– Как бы то ни было, – чуть хрипло сказал он, – примерно с половины пятого и до, допустим, без четверти шесть и дом, и Новаки были в полном распоряжении преступника. Этого вполне достаточно, чтобы допросить Казимира Новака, а потом обыскать дом.

– А убил он его до или после? – спросил Влодек.

– Это нам расскажет судмедэксперт, – сказал Ковальский, – но могу предположить, что все произошло до обыска.

– На ранах тот же налет, что и повсюду на первом этаже, – сообщил коллегам Давидовский. – Похоже, убийца долго спорил с Новаком, допрашивал его, а потом в порыве убил. До обыска.

– Похоже на то, – согласился Глеб. – Мы можем лишь гадать, что искал преступник и добился ли он своего.

– Но девушка пропала, – печально вздохнул Влодек.

– Пропала, – поддержал Давидовский.

– А если она все же сбежала и просто еще не объявилась? – понадеялся на лучшее Завацкий. – Ты прав, Глеб, по логике убийца не мог позволить рейне сбежать. Ему необходимо было время. Но это по логике. А мы не знаем, кто совершил преступление. Это вполне может

быть очень хладнокровный человек, который собирался быстро найти искомое и обратиться из дома Новаков.

– Мы в Броцлаве. Клара Новак не вернулась в свою комнату, не сменила одежду и к тому же в одной домашней туфле. Если ее где-то увидят, то мы очень скоро узнаем, – не слишком воодушевленно сказал Глеб.

– Старший следователь!

Прогрохотав ботинками по лестнице, перед управленцами явился один из жандармов. Мужчина запыхался и был весьма чем-то обеспокоен.

– Что случилось? – тут же поднялся Глеб. – Удалось что-то найти?

– Вам стоит самим на это взглянуть, – ответил жандарм.

Мужчины быстро спустились со второго этажа и вышли из дома. Жандарм жестом указал им на живую изгородь через дорогу, поверх которой были видны трое обеспокоенных жандармов. Хозяин дома, пожилой рейян в домашнем халате, невнятно вскрикивал и размахивал руками, то и дело порываясь бежать то обратно в дом, то, наоборот, к широко распахнутой калитке.

– Рейян Ковальский! – заметив Глеба, тут же закричал он. – Что делается?! Что делается?.. Зачем ваши люди топчут мои флоксы?! Что вам сделали мои цветы?

Через несколько секунд, когда Глеб вошел в маленький садик рейяна, он понял причину нервного срыва местного жителя: трое жандармов торчали прямо посреди прямоугольных грядок, засаженных пышными ухоженными цветами.

– Что вы нашли? – спросил Ковальский у жандармов и добавил, обращаясь к хозяину: – Простите нас. Идет следствие, и мы должны тщательно осмотреть прилегающие окрестности.

– И чем вам не угодили мои цветы?! – возмутился рейян.

– Видите ли, рейян... – начал Глеб, но запнулся. Броцлав был небольшим городом, но все же не самым маленьким. Многих жителей Ковальский знал в лицо, но не по именам.

– Войц! – почти взвизгнул мужчина. – М'икель Войц!

Глеб тут же вспомнил, кто перед ним. Как раз в тот год, когда сам Ковальский перебрался в Броцлав, здесь обсуждали еще одного человека. Это как раз и был рейян Войц. Говорили, он прежде служил в королевском оркестре и на протяжении долгого времени услаждал

слух столичной публики своим мастерством игры на скрипке. Но однажды решил оставить карьеру и уехать от суеты большого города. Изначально он планировал купить дом в Лиене, но по пути взглянул в окно поезда, когда тот подъезжал к Броцлаву, влюбился в причудливые извивы реки, двумя сверкающими лентами прорезавшей город, деля его на три части, и в порыве сошел на перроне, чтобы остаться в этом тихом месте.

– Простите, рейян Войц, – как можно вежливее проговорил Глеб. – Мне очень жаль, но уверен, мои коллеги не стали бы тревожить вас и ваши цветы без причины.

– Старший следователь, – поторопил жандарм, и трое управленцев подступили к клумбам.

Стоило одному из мужчин в черной форме жандармерии раздвинуть пышные соцветия сиреневых, голубых и белых флоксов, и Глеб на пару мгновений перестал дышать: на земле, присыпанная лепестками, лежала туфелька из бледно-желтого ситца.

– Хракс^[3]... – вырвалось у Влодека.

– И вот еще, – обратил внимание управленцев другой жандарм, пошевелив ветви живой изгороди, отчего стали заметны сломанные веточки и оборванные листья. – Мы именно так и обнаружили туфлю.

Глеб кивнул и, подступив ближе, подхватил с земли туфельку. Картина становилась все запутаннее.

– Что ж... Теперь мы можем точно сказать, что Клара Новак сбежала до того, как преступник принялся обыскивать дом, – проговорил он медленно. – На туфле нет серого порошка. Но все становится еще запутаннее.

– Да уж... – согласился Вольшек. – Выходит, преступник не попытался ее остановить. Не побоялся, что она потом его выдаст? Вместо этого он спокойно продолжил поиски?

Глеб промолчал. У него было несколько возможных объяснений, но все они ему не нравились.

– Продолжайте осматривать улицу, – велел он жандармам. – Расширьте радиус и осмотрите не только Червону дрогу, но и две соседние улицы в этом направлении. Отмечайте все странности.

– Так точно, – в унисон отозвались жандармы и наконец выбрались из цветов, вызвав расстроено-гневный возглас у рейяна Войца.

– Скажите, вы что-нибудь видели или слышали в пять или шесть часов утра? – спросил Глеб, вернувшись к старичку.

– Я уже знаю, что Новака убили, но ко мне его убийца не забирался, – прошипел музыкант.

– Подумайте как следует, рейян Войц, – попросил Ковальский. – Это очень важно. Нам нужно как можно скорее разыскать рейну Новак, и ее жизнь, возможно, зависит от вас.

– Я слышал только лай и рычание собаки, – сменив гнев на милость, после нескольких секунд раздумий сказал мужчина. – Но у нас подобное бывает. Я пару раз предлагал жителям написать коллективную жалобу, чтобы все, кто держит собак, не спускали их на ночь с цепей. Порой эти твари носятся по дворам настоящими сворами. Страшно из дому выйти!

– И все? – нетерпеливо перебил Глеб. – Больше ничего? Возможно, вы слышали, как кто-то ломился сквозь вашу изгородь?

– Нет, – еще немного подумав, сказал рейян Войц, недовольно хмурясь. – Я стараюсь не открывать окна без особой нужды. Знаете ли, у меня отменный слух, любой посторонний шум очень мешает мне спать. И этой ночью я спал с закрытыми окнами. Тот же лай услышал лишь потому, что он был достаточно громким.

Ковальский вежливо улыбнулся, поблагодарил и вернулся к коллегам. Взглянув на его разочарованное лицо, Вольшек спросил:

– И что теперь?

Ковальский повертел в руках туфлю, кусая изнутри щеку, а потом решительно велел:

– Вольшек, остаешься здесь, следишь за опросом жителей и осмотром местности. Пусть жандармы особенно тщательно расспрашивают обо всех подозрительных личностях, появлявшихся здесь за последние... пусть будет пара недель. Влодек, я хочу знать все, что известно про Казимира Новака. Похоже, он был не так прост, как нам всем казалось. И еще съезди на вокзал, расспроси гномов. У нас тут не самое популярное место... Меня интересуют те, кого никто не встречал, кто подозрительно себя вел... В общем, ты и сам знаешь.

– Думаешь, это не кто-то местный? – сообразил Влодек.

– Я почти уверен, что опрос жителей покажет, что никто не видел никого подозрительного, – сказал Вольшек. – Если так, то это или

свой, не привлекий внимания местных, или чужак, очень старавшийся спрятаться. В любом случае стоит узнать о приезжих, это будет явно быстрее: гномы не слишком любят болтать и всегда отвечают коротко и ясно.

– Вот только спрашивать у них непросто, – со вздохом простонал Влодек Завацкий.

– А чем будешь заниматься ты? – уточнил Давидовский у Глеба.

– А я поговорю с Иреной Мнишек, – хмуро ответил Ковальский. – И... узнай, где я могу найти молочника. Им я займусь после рейяны.

Глава 3

Беззащитное существо

Проводив приятелей взглядом, Глеб вернулся к грядкам с флоксами и, осторожно ступая, внимательно осмотрел землю между рядами цветов. Вскоре он отыскал отпечаток босой человеческой стопы, но дальше след обрывался: грядка упиралась в коротко стриженный газон, на котором не были видны какие-либо примятости.

– Может, вы уже перестанете топтать мои цветы? – хмуро потребовал рейян Войц.

Глеб сделал вид, что не услышал слов мужчины, продолжая осматривать землю и траву.

Нет. Нет следов.

Ковальский встал и двинулся вдоль изгороди, надеясь найти хоть что-то. Но изгородь, обогнув дом, упиралась в соседний участок, дом на котором смотрел на Бялу дрогу, а дальше уже виднелся левый рукав реки.

Недовольно поцокав языком, Глеб прошел владения музыканта в обратном направлении и, поблагодарив пышущего недовольством хозяина, вышел за калитку.

Следователю хотелось потянуть время в надежде, что Клару Новак разыщут с минуты на минуту. Управленцам в любом случае нужно найти убийцу, но было бы гораздо спокойнее, если бы при этом девушка находилась под защитой работников правопорядка.

Глеб пересек улицу и быстрым шагом вошел в дом рейяны Мнишек. В гостиной за время его отсутствия многое переменилось: почтальон уже не походил на умирающего, виталист быстро что-то писал на форменном листе, а сама хозяйка с грустным видом пила чай из тонкой фарфоровой чашки. Ковальский отметил, что рука у женщины при этом не дрожала.

– Хотите чаю? – слабым голосом спросила рейяна Мнишек.

– Если вам не трудно, – вежливо улыбаясь, сказал Глеб, продолжая мечтать о большой кружке кофе, и добавил: – Я могу переговорить с вами?

– Да... – Ирена Мнишек порывисто встала и быстро осмотрелась, походя при этом на маленькую птичку. – Не возражаете, если мы пройдем на кухню?

Глеб не возражал. Ему даже понравилась просторная светлая кухня, оформленная явно для удобства одного или двух человек: кроме всего необходимого для готовки здесь была высокая барная стойка с широкой каменной столешницей. Так и виделось, как по утрам рейяна Мнишек пьет здесь чай, чтобы не сидеть за слишком большим для нее столом в столовой, через которую Глеб прошел вслед за хозяйкой.

– Так ужасно... Так ужасно... – вздохнула Ирена Мнишек и тихонько всхлипнула. – Казик... Казимир был таким хорошим!

Глеб наблюдал за женщиной, надеясь, что она не заметит столь пристального внимания.

Прежде Ковальский всего пару раз видел рейяну Мнишек, и лишь издали. Знал он о ней и того меньше. Только то, что около двух лет назад она переехала в Броцлав и вела довольно праздный образ жизни. Ни на первый, ни на второй взгляд рейяна не представляла для Глеба какого-либо интереса, а потому он лишь теперь внимательно к ней присмотрелся.

На вид Ирине было около сорока, но с тем же успехом ей могло быть и больше. Лицо ухоженное. Даже сейчас, после бурной реакции и пролитых слез, женщина выглядела весьма мило: чуть бледная, с порозовевшими мочками ушей. От природы светлые волосы были завиты, но за утро слегка растрепались, правда, ровно настолько, чтобы прическа выглядела слегка небрежной, а не неряшливой. Поверх светло-голубого платья накинут тоненький белый кардиган с крошечными бантиками из атласных лент по вороту, атласом же обтянуты крошечные пуговицы.

– Чай, – вежливо сказала женщина, поставив на островок барной стойки расписную фарфоровую чашку.

Глеб непроизвольно вдохнул свежий, совершенно утренний аромат духов – яблоко с примесью чего-то цветочного – и уставился в чашку, наполненную прозрачным напитком. Хотелось скривиться, но он удержал лицо.

Следователь вмиг ощутил себя слишком высоким и слишком громоздким и для этой светлой кухни, и для всего дома, подстроенного

под нужды одинокой женщины. Он будто влез в детский кукольный домик и собирался пить чай в компании фарфоровых куколок.

Мотнув головой и прогнав раздражение, Ковальский заставил себя улыбнуться рейяне Мнишек и сесть на скрипнувший под ним стул. Туфлю пристроил рядом на столешницу, подложив под нее блокнот. Лишь после этого он двумя пальцами взял тоненькую чашку. Жидкость оказалась ровно такой, какой выглядела: безвкусное нечто. Крепкого кофе захотелось пуще прежнего.

– Мне очень жаль, что приходится это делать, но я вынужден попросить вас еще раз ответить на наши вопросы, – мягко сказал Глеб, проигнорировав выставленное на стойку блюдо с крошечным круглым печеньем. – Мы не можем терять время, нужно как можно скорее разыскать преступника.

– А Клара? – с тревогой спросила рейяна Мнишек, ничего не сказав про обувь на своем столе, но с каким-то непонятным выражением взирая на вещь Клары Новак. – Вы уже нашли девочку?

– Нет, пока нет, – быстро пробормотал Ковальский, чувствуя, как непроизвольно дергается глаз. Похоже, в ближайшее время ему еще не раз придется ответить на этот вопрос. – Итак. Мы склонны предполагать, что рейян Новак был не случайной жертвой, убийца знал его. Поэтому... расскажите все, что вам известно про Казимира Новака. Возможно, он рассказывал вам что-то, что просил сохранить в секрете? Сейчас нет смысла что-то скрывать, а нам это может помочь.

Ирена Мнишек наполнила свою чашку новой порцией чая и устроилась на высоком стуле у барной стойки, то и дело тяжело вздыхая.

– Не могу поверить, что произошло подобное! – призналась она. – Казик... Вы знаете, он был таким... Я никогда бы не подумала!..

Глеб прищурился, глядя на женщину. Ее эмоции звучали искренне, но что-то смущало следователя. То ли слишком пристальные взгляды, которые бросала на него Ирена Мнишек, будто проверяя реакцию мужчины, то ли язык тела, не дававший поверить подпущенным в тон истеричным ноткам.

– Постарайтесь успокоиться, – тем не менее посоветовал следователь рейяне. – Нам очень поможет, если вы хоть что-нибудь вспомните.

– Ох... Я ведь рассказала все вашему коллеге, – пробормотала Ирена Мнишек. – Что еще мне рассказать?

– Начните с того, как вы познакомились с рейяном Новаком, – предложил Глеб.

Женщина бурно всхлипнула, вытащила из кармана платя платочек и уткнулась в него носом.

– Я ведь недолго здесь живу, – через некоторое время начала она глухо. – Переехала два года назад, весной. До этого жила в разных местах. Знаете, после смерти моего супруга в Откопанах мне было ужасно неудобно... Я и здесь не собиралась задерживаться, но потом не устояла! – В голосе Ирены послышались одухотворенные нотки, но женщина мигом сникла, вспомнив причину разговора со следователем. – Я надеялась найти дом в другой части города, за Темным Гаем, но снять жилье удалось только здесь, на острове. Я сначала очень расстроилась, но через пару дней, когда доставили мои вещи, познакомилась с Казимиром.

– У вас сразу начался роман? – спросил Ковальский.

– Ну что вы! – взмахнув платочком, воскликнула рейяна Мнишек. – Казимир совершенно не такой мужчина! Был. – Женщина всхлипнула и промокнула мягкой батистовой тканью глаза. – Он вел себя просто... как очень радушный сосед. Помог обустроиться, взялся показать мне ту часть Броцлава, которую я еще не видела. Знаете, всегда интересно смотреть на сторожевую крепость, когда кто-то рядом рассказывает занимательные эпизоды из истории города! – Ирена с грустью улыбнулась и стерла одинокую слезинку. – Благодаря Казимиру я ощутила себя здесь, как дома. Впервые за многие-многие годы! Но я ни разу не ощущала от Казика и намека на фривольный интерес. Он... он был как друг. Знаете, он очень любит... любил свою дочь. Клара была для него всем. Его жизнью. Он, наверное, и думать забыл о себе.

– А вы?

– А мне он сразу понравился, – не стала скрывать рейяна Мнишек. – Он ведь замечательный человек. Лучший из тех, кого я встречала. Роман же... Все случилось довольно спонтанно. И... да. Именно я этого хотела. Казимир поначалу очень сопротивлялся, но... – Ирена совершенно по-девичьи улыбнулась, щеки порозовели. – Все как-то сложилось.

Глеб покивал, давая понять, что не ждет подробностей.

– Но мы с самого начала договорились, что оставим происходящее в тайне, – продолжила рейяна Мнишек, тяжело вздохнув. – Казимир слишком заботился о моей репутации. Да и за Клару переживал.

– Он считал, что рейна Новак не примет вас в качестве мачехи? – уточнил Ковальский.

– И это тоже, – кивнула женщина. – Просто Казик... он очень ее любил. Считал себя виноватым в том, что девочка осталась без матери. Он несколько раз говорил о том, что семья разрушилась из-за него, что это он не дал своей жене ту жизнь, которой она заслуживала. И... Казимир считал, что виноват за это перед Кларой.

– А как считаете вы? – спросил следователь, пристально наблюдая за собеседницей.

– О! Я совершенно уверена, что переживал он зря, – печально улыбнулась рейяна Мнишек. – Клара... Знаете, рейян Ковальский, она гораздо сильнее Казимира! У нее сильная воля, есть характер. И она очень любит его. Уверена, она бы не стала чинить отцу препятствия, даже порадовалась бы за него. У нас... у нас с ней были вполне хорошие отношения. Мы, правда, не приятельствовали, но ко мне Клара относилась очень тепло.

– Значит, вы просто согласились с предложением рейяна Новака повременить?

Женщина отложила платочек и сделала пару мелких глотков чая.

– Да, именно так, – согласилась она. – Спешить нам было некуда. Я позволила нашим отношениям развиваться постепенно, с комфортной для Казика скоростью. Возможно... к зимним праздникам мы бы рассказали обо всем Кларе... И тогда провели бы эти дни вместе, как настоящая семья...

На последних словах голос рейяны Мнишек дрогнул, и она поскорее схватила платочек. Глеб молчал, позволяя ей пережить бурю эмоций, прежде чем продолжить беседу. Ему и самому не нравилось расспрашивать женщину, только что потерявшую своего возлюбленного, но узнать подробности все равно следовало. И лучше сразу, чтобы не терять время.

– Вы замечали за Казимиром Новаком что-нибудь странное в последнее время? – спросил Глеб. – Он упоминал кого-нибудь?

Рассказывал о проблемах? Вел себя как-то необычно?

– Нет, нет, – помотала головой Ирена. – Ничего такого. Он вел себя совершенно обычно. Разве что ударился в ностальгию... Вспоминал молодость пару раз.

– Он рассказывал вам о себе?

– Да, кое-что, – чуть замялась женщина. – Но ничего особенного. Просто некоторые моменты из юности. Оказалось, что мы могли пересечься в Откопанах много лет назад...

Ковальский отметил про себя, что сейчас рейяна Мнишек не столь словоохотлива, как несколько минут назад. Женщина напряглась, явно подбирая слова.

Очень интересно.

– Хорошо, – не стал допытываться следователь. – Значит, он ушел утром. Как и всегда. И вы не заметили ничего странного или необычного? И ничего не слышали?

– Ничего, – подтвердила рейяна Мнишек. – До того, как прибежал почтальон, я и не подозревала, что что-то происходит.

Глеб беззвучно хмыкнул.

– А собака? Вы слышали лай собаки? – продолжил допытываться он.

– Собака? – удивилась женщина. – А при чем здесь собака?

– Рейян Войц, живущий напротив, слышал лай, – пояснил Ковальский.

– Да? Ну... возможно. Знаете, здесь у нас немало собак. Я уже и не замечаяю. А это важно?

– Нет, вовсе нет, – быстро покачал головой Глеб. – Выходит, вы ничего не видели и не слышали?

– Нет.

– А за последние дни или недели? – уточнил следователь. – Вы видели где-нибудь поблизости кого-то странного? Или, возможно, кто-то из местных вел себя подозрительно?

Ирена Мнишек помолчала, глядя на Глеба, а потом чуть нервно хохотнула.

– Знаете, рейян Ковальский, все зависит от того, что понимать под странностями, – пояснила она свою реакцию. – Мы ведь в Старом городе. Здесь живут или те, чьи семьи давно тут обосновались, или приезжие, пожелавшие тихой жизни и при этом не имеющие больших

средств на покупку дома или земли на Высоком Бреге, в Замóстице или Зелени́це. Здесь довольно много очень необычных людей. Тот же упомянутый вами рейян Войц. Тут... весьма эксцентричная публика. Чтобы перечислить все странности... ох... потребуется очень много времени!

Глеб кивнул, принимая объяснения рейяны Мнишек. Он и сам много слышал про некоторых обитателей островной части города.

— Что ж... — немного помолчав, решил Ковальский. — Больше у меня пока нет вопросов. Если вы что-то вспомните, то обязательно сообщите. Будет достаточно звонка в жандармерию или напрямую к нам, в управление, и кто-нибудь прибудет, чтобы вас выслушать.

Ирена Мнишек вздохнула и быстро закивала. Посидев еще пару секунд, Глеб встал, прихватил туфлю и блокнот и, провожаемый хозяйкой, вернулся в гостиную.

Почтальон, рейян Марек, уже окончательно пришел в себя и теперь с горечью вздыхал, глядя в одну точку.

— Как он? — спросил Глеб у виталиста.

— Лучше, — сухо ответил медик. — Сильнейшее потрясение. Да и возраст.

— Рейян Марек? — позвал Ковальский, присаживаясь в кресло. — Я могу задать вам несколько вопросов?

Почтальон перевел взгляд на следователя и коротко кивнул.

— Он сейчас под действием успокаивающих чар, — объяснил поведение мужчины виталист, — но в полном сознании. Просто реакции немного заторможенны.

— Ладно, — кивнул Глеб и заговорил уже громче: — Рейян Марек, расскажите, пожалуйста, как все было.

* * *

Через несколько минут Глеб покинул дом рейяны Мнишек, так и не добившись каких-либо новых сведений о произошедшем. Почтальон чуть трясся, бледнел, вспоминая о теле, перескакивал с одного на другое, но весь его рассказ укладывался в пяток фраз. Марек разносил почту в свое обычное время. Новак всегда покупал подписку на три еженедельных экземпляра местной газеты «Броцлавский

вестник» для себя и в аптеку. Почтальон собирался оставить газеты в ящике у двери. Еще издали мужчина заметил свечение и, позабыв о своих обязанностях, направился прямо к аптеке. С порога он увидел разгром, вошел и обнаружил Новака, тело которого не просматривалось через стекло. Марек сразу понял, что аптекарь мертв, так что не стал его трогать, а побежал прочь, придя в себя лишь у двери в соседний дом.

Прикусив изнутри щеку, Глеб вернулся в дом Новаков. Жандармы здесь уже не суежились. Осталось лишь несколько человек, охранявших дом. Несколько прохожих, до этого пылавших интересом к произошедшему, разошлись, и улочка стала почти прежней. Безмятежность нарушали только щиты и постепенно исчезающее свечение. Да в конце улицы мелькала черная форма жандармерии.

Постучав по ладони туфелькой, Ковальский обогнул дом и вошел с черного хода, попав сразу к лестнице на второй этаж в кухне. Постояв немного, он поднялся и заглянул в спальню Клары Новак.

В комнате не было ничего примечательного. Самая обычная спальня молодой особы. На прикроватной тумбочке книга, лента из которой переключалась в карман Глеба, причудливая массивная лампа из неровных кусочков стекла и металлической проволоки, несколько полок с книгами на противоположной стене. Ковальский подошел ближе, прочитал названия на корешках и присвистнул. Клара Новак интересовалась не только романтическими историями, но и многим другим.

Ветерок скользнул между штор и тронул листы книги, которую читала рейна Новак, привлекая внимание Глеба к кровати. Откинутое одеяло и вмятина на подушке вызвали необъяснимое чувство, что хозяйка комнаты просто вышла на минуту и вот-вот вернется.

– Ты проснулась из-за шума или по какой-то иной причине, – заговорил Глеб, глядя на туфлю. Очень хотелось восстановить цепочку событий до конца. Возможно, так он сможет понять, где искать Клару Новак. – Вскочила. Обулась. Ты не думала, что это кто-то опасный или посторонний, а потому не накинула халат. – Этот предмет одежды сиротливо лежал на стуле у стены. – Сначала заглянула к отцу, собираясь его разбудить. – Глеб вышел из спальни девушки и прошел в спальню рейяна Новака. – Но обнаружила, что он не ночевал дома. И тогда спустилась вниз.

Глеб вздохнул. На ум ничего не приходило.

– Хракс! Стоило спросить рейяну Мнишек о подругах рейны Новак! – вспомнил Глеб, но тут же себя поправил: – Но она может и не знать. Тогда кто может хорошо знать Клару Новак?

– Ты что, сам с собой разговариваешь? – усмехнулся Давидовский, возникая на пороге хозяйской спальни. – И как успехи?

– А у тебя? – спросил Глеб.

– Да как... Опрашиваем жителей, – вздохнул Вольшек. – Ты же знаешь, дело это не быстрое. Тут половина обитателей пожилые люди. Им в лоб не сообщишь, что Новака убили. Ты бы слышал, как причитала одна пожилая рейяна, узнав, что не сможет больше получать какой-то особенный настой аптекаря.

Ковальскому не было дела до страданий какой-то старушки, он вздернул бровь и испытующе уставился на коллегу.

– Ну нету пока ничего! Нету! – развел руки Давидовский. – Мы как можем, Глеб!.. Роем землю как можем.

– Что известно о знакомых Клары Новак? – уточнил Ковальский. – Кто-нибудь называл ее друзей или знакомых, которые могут чем-то помочь?

Вольшек покачал головой и с горечью ответил:

– Не поверишь, но все называют Клару Новак милой и отзывчивой девушкой, но она не слишком болтлива. Говорят, она то и дело ходила на какие-то курсы. Возможно, там у нее и завязались дружеские отношения с кем-нибудь. Ну и гимназия... Уж там-то у нее точно были подруги.

Глеб и сам вспомнил об учебном заведении и сделал себе мысленную пометку обратиться к преподавателям Клары, если девушка не разыщется в следующие сутки.

* * *

Сознание возвращалось урывками. В такие моменты я могла лишь безвольно лежать и вздрагивать, видя перед внутренним взором вспышки-воспоминания.

Вот отец с ужасом смотрит на меня...

Вот Кшиштоф с улыбкой делает ко мне шаг...

В ушах звенит, и я почти не слышу как мольбы отца, так и угрозы незнакомца...

Тело ломит, и я взираю на мужчин с пола. Руки и ноги не подчиняются, перед глазами белым-бело от боли и ужаса. Мне страшно так, как не было страшно никогда прежде.

Отец... Кшиштоф зло шипит, нанося удары по полу чем-то длинным и подвижным. Что это? Хлыст?

Разум раздирает ярость. Меня подбрасывает. Тело движется против воли. Я нападаю и впиваюсь в руку чужака. Зубами? Да, кажется, зубами. Это отчего-то не смущает. Кшиштоф рычит лишь чуть тише меня и отшвыривает с такой силой, что спиной я влетаю в стеллаж.

Темнота... Я слышу голос отца...

– Нет, – хрипит он. – Ты их не получишь.

– Тебе не жаль дочь? – зло усмехается Кшиштоф. – Ах, Казимир, я был лучшего мнения о тебе.

– Я знаю тебя, – едва пробиваясь через гул в моих ушах, говорит отец. – Ты не оставишь нас в живых. Ты не пощадишь мою дочь, даже если я соглашусь. Раз так, то я просто ничего тебе не скажу.

– А твоя Клара? Я ведь просто допрошу ее.

– Она ничего не знает! – расхохотался отец. – Ты ничего не добьешься. Зря ты пришел.

Все кружилось. Только ли перед глазами или вокруг меня тоже? Не знаю.

Потом я бежала. Долго. Подвывала, спотыкалась. Продиралась сквозь какие-то кусты, не узнавая родные улочки. Да и бежала странно, помогая себе руками. В каких-то три прыжка преодолела мост и понеслась дальше, в розовых рассветных сумерках не узнавая дома и улицы, а потом просто ощутила себя в густых зарослях, остро и сладко пахнущих шиповником.

Перед глазами мелькали какие-то пятна, нос свербел от нахлынувшей гаммы запахов, в рот набилась земля, листья и трава. Отплевываясь, я едва не выплюнула желудок, почуяв отвратный привкус ржавчины, резины, гари и прелых листьев. На уши давил странный и непривычный для столь раннего часа гомон. Да и звон не утихал, доводя до исступления.

Сжавшись в комок, я трусливо зажмурилась и постаралась дышать потише. Хотелось переждать происходящее, надеясь на то, что все это лишь последствия столкновения с Кшиштофом. И что очень скоро все закончится.

В другое время наорала бы на себя, заставила преодолеть страх, напомнив о том, что жива и вроде бы цела, в то время как отец... При одной только мысли о нем стало страшно, больно и безумно одиноко. В груди разлился удушающий холод, и я невольно застонала, но из горла вырвался лишь едва слышный скулеж.

– Чтоб вас!.. – раздалось где-то рядом. – Опять какая-то псина в кусты залезла. Марыся! Марыся! Глянь-ка!

Представив, как вместо собаки некая Марыся обнаружит в зарослях шиповника меня, полуголую и грязную, я на миг позабыла обо всех несчастьях. От стыда затрепетало и без того сбоящее сердце.

«О чем я думаю?! – накинулась на себя мысленно. – Папа... Папа! А я переживаю из-за того, что кто-то увидит мои грязные коленки!»

Усилием воли я заставила себя дышать размеренно и осторожно открыла глаза. Надо мной и вокруг были длинные колючие стебли. Виднелись крупные, чуть продолговатые алые, бледно-оранжевые и красные плоды шиповника. Каким-то чудом мне удалось забиться под низкие ветви и при этом не разодрать себе кожу на лоскутки о шипы.

– Я не хочу туда лезть, – раздалось совсем близко. – Почемуечно я?

– Тогда хоть пошеруди там палкой, – велел невидимый мне мужчина.

Ох. Не хочу, чтобы в меня тыкали палкой. Вздохнув, я чуть приподнялась и попыталась предупредить невидимых людей. Я пока не поняла, с кем имею дело, но уж лучше предстать перед ними в одной сорочке, чем получить удар деревяшкой! Но вместо нормальных слов из горла вылетели лишь невнятные лающе-рычащие звуки.

Э-э? Как это понимать? Я потеряла голос?

И в этот момент невидимая Марыся взвизгнула и со всей силы запустила сквозь ветки длинной тонкой тростью.

– Кыш! Кыш, мерзкая псина! Что удумала?!

Удар пришелся в бок, и я взвыла от боли. Перед глазами замелькали алые пятна. Я вскочила, взвизгнула снова, когда напоролась спиной на шипы, и, уворачиваясь от палки, попятилась.

Ноги и руки совершенно не слушались, я время от времени невольно тыкалась лицом в землю, отплевывалась и продолжала ползти, надеясь на то, что в какой-то момент шиповник закончится и тогда неизвестные мне рейян и рейяна увидят, что я не собака.

«Нужно выбраться, вернуться домой! Там ведь отец! Он... Может, я ошиблась? И он еще жив! – твердила я про себя, пытаюсь не думать о многочисленных шипах, жалящих меня в пятую точку и спину. – Как я могу раскисать! Нельзя! Нельзя раскисать!»

Вдруг земля пошла под уклон, шиповник поредел, и, прежде чем сообразила, я кубарем скатилась прямо в воду.

– Свалилась! – раздалось в отдалении. – Будет знать, как сидеть в нашем шиповнике!

Мне повезло. Хоть Больша-Бяла и считалась быстрой, глубокой и довольно непредсказуемой рекой, из-за извилистого русла, которое река сама себе пробила сквозь каменистую местную почву, кое-где встречались отмели, запруды и мелководья. Я свалилась как раз на тот участок, куда течением нанесло песка, так что лишь на миг нырнула с головой, но тут же выбралась, недовольно отфыркиваясь.

От же не повезло!

За всю жизнь я ни разу не падала в реку. Да и от недовольных жителей не удирала. Была со всех сторон пристойная рейна Новак, а теперь – ходячий анекдот. И как я мокрая домой пойду?

Привстав в воде, я чуть отряхнулась и осмотрела берег, прикидывая, как буду выбираться. И тут мое внимание привлекло отражение в движущейся мутной воде...

В первый миг решила, что чудится из-за песка, ила и травы, воображение решило подшутить, но через несколько минут песок осел, вода чуть успокоилась, мягко обтекая мои ноги, и в подрагивающей сверкающей толще я увидела... собаку. Здоровенную, черно-коричневую, с острыми ушами и длинной мордой.

Ой...

Я осмотрелась, ища совершенно недружелюбное с виду животное, но рядом никого не оказалось. Я мотнула головой, не веря в очевидное, ударила по воде, размывая отражение, и уставилась на собственные руки, покрытые шерстью. Я даже подняла их повыше, чтобы лучше рассмотреть, и тут же завалилась назад и вбок, снова уйдя под воду.

«Хракс!» – мысленно выругалась я, раз вслух изо рта вылетал какой-то совершенно непотребный разгневанный скулеж. Хотелось протереть глаза пальцами, но, сколько я ни таращилась на себя, лапы не превратились в привычные мне руки.

Что произошло?! И как?!

Стоило выбраться из воды и уже на берегу пытаться разобраться, но у меня не нашлось на это сил. Я могла лишь сидеть, таращиться на отражение и пытаться осознать, что отражение – мое собственное.

Я выгляжу как собака.

Огромная.

Совершенно не милая.

Здоровенная мокрая псина!

Если бы увидела такую на улице, обошла бы по большой дуге, а то и вовсе дала деру в противоположном направлении!

Хракс!

Тысячу раз хракс!

Как так вышло? Меня заколдовал этот Кшиштоф?

Из горла вырвался злобный рык, похожий на жужжание целого роя пчел.

Поймаю и лично загры-ы-ызу сволочь!

Меня?! Меня в собаку?! Да еще в такую?!

Загрызу всенепременно!

Чуть поостыв и слегка придя в себя, я смогла сосредоточиться на случившемся. Память так и не вернулась. Я все еще помнила произошедшее урывками. Не получалось даже понять, когда именно я преобразилась. И как вообще это произошло.

«Надо что-то с этим делать! Выбраться! Надо как-то из всего этого выбраться!»

Мысленный пинок подействовал, и для начала я кое-как вытащила свое странное тело из воды. Когда я лезла сквозь кусты, как-то получалось перебирать ногами-лапами без участия мозга. Теперь же пришлось переставлять каждую конечность медленно и осторожно, чувствуя, как меня шатает от щекочущего скольжения водного потока.

Какая же удача, что я не упала на середину реки! В нынешнем состоянии пошла бы ко дну булькающим камнем, честное слово!

Налетевший ветер напомнил, что в наших краях уже наступила календарная осень. Я непроизвольно совершенно по-собачьи

встряхнулась, отчего стекавшая с меня вода разлетелась брызгами во все стороны, дождевыми каплями забарабанив по речной глади.

Глянув на крутой подъем, я невольно перестала дышать, а мои то ли ноги, то ли лапы подогнулись.

Не выберусь. Просто не выберусь!

Решив успокоиться и хоть немного освоиться, я двинулась вдоль кромки воды, надеясь найти более ровный участок или хотя бы какие-то кусты, за которые можно будет зацепиться. Снизу, от воды, я плохо ориентировалась на местности, так что пришлось дожидаться появления вдали ближайшего моста. Мост оказался Старым. Это обнадеживало. Значит, утром я не убежала сломя голову в неизвестном направлении, а лишь перебралась с острова на Высоки Брег.

Если двигаться по течению, то где-то возле Старого моста должен быть еще один изгиб реки, где много лет назад течение подмыло берег. Склон порос ивняком и кустарником, что давало шанс выбраться наверх.

«Поднимусь и...» – подумала я и тут же запнулась. А что «и», собственно?

Вернуться домой? Обязательно. Вот только нужно что-то делать с моим нынешним внешним видом. Я ведь сейчас даже не смогу спросить о смерти отца.

Тут-то и начинались главные проблемы, о которых я только теперь вспомнила.

Я выгляжу как животное. Крупное и внешне не самое дружелюбное. До того, как у меня появится шанс хоть что-нибудь объяснить окружающим, меня сотню раз попытаются прогнать и тысячу раз накричат. Тот же рейян Войц до ужаса боится собак. Хорошо, если мне вообще дадут подойти к родному дому, что уж про последние новости говорить.

Но это меньшая из проблем.

Гораздо хуже то, что я не знаю, как вернуться к прежнему состоянию. И возможно ли это.

Еще в голове не было ни одной идеи, как дать понять людям вокруг, что я человек. Не представляю, как буду кому-нибудь доказывать, что я Клара Новак.

Но и это не самая большая проблема.

Хуже всего то, что я, даже будучи человеком без магии по рождению, отлично знала, какая последует реакция на меня, когда хотя бы один человек поймет, кто я на самом деле. Любой житель королевства знает, что оборотни почти вне закона. А я прямо сейчас больше всего похожа на оборотня, и, боюсь, никто не будет разбираться, что со мной случилось и кем я на самом деле являюсь. Схватят, скрутят и запрячут в какую-нибудь магическую тюрьму, где буду стенам доказывать, что я не я и шкура не моя.

«А ведь я и сама не знаю, как вообще оказалась в этом облике, – подумала с мысленным вздохом. – Возможно, это чары. Кшиштоф вроде бы за мной не гнался... Не помню. Если он сделал это, то, вероятно, был уверен, что я и сама навлеку на себя неприятности. А если это я... Или папа... Нет! Не может быть! Как? Мы ведь не маги. Нет. Это Кшиштоф, точно!»

Чем больше времени проходило, тем увереннее я себя чувствовала. Не пугал непривычный ракурс и мелькающие перед глазами лапы вместо рук и ног. Да и звуки уже не казались слишком громкими, а запахи – слишком сильными. В моменты, когда я не пыталась что-либо анализировать, мир вокруг не пугал, просто выглядел объемнее и шире.

Новые обостренные чувства помогли дойти до дома, избежав встречи с людьми, хотя сегодня на родной улице было весьма многолюдно. Выбрав момент, я метнулась в кусты рядом с домом рейяна Войца и из зарослей уставилась на аптеку.

Фасад был частично скрыт дощатыми щитами, сквозь щели в которых виднелся замерший на страже жандарм. От здания исходило легкое свечение. Все еще бело-голубое, но в нем проскальзывали зеленоватые искры.

«Ничего хорошего», – невесело констатировала я. Мне не был известен порядок действий жандармов, но само их присутствие здесь о многом говорило.

Я долго сидела и прислушивалась, надеясь хоть что-то узнать, и мои усилия были вознаграждены, когда к рейяне Пашкевич заглянула ее давняя подруга, живущая через три улицы от нас. Выждав удобный момент, я проскользнула к дому соседки и залегла между ее розовыми кустами и стеной под окнами гостиной. На мое счастье, ввиду

достаточно теплой погоды Элзбета Пашкевич оставила одну из створок окна незапертой.

– Так что у вас тут случилось? – донесся едва слышный вопрос заинтригованной рейяны Гончарек – большой любительницы сплетен и кошек. Последний момент вызвал у меня острый зуд в носу.

– Ой, целая история! – с нотками испуга и восторга воскликнула рейяна Пашкевич. – Кто бы мог подумать, что здесь, у нас, может произойти что-то подобное, Диточка!

После недолгого молчания и звона посуды я услышала продолжение разговора.

– Наш почтальон обнаружил аптекаря Новака, – откровенно радуясь своей роли рассказчицы и не пытаясь это скрыть, начала рейяна Пашкевич. – Мертвого!

– Ой! Ужас какой! – воскликнула Дита Гончарек. – Его убили? Грабитель?

– Нет, – притворно вздохнула Элзбета. – Жандармы и маги молчат, не хотят говорить, но уже все знают – нашего аптекаря убил какой-то безумец!

– Ох! Вот страх-то!

– И ко всему прочему... маг, – радуясь произведенному впечатлению, добавила рейяна Пашкевич.

– Маг? – переспросила ее подруга. – Тут? Но из-за чего? Новак же не был магом.

– Именно-именно, – подтвердила рейяна Пашкевич. – Все знали, что Новаки – обычные люди. Но... Казимир мертв, а его дочь куда-то подевалась.

Женщины замолчали, явно обдумывая сказанное и услышанное. Я слышала стук ложек, звон чашек и хруст чего-то очень ароматного.

Вот же ж! И не отбило у них аппетит. Лопают с удовольствием.

Я вздохнула и прикрыла глаза.

Значит, отец мертв.

Я уже знала это, но продолжала надеяться.

Мертв...

Теперь от этого никуда не деться, остается только признать случившееся.

Признать и найти Кшиштофа!

Но не успела я додумать идею мести, как одернула себя. Откуда только столь кровожадные и безрассудные мысли?! Неужели вместе с телом я еще и разум потеряла? Кшиштоф без труда справился с отцом. Вероятно, именно из-за него я сейчас в нынешнем виде. И этот человек – маг. Ну или умеет пользоваться магическим оружием. Каковы мои шансы на месть? Нулевые. Мне бы для начала с собственными проблемами разобраться.

– А что Клара? – спросила Дита Гончарек.

– Ой, никто не знает, – ответила ее собеседница. – Она вроде бы пропала. Но... пропала ли?

Рейяна Гончарек уловила недосказанное сомнение и тихо хмыкнула.

– Думаешь, здесь не обошлось без Клары Новак? – спросила она.

Я, лежа в кустах, едва не задохнулась от столь ужасного предположения.

– Ну а кто же знает? – спросила Элзбета Пашкевич, чуть понизив голос. – Девочка она, конечно, тихая. Милая. Но уж больно странная. Все на какие-то курсы ходила, гуляла по городу... Вид такой отстраненный, загадочный.

– Да уж... – согласилась подруга. – Темный омут, а не девка.

– Вот-вот, – воодушевленно подтвердила рейяна Пашкевич. – А в темном омуте...

– Девушке положено о браке думать, о муже, детях, а она все что-то искала, – подхватила интересную для обеих тему рейяна Гончарек. – Думаешь, с кем-то связалась?.. С кем-то, кого ее отец не одобрил? И в итоге...

– Нет никаких доказательств, – произнесла Элзбета Пашкевич таким тоном, что стало очевидно: этим двум кумушкам никакие доказательства не нужны. Они уже все для себя решили и теперь будут с упоением перемывать мне кости. А потом по округе распространится версия, что я сама лично убила отца, и отсутствие внятной причины этих рейян не остановит.

Очень хотелось вскочить, ворваться внутрь и наорать на болтливых соседок, которым нечем больше заняться, кроме как выдумывать всякие небылицы, но я подавила в себе этот неуместный порыв и ретировалась из кустов, не желая слушать женщин дальше. Самое важное я уже и так узнала.

И что теперь делать?

Бесполезно прорываться в дом. Если отца обнаружил почтальон, то на нашей улице давным-давно побывали и жандармы, и представители управления магконтроля. И именно последние, по всей логике, должны будут расследовать дело. Дом, вероятно, уже обыскали, соседей опросили, а отца... увезли.

Повернув голову, я уставилась в сторону Высокого Брега. Если я хочу узнать что-то кроме глупых сплетен, надо идти к зданию жандармерии, где размещаются и управленцы. Внутрь не попасть, но, возможно, удастся что-то подслушать под окнами.

Глава 4

История одного управления Магконтроля

Древнейшей постройкой Броцлава считалась небольшая крепость на самой высокой точке Высокого Брега. Как и многие подобные строения в этой части королевства, крепость возвели на квадратном фундаменте и из местного серого гранита, из-за чего аскетичные стены казались не творением рук человека, а частью самой скалы, глядящей на город широкими окнами высокой башенки.

С Высокого Брега и без крепости увидеть можно было многое, что в нынешние времена сделало и сам Брег, и его крепость излюбленным местом посещения для художников и фотографов. В старые же времена в крепости несли свой дозор воины, высматривая врагов на все четыре стороны.

Как только вдали замечали чужаков, на стенах крепости зажигались огни, предупреждая жителей, и те спешили на остров. К моменту, когда вражеское войско подступало к городу, местные успевали не только укрыться в старой части города, но и порушить деревянные мосты через реку, оставив лишь каменные столбы-основания.

Больша-Бяла во все времена считалась коварной рекой, а уж возле Броцлава она проявляла свой нрав в полной мере. Ни маг, ни обычный человек, не зная всех ее тайн, не мог ни пересечь реку на лодке, ни возвести временный мост. Нередко воды Больша-Бялы окрашивались алым, когда Броцлав пытались захватить воины, пришедшие с запада, а в Лиене и до сих пор при постройке новых зданий на берегу нередко находили обломки доспехов, оружия, колечки кольчужных рубах и даже монеты.

Единственным способом попасть на остров без моста оставался брод – вниз по течению правого рукава реки, но именно там в давние времена хозяева города возвели казармы для солдат, превратив созданную самой природой необычную местность в неприступную крепость.

Правившие здесь когда-то князья так верили в защищенность своих владений, что не стали возводить стены по периметру острова.

Но верили они в себя не зря: за всю историю Броцлав лишь один раз принял над собой чужую власть, и случилось это не оружием, а по договору.

Благодаря этому договору горожане ни разу за последние три сотни лет не видели на своих землях вражеские войска. Союзы, конфликты, политические интриги обходили броцлавчан стороной. Даже когда маленькое королевство Виленица наравне еще с двумя вошло в состав одного большого королевства Ведаунзин, жители будто и не заметили этого.

Мирная жизнь со временем наложила свой отпечаток. Один за другим вместо деревянных мостов появились каменные. Каменные же и кирпичные строения сменили деревянные постройки на берегах Больша-Бялы. Расширяющийся город вытеснил войско на Высоки Брег, где постепенно возвели новые казармы. Но и они вскоре опустели, когда у города отпала нужда в собственной армии.

До последнего времени еще одним напоминанием о прошлом был Темны Гай. Когда-то этот лес носил иное название, но его все быстро забыли. Выжженный перед вражеским наступлением, лес много лет темнел на берегу, пугая мертвыми остовами почерневших деревьев. В какой-то момент там даже завелась какая-то нечисть, и в лес перестали наведываться даже днем. Но постепенно природа взяла свое, скрыв раны за пышными кронами, густыми кустами и сочной травой. Осталось лишь название да странноватая атмосфера, которую ощущали маги.

Это не помешало градоначальнику возвести свою резиденцию за Темным Гаем, дав начало Зеленице – району, куда со временем перебрались жить все богатые семьи Броцлава.

Высоки Брег тоже преобразился. Бывшие казармы или перестроили, или снесли. Теперь здесь повсюду высились всевозможные учреждения, пугая прохожих обилием табличек и предупреждений. Ниже по течению Высоки Брег переходил в холмистое Замостице – жилой район Броцлава, где селились те, кому не нашлось места в Старом городе, и те, кто хотел простор, не скованный рекой.

На не проведенной границе между Высоким Брегом и Замостице, глядя фасадом на остров, разместилась жандармерия – бывшая часть казарм, сильно перестроенная со временем. Массивное одноэтажное

здание надстроили, обсадили по периметру деревьями, чтобы хоть немного скрыть грубую кладку стен, и переделали внутри, но казармы так и остались казармами. Весь первый этаж представлял собой просторные, гулкие и не слишком приветливые залы, в которых хорошо бывало только летом и с открытыми настежь окнами. Зимой из щелей дуло, а весной и осенью дождь и ветер так отчаянно стучали в окна голыми ветвями и каплями, что каждому хотелось заткнуть уши.

Именно из-за этого работать на первый этаж шеф жандармерии, обитавший на третьем, отправлял нерадивых, ленивых, наглых и стажеров. На первом же размещались владения хозяйственника, хранилище вещдоков, камеры. И Броцлавское управление магконтроля.

Глебу размещение на первом этаже досталось в наследство от предыдущего старшего следователя, как в наследство досталось и предвзятое отношение шефа жандармерии, в обязанности которого входило руководство и управлением магконтроля. Но руководство это с самого начала и во всех подобных маленьких городках оставалось лишь росчерком на бумаге. Ни один аспект по своим прямым обязанностям управленцы с шефом не согласовывали, хотя всякий раз привлекали свободных в данный момент жандармов для помощи.

Но вот в остальном ответственность лежала на плечах шефа жандармерии. Каждая жалоба на управленцев ложилась на стол вовсе не Глебу Ковальскому, а рейяну Петшиковскому, которому приходилось отдуваться и за жандармов, и за магов. Но стоило закончиться жалобам местных жителей, начинали пинать откуда-нибудь сверху, требуя и отчетность по тратам, и недостающие отчеты по делам, а что магические, что обычные следователи с большей охотой рыскали по округе вместо того, чтобы сидеть над бумажками.

Порой, заглядывая с неурочной проверкой в находящиеся в разработке дела, Петшиковский хватался за голову и начинал голосить так, что сотрясалось все старое здание бывших казарм. Детали шефа не волновали, но вот хаос в самих бумагах приводил его в неистовство. В такие минуты Глеб искренне опасался, что под начальственной стопой проломится пол и стол уважаемого рейяна Петшиковского приземлится сначала на голову его прямому подчиненному на втором этаже, а потом все они вместе свалятся прямо на Ковальского.

Шеф жандармерии, конечно, имел прибавку к жалованью за свою дополнительную ответственность, но прибавка никак не окупала эту самую ответственность. Об этом уважаемый начальник прямо или косвенно любил напоминать своим подчиненным, что не прибавляло ни любви, ни уважения к самому начальнику.

Хуже становилось лишь в моменты, когда по той или иной причине из столицы приходили поздравления, грамоты или награды для управления магконтроля, ведь предназначались они конкретно и поименно самим управленцам, а шефа не упоминали даже в сопроводительном письме.

Самой памятной историей последних лет была зачистка демонического прорыва четырехлетней давности, за которую Ковальский и его коллеги получили премии и медали из рук специально прибывшего из столицы чиновника. В тот день рейян Петшиковский ничего не сказал, хотя его лицо выражало целую гамму эмоций. Не сказал он ничего и через день, когда местная газета вышла с большой статьей, посвященной Броцлавскому управлению и его работникам. И даже когда из столицы прибыл журналист, пожелавший написать статью для толстого «Гаручского еженедельника», шеф жандармов сохранял лицо. Но стоило выйти статье, где его вновь не упомянули, как рейян разродился столь цветистой речью, что на первом этаже с потолка еще неделю сыпалась меловая пыль от потрескавшейся штукатурки. И еще несколько месяцев после этого шеф ежедневно вызывал всех управленцев к себе и делал им настоящий разбор полетов. В магии, как и любой обычный человек, рейян Петшиковский понимал очень и очень мало, так что доставалось парням за что-нибудь мелкое, вроде расточительства или внешнего вида. И объяснения, что журналист сам проигнорировал личность шефа, не уняли яростного пыхтения рейяна Петшиковского.

Сам Глеб бумажки ненавидел, но, за неимением в подчинении отдельного человека для столь нудной работы, с раздражением и мысленными стонами лично брался оформлять все дела. На первом году он пробовал поручать документы заботам Давидовского, но быстро сообразил, что коллега способен без всяких мук совести запихать листочки в папку, по форме заполнив только титульник. Завацкий с подобной работой справлялся гораздо лучше, но настоящим талантом младшего управленца был сбор информации.

Если требовалось быстро собрать полные сведения о том или ином человеке, проще было поручить это занятие Влодеку, а не отягощать его подвижную и деятельную натуру сидением над бумагами.

Выходя из казенного самохода, Ковальский с надеждой глянул сквозь узорчатое стекло высоких входных дверей жандармерии. Двери эти установили здесь с полсотни лет назад. Кто-то решил, что стеклянные вставки из обычного и желтого стекла в виде узора ромбиком сделают данное здание более привлекательным для посетителей. Не вышло.

Вскоре после установки к дверям приладили новомодный тогда гномский механизм, захлопывавший створки. С годами пружины в механизме немного проржавели, денег на очистку и смазку дорогостоящей конструкции жалели и шеф, и хозяйственник, а сами двери, наборные, толстые, с латунными литыми ручками, рассохлись и потемнели от времени. В итоге каждому, кто входил в здание, казалось, что он ступает в пасть какого-то древнего монстра, челюсти которого натужно скрипят, будто ветви старого дерева, из самых недр светит желтоватый недобрый огонек, а в спину норовит кто-то пихнуть, чтобы жертва поскорее свалилась в голодное нутро. Именно поэтому выбегали из жандармерии люди гораздо быстрее, чем заходили внутрь, порой даже радуясь тугому механизму дверей, пинавшему их под зад.

Надо сказать, что через парадные двери в жандармерию мало кто входил. Даже сами жандармы предпочитали боковые входы, коих в здании, построенном в виде буквы «П», было целых шесть.

Но Глебу чем-то нравились и эти скрипучие двери, и мутноватое стекло, которое раз в месяц пытался отмыть уборщик, и широкий темноватый холл, пол которого был выложен квадратными серыми плитами. Входя в здание, Ковальский неизменно чувствовал свою причастность к важному и нужному делу, которым занимался, нередко представляя, что не работает в одном из учреждений королевства, а обитает в древнем замке, подобно многим поколениям магов из прошлого. Сейчас уже не осталось ни тех магов, ни замков, которые было бы по карману содержать большинству магических родов, но это не мешало мечтать о подобном.

Через центральный вход было проще всего попасть в правое крыло, где располагалось управление. Официально Ковальский и его товарищи обитали в одиннадцатом кабинете, но в реальности он

представлял собой огромный зал, когда-то служивший общей спальней, который при переезде разделили тонкими перегородками из дерева и стекла на несколько отдельных помещений.

Находясь внутри, Глеб вполне мог себе представить, что управление расположено в отдельном здании, а вовсе не является крошечной частью массивного и не слишком живописного строения.

Первое – маленькое – помещение во все времена и при всех управленцах служило чем-то вроде прихожей. Как в доме. Посетители в управлении появлялись редко, а потому спецы не пытались произвести какое-то впечатление и обустроили отведенные им неудобные квадраты первого этажа согласно своему пониманию комфорта.

Тут стояли две рогатые вешалки, сетчатая корзина для зонтов, высокое зеркало с чуть осыпавшейся амальгамой. К стене прибит полка для шляп и перчаток. Нашлось место для шкафа со всевозможной одеждой на все случаи жизни и ящика с обувью.

Второе помещение, самое большое, отдали под общий кабинет, где кряхтели под ворохом бумаг четыре массивных стола, расставленных с конторской четкостью. Стульев и кресел здесь имелось больше, чем нужно, – по какой-то непонятной причине все управленцы норовили перетащить в свои владения понравившийся предмет мебели. Стулья рядами стояли вдоль окон и одной из стен, заменяя магам полки и стеллажи, хотя те в помещении были – шкафы все с той же педантичной четкостью выстроились вдоль стены напротив окон.

Сквозь высокие окна сюда проникало много света, не оставляя пугающих темных углов. Высокие старенькие шкафы с лакированными дверцами (их никто и никогда не пытался закрывать) демонстрировали каждому входящему плотные ряды всевозможных справочников, пособий, исследований магических – довольно внушительную коллекцию вспомогательной литературы, способной помочь управленцу в расследовании.

Когда Глеб только пришел сюда работать, он немало поразился этой коллекции, которая выглядела не слишком величественно, запертая в шкафах. Но для маленького уездного Броцлава она была поистине внушительной, такой позавидовала бы и библиотека академии, где учился Глеб.

Еще одно маленькое помещение прежде считалось комнатой для отдыха, но уже Ковальский устроил в нем импровизированную кухню. Здесь стоял диван, пара кресел под окном, столик с кухонной утварью, холодильный шкаф и массивная плетеная корзина, принесенная из дому Давидовским, – в нее то и дело попадала какая-нибудь художественная книга или парочка тематических журналов.

За единственной дверью без стеклянной вставки пряталась крохотная ванная комната и туалет.

Улыбнувшись собственным мыслям и представив чашку, над которой поднимается упоительно ароматный парок, Глеб свернул направо и махнул рукой дородному вахтеру, замершему за своей перегородкой. Уже почти чуял вкус кофе на языке и мог представить, как будет не торопясь его пить, глядя на открывающийся из окон вид.

– Старший следователь Ковальский! – встрепенулся вахтер. – Как хорошо, что вы здесь. Начальник собрание созвал. Уже началось! Поспешите!

Глеб не выдержал и застонал вслух.

– Да чтоб его!.. Хракс! Почему именно сейчас? У нас новое дело... Я занят!

Ковальский и сам знал, что все эти отговорки не сработают. Он не может просто развернуться и утопать к себе. Петшиковский обязательно узнает и потом будет долго есть Глебу мозг чайной ложечкой.

– Чтоб его!.. Чтоб его!.. – повторил следователь негромко и, сглотнув слюну, поплелся на третий этаж.

Чем выше он поднимался, тем светлее и уютнее становилось вокруг, но это не повлияло на настроение Глеба. Он даже немного постоял на площадке лестницы, разглядывая темно-синий ковер, отделанный по краю девятилучевыми звездами – символом девяти структур, которые гарантировали мир и покой в королевстве. Из кабинета шефа жандармов доносились голоса – собрание шло полным ходом.

– И почему я поспешил вернуться? – сам себя спросил Ковальский. Ответа не было, пришлось идти в пасть к волку.

– А! Старший следователь! – с хитрой улыбкой поприветствовал его рейян Петшиковский, когда Глеб открыл дверь и попытался

проскользнуть к свободному месту в конце стола. – Как славно, что ты зашел.

Ковальский хмуро и неразборчиво ответил и уселся, чувствуя, что это собрание еще преподнесет ему неприятности.

«Вот и не верь после этого в гороскопы, – подумал он, краем уха слушая отчеты своих коллег-жандармов. Собрание было внеплановым, но самым обычным: мелкие начальники один за другим делились своими достижениями на ниве защиты граждан и их имущества. – А ведь было что-то такое... Бабуля читала вчера вечером».

Глеб основательнее задумался, пытаясь вспомнить статью из «Лиенского компаньона» – ежемесячного издания для рейн и рейян, в котором красочно живописались невзгоды для всех знаков зодиака. Что-то там такое было для стрельцов на сентябрь...

– ...Бегун и Дудка получили травмы третьего дня, когда пытались спасти кота рейяны Балабóльки, – тем временем красочно читал с листа усатый жандарм Бугонь, в ведомстве которого находился почти весь район Замостице. – Множественные царапины, ссадины, ушибы. Сломанный нос. Три ребра. И четыре пальца.

– Из-за кота? – уточнил шеф, с сомнением глядя на подчиненного.

– Из-за кота только царапины, – пояснил рейян Бугонь. – Остальное – бабка. Она накостиляла нашим ребятам за то, что те... – Жандарм кашлянул и зачитал с листа: – «Были не слишком вежливы с ее котеночком».

За столом послышались сдавленные покашливания, за которыми собравшиеся попытались скрыть смешки.

– Бегун и Дудка взяли больничные дни и просят надбавку за работу в особо трудных условиях, – кашлянув вместе со всеми, продолжил Бугонь через пару минут, стараясь не смотреть на играющего бровями начальника.

– Они не смогли утихомирить одну бабку и требуют компенсацию? – с оттенком угрозы уточнил рейян Петшиковский.

– Она была вооружена, – в защиту своих парней пояснил Бугонь.

– Чем?

– Тростью, – тут же ответил жандарм и прочел: – Укрепленное магией дерево, ручка из кости в форме кошки и оловянный наконечник.

По кабинету вновь раздались сдавленные смешки.

– Что там за рейяна, у которой настолько тяжелая рука... и характер? – хмыкнул кто-то из жандармов, но тут же подался назад, чтобы начальник не увидел его профиль.

– Сразу видно, что ты месяц как в наших рядах, – заметил его пожилой коллега, сидевший напротив. – Это не просто бабка. Это всем бабкам бабка!

Глеб покачал головой и усмехнулся. Бабушку Мазёну в Замостице не знали только комары, вылупившиеся накануне. Для всех же остальных древняя старушка была хуже тысячи демонов, разом прорвавшихся из потустороннего мира.

Ковальский, приехав в Броцлав, первые несколько месяцев жил на Тропе. Так в народе называлась довольно крутая северо-восточная часть Высокого Брега, где прежде стояли домики офицеров, а теперь располагались казенные квартиры жандармерии. В прошлом у кого-то хватило терпения выдолбить в скале лестницы, соединившие несколько естественных террас, но ни у кого из потомков не нашлось желания придумать более приятный способ подъема. Именно из-за того, что наверх нельзя заехать ни в карете, ни в автомобиле, Тропа не обрела популярность среди местных жителей и полностью досталась работникам правопорядка. Не всем нравилось там жить, но для многих жандармов это были дешевые квартиры близко к работе. Глеб, помаявшись в ветхом строении, отжалел денег и снял половину дома внизу, в Замостице. Пусть до управления теперь приходилось идти не пять минут, а двадцать, зато маршрут пролегал через улочки с кафе, лавочками и магазинчиками, а не по скалистой козьей тропе.

На третий день своего обитания в аккуратненьком домике с палисадником Глеб и узнал о существовании бабушки Мазены. Тем ясным утром он сварил себе чашку кофе и устроился на балкончике с газетой, мечтая насладиться тишиной, покоем, ароматом любимого напитка и парочкой новостей из добытого накануне столичного издания, но ничему из этого не суждено было сбыться. Через пару минут по узкой улочке с поэтичным названием Ружова дрога, прихрамывая и спотыкаясь, пробежал жандарм в распахнутом на груди кителе и перепачканных в земле брюках, а за ним, потрясая тростью, с удивительной для нее скоростью пронеслась пожилая рейяна в цветастом платье и стеганой душегрейке. Тогда Глеб был еще слишком молод и мало знал о местных жителях, а потому кинулся разбираться в

произошедшем. За что и получил свое. По спине и шее. Теперь, годы спустя, наблюдая неизменную картину – а гоняла бабка Мазена всех и каждого! – Ковальский только посмеивался и продолжал пить кофе.

– Нужно найти управу на эту бабку! – возмутился кто-то. – Сколько можно?

– Пробовали... – вздохнул Бугонь. – Но рейяна Балаболька и эту вашу... управу... гоняет не хуже.

Кто-то снова прыснул, Глеб сцедил усмешку в кулак.

– Так не надо ей помогать тогда, – предложил молодой жандарм. – Одумается. Мигом!

Петшиковский громко кашлянул и остудил надежды парня:

– Наша легендарная бабка тогда начнет жалобы строчить. Сначала мне, а потом на нас всех в столицу. Бугонь... еще что-то?

– Нет, шеф, все.

– Ладно. А теперь... Ковальский, – обведя собравшихся взглядом, назвал следующую жертву начальник. Глеба, уплывшего в своих мыслях слишком далеко, кто-то не слишком ласково пихнул в бок локтем. – Я сказал: Ковальский!

Глеб мысленно выругался и без энтузиазма сообщил:

– Сегодня рано утром в Старом городе произошло убийство. Это аптекарь Казимир Новак. Его дочь, Клара Новак, временно числится пропавшей без вести. Мы пока не знаем всех деталей, но находимся в процессе сбора данных. Завацкий и Давидовский как раз сейчас этим занимаются. Я собирался навестить доктора Поповича в маггоспитале, он наверняка уже сделал первичный осмотр, а то и вскрытие.

– Печальная новость, – пробормотал один из жандармов.

– Да уж... – согласился Бугонь. – Убийства у нас редки. Забываешь, что подобное может произойти...

Собравшиеся немного помолчали. Каждый думал о своем.

– Что же... Завтра жду новостей по этому делу, – выдержав паузу вместе со всеми, предупредил шеф жандармов. – Хоть убийство и магическое, но для нашего города подобный случай – происшествие из ряда вон. Если кто-то способен убить при помощи магии, то, возможно, нас ожидают и другие жертвы. Даже без магии.

Глеб покивал. В словах Петшиковского было разумное зерно. Пока про убийцу управленцы знали так мало, что не могли хотя бы в общих чертах предположить его следующий шаг.

– Ну... на этом все, – еще чуть помолчав, объявил начальник. – Все свободны.

Послышались нескрываемые вздохи облегчения. Заскрипели стулья, зашуршали собираемые в папки бумаги. Когда толпа двинулась на выход, Петшиковский с довольной улыбкой кашлянул и проникновенно сказал:

– А тебя, Ковальский, я попрошу остаться.

Глеб беззвучно выругался и, на миг прикрыв глаза, развернулся к шефу жандармов. Он был в двух шагах от спасения, мыслями на пути к владениям управленцев, уже почти варил себе кофе, а теперь придется торчать перед начальством и выслушивать очередную порцию недовольства.

– Что же... – дождавшись, когда за последним жандармом закрылась дверь, пробормотал рейян Петшиковский. – Садись. Надо кое-что обсудить.

Ковальский с тоской глянул на дверь, вздохнул и вернулся к столу. Устроившись на стуле, он без особого энтузиазма уставился на шефа. Тот помалкивал, нагнетая обстановку и заставляя Глеба нервничать, но следовательно работал здесь не первый год, а потому сидел спокойно, сосредоточив все свое внимание на объемном животе Петшиковского, то вздувавшемся, то опадавшем под едва не лопающимся кителем. Золотые пуговицы с девятиконечными звездами отражали свет ламп.

– Так вот, Ковальский, – начал шеф. – Есть к тебе дело. Очень ответственное. Знаю, сейчас не самое подходящее время... Но я уже не могу ничего отменить.

– Что случилось, шеф? – напрягся Глеб, чувствуя, что из них двоих неловко ерзает вовсе не он сам, а сидящий напротив Петшиковский, на лбу которого выступила испарина.

– Завтра из Клеца прибудет весьма важная персона, – таинственно пояснил мужчина, вытащив из кармана платок.

– И кто же?

– Знаменитая писательница Зузанна Пштиль! – радостно объявил шеф жандармов.

Глеб нахмурился, пытаясь вспомнить, где уже слышал или видел это имя, а потом сообразил: книгу за авторством этой Зузанны Пштиль он нынче утром видел на тумбочке в комнате Клары Новак.

– И? Что вы хотите от меня? – спросил следователь.

– Так уж случилось, что моя кузина водит дружбу со столь известной особой. И именно моя родственница предложила рейне Пштиль навестить Броцлав в поисках вдохновения для ее нового романа, – сказал Петшиковский и расплылся в довольной улыбке. – Я уже велел своему секретарю снять для писательницы номер в гостинице. Но... кузина предупредила, что рейна Пштиль очень деятельная особа. И ей не понравится просто наблюдать за тем, как мы тут перекладываем бумажки. Так что, Ковальский, поручаю рейну Пштиль тебе.

– Что? – опешил Глеб. – Но... Рейян Петшиковский, послушайте!.. У нас тут не аттракцион! Мы работаем! Что мне делать с этой... Зузанной?

– Развлекать, – прервал управленца начальник. – И постарайся. Я очень хочу, чтобы наша гостья осталась довольна визитом в Броцлав.

Ковальский тихо заскрипел зубами, но промолчал. Смысла ругаться не было. Петшиковский уже все решил и не передумает.

– А как нам расследование вести? – все же уточнил Глеб. – Мне надо искать убийцу, искать Клару Новак. Я не смогу все бросить.

– Вот и не бросай, – велел шеф. – Пусть рейна Пштиль видит работу магконтроля в действии. А если постараться, то прославишь и город, и нас всех!

Ковальский хмуро глянул на Петшиковского и с трудом кивнул. За отказ начальник бы его не уволил, но окончательно испоганил бы жизнь всего управления.

– На этом все? – уточнил Глеб, едва сдерживая гнев.

– Да, свободен, – с довольной улыбкой покивал шеф жандармов, вытирая лоб платком.

Выйдя из кабинета, Ковальский в раздражении ударил в стену кулаком и глухо выругался.

– Да чтоб вас!.. – прошипел он. – Если бы не угроза внутреннего расследования, обязательно устроил бы вам долгий отпуск!

Спустившись на первый этаж, Ковальский завернул к хозяйственнику.

– Добрый день, Леслав.

– А, Глеб, – ответил высокий тощий дядька, выглядывая из-за стеллажей. – Что хотел?

– Что у тебя есть... успокоительное? – немного подумав, спросил следователь. – Прежде не думал, но, похоже, в ближайшие дни понадобится.

Хозяйственник хохотнул, чем-то загремел, а потом появился перед Ковальским с объемистой бутылкой, внутри которой масляно перекачивалась ярко-зеленая жидкость.

– Это что? – опешил Глеб, оценив объем.

– Это успокоительное, – с теплой улыбкой пояснил Леслав, выставляя литровую емкость на стол.

– Это ликер, – хмуро проворчал Ковальский, стирая пыль с этикетки с надписью «Зеленый гном».

– Это успокоительное, – повторил хозяйственник. – Самое лучшее, какое только может быть при нашей работе. Четырнадцать трав, богатый букет, быстрое действие.

– А ничего другого нет? – с надеждой взмолился Ковальский. Этикетку наклеили криво, так что изображенный на ней гном довольно подмигивал Глебу одним глазом, а вторым косил в стену.

– Нам поставляют только это, – растеряв энтузиазм, заявил Леслав и протянул руку, собираясь забрать бутылку.

– Нет-нет, я возьму, – опередил его следователь. – Мало ли... Возможно, ты и прав.

Глава 5

Кабинет № 11

На мою удачу окна управления выходили не на реку, а в сторону Замостице. К тому же маги ввиду довольно хорошей погоды оставили большую часть окон нараспашку. Оставалось лишь найти удобное место и подождать. Но мне хотелось не только слышать, а еще и видеть. И здесь удача вновь была ко мне благосклонна – в десяти метрах от здания росли старые яблони с толстыми нижними сучьями. Пусть и не с первой попытки, но мне удалось запрыгнуть на один из них. А дальше оставалось только ждать и надеяться, что веточки и листья не позволят управленцам рассмотреть здоровенную псину, разлегшуюся напротив окон.

Первым в просторное, но немного захламленное помещение ввалился высокий молодой рейян. Он, довольно посвистывая, прошелся по кабинету, хмыкнул, заглянув в отделенный перегородкой закуток, и тихо пробормотал:

– Ну и где все?

Я невольно порадовалась собственному отменному слуху. Все же есть плюсы в новом обличье! Но я бы предпочла оставаться человеком.

Словно в ответ на прозвучавший вопрос, в помещение, глухо ругаясь под нос, влетел второй мужчина, чуть постарше.

– Глеб, где тебя носит? – спросил первый и издал неразборчивое бульканье, заметив бутыл с ярко-зеленой жидкостью у рейяна в руках.

– Да... Надо отвыкать ходить через центральный вход, – проворчал второй, водрузил бутыл на стол у окна и запустил обе ладони в свои темно-каштановые с рыжим отливом волосы. – Меня перехватили. Пришлось подняться к Петшиковскому.

– А-а-а! – сочувственно протянул молодой рейян. – Тогда понятно. А я пришел... И никого нет. Вольшек тоже еще не вернулся?

– Нет, – качнул головой Глеб.

Он показался мне смутно знакомым. Я будто бы видела его прежде.

– Надо бы к доктору сходить, – со вздохом сказал Глеб. Присел на край стола, попутно скинув на пол несколько папок, и, стащив с плеч

серый пиджак, стал закатывать рукава белой рубашки. – Дело прежде всего. Но как же хочется кофе! С раннего утра о нем мечтаю. Этот вокзальный бутерброд!.. Из чего они их делают?

– А я был у дорогого рейяна Поповича, – выждав театральную паузу, сообщил молодой рейян.

– Правда?! – обрадовался Глеб.

– Ага, забежал по пути. Так и знал, что ты до него еще не дошел.

– Влодек, ты мой спаситель! Спасибо! – хохотнул Глеб и, прихватив бутылку, помчался за перегородку.

– А пожалуйста! – усмехнулся темноволосый управленец. – Это часть нашей работы. И сейчас важно сделать все быстро.

– Значит, с меня кофе и нормальные бутерброды, а с тебя добытые сведения, – предложил Глеб, чем-то стуча и хлопая.

– О! Бутерброды Глеба Ковальского! Отлично! – довольно потер руки Влодек. – Я бы перекусил.

Стоило прозвучать фамилии, и я вспомнила, где и когда видела рейяна. И как только умудрилась забыть?

Броцлав всегда славился тем, что здесь каждый новый житель вызывал неподдельный интерес у местных. Собственно, новые жители всегда занимали третье место в ежедневном обмене сплетнями. Сразу после обсуждения политических новостей и сплетен о личной и общественной жизни местных. При этом новыми у нас считались все, кто прожил в городе и его окрестностях менее десяти лет. После броцлавчане уже принимали людей за своих и не начинали обсуждение кого-либо с приставки «пришлый».

Восемь лет назад во время летних каникул я день за днем проводила в аптеке. Мне тогда еще нравилось смешивать разные компоненты, и отец поручил моим заботам приготовление довольно простой заживляющей мази на основе трав.

Мне предстояло возиться с маслом, растертыми травами, медом, воском и некоторыми другими компонентами несколько часов, но процесс был настолько прост, что я с удовольствием взялась за работу. Сам же отец в это время встречал редких утренних покупателей в торговом зале. Я как раз нагрела масло до нужной температуры, когда в аптеку заглянула наша ближайшая соседка рейяна Пашкевич. Женщину распирало от желания сообщить каждому жителю нашей Червоной дроги свежую сплетню, но ей пришлось сболтнуть хотя бы

видимость благопристойности и попросить пилюли от головной боли, прежде чем выпалить:

– Рейян Новак, а вы слышали?..

– О чем же? – с улыбкой спросил отец, отворачиваясь, чтобы снять с полки за своей спиной небольшую коробочку с нужным лекарством.

– О новом следователе! – радостно воскликнула рейяна Пашкевич. – Вчера прибыл из столицы! Будет работать в нашем управлении магконтроля.

– Вот как? – хмыкнул отец. Он всегда с превеликим терпением выслушивал приносимые местными кумушками сплетни, но в тот раз его голос прозвучал немного натянуто.

– Да! – воодушевленно проговорила женщина. – Зовут Глеб Ковальский. Совсем мальчик! Родом из Лиена, но распределили его на работу к нам. Его видела Данута. Говорит, лет двадцать, красавец! Высокий, статный!

Я тогда слушала соседку просто для развлечения. В нашей глуши мало что происходит. Но через несколько дней я увидела нового управленца своими глазами, когда вместе с другими ученицами гимназии посетила маггоспиталь, где в то время находилась на лечении одна из девочек. Мы переходили Старый мост, когда нам навстречу попался Глеб Ковальский. Девчонки замерли от восторга, а сам следователь нас даже не заметил.

Вновь увидела я этого человека лишь несколько лет спустя, когда рейян Ковальский зашел в нашу аптеку. В то время меня уже занимал вопрос о будущем, а потому я лишь раз или два оторвала взгляд от страниц книги. И то лишь потому, что удивилась самому факту, что следователь, работающий и живущий на другом берегу, заглянул к нам вместо того, чтобы купить порошки от простуды у рейяна Бульбика.

Тогда я лишь мельком взглянула на молодого человека. Представители противоположного пола и в шестнадцать мало меня занимали, но девчонки из гимназии успели прожужжать все уши рассказами о достоинствах пришлого мага.

Теперь я невольно отметила, что Ковальский весьма хорошо сложен, высок, широкоплеч. Он на полголовы возвышался над субтильным пареньком рядом с собой.

«Кшиштоф к такому бы и близко не подошел», – подумала мельком, осознав, что от этого человека зависели поимка Кшиштофа и моя жизнь.

– Итак, – громко объявил рейян Ковальский, возвращаясь в большую комнату.

В руках он нес чашки и магией левитировал перед собой блюдо, на котором горкой высились бутерброды. Я вмиг захлебнулась слюной, учуяв свежий хлеб, сыр и копченую грудинку.

«Точно. Я ведь не ела с прошлого вечера, – сообразила запоздало. – И как... как я буду питаться в этом облике?»

Вопрос насущный, как и многие другие. Меня тянуло туда, внутрь, к бутербродам. И хоть мыслями я оставалась человеком, какая-то часть меня готова была перепрыгнуть через человеческое поведение и опуститься до примитивных инстинктов.

«Ой... Это нехорошо!» – провыла я мысленно, пытаюсь расслабиться. Пришлось прикрыть глаза и задержать дыхание.

Я не щенок! Не щенок, который готов на все, чтобы добраться до еды. Я взрослая. Я человек. И хоть выгляжу как собака, но я буду воспитанной собакой. Да! Да!

– Кафие нофости тепя интефесуют в перфую очередь? – невнятно спросил молодой управленец, уплетая бутерброд. – У меня вагон информации!

– Давай сначала заключение доктора Поповича, – предложил Глеб, перекладывая на отдельную тарелку часть бутербродов и любовно осматривая каждый.

– Ну, там все просто, – со вздохом признался его коллега. – Наш доктор обещал изучить вопрос плотнее, но уже сделал первые выводы. И они тебя удивят.

Молодой человек замолчал, чтобы прожевать остатки своего бутерброда.

– Влодек, давай в темпе, – поторопил Ковальский.

– Да-да, – помахал рукой парень. – Даю. Итак, судя по следам на теле жертвы, сначала Новака пихнули в грудь, от чего он ударился обо что-то спиной, а потом сбили с ног. Об этом свидетельствуют многочисленные ушибы. Кстати, доктор отметил, что удары были очень сильные. На теле Казимира Новака весьма внушительные

синяки. Но... – Влодек сделал паузу. – Но ничего не сломано, а доктор уверен, что у жертвы должны быть сломаны три или четыре ребра.

– И это странно? – удивился Глеб Ковальский.

– Попович считает, что это весьма необычно, – кивнул молодой управленец. – Ты же знаешь, что наш доктор прежде всего работник госпиталя. С управлением он сотрудничает по договору, не являясь нашим постоянным служащим. Основная его клиентура – жители Броцлава.

– Я понял, – прервал Влодека Глеб. – У доктора большой опыт. И он считает подобное необычным. Как он это объяснил? Выдвинул какие-то теории?

– Вот тут и начинаются сложности, – признался Влодек. – Доктор может лишь выдвигать предположения, но точно он будет знать лишь после того, как все проверит.

– Но хоть какие предположения он выдвинул? – настойчиво спросил Ковальский. Я чуть-чуть подалась вперед, понимая, что ответ важен и для меня тоже.

– Ну... доктор считает, что Новак, возможно, был магом, – чуть помявшись, произнес управленец.

– Магом? – переспросил следователь. – Но ведь все в городе уверены, что Новак – обычный человек без дара.

– Именно! – закивал Влодек. – Именно.

– Нет, вряд ли... – недоверчиво прошептал Глеб и потянулся к чашке с кофе. На несколько секунд он замолчал, делая большой глоток. – Не может быть. Никто никогда не упоминал, чтобы аптекарь пользовался магическим даром, а в таком городе, как этот, утаить подобное не удалось бы. Да и Клара Новак... Ей бы передался дар отца, если бы он у него был.

– Знаю, – покивал Влодек. – Но это пока лишь предположение доктора. Он опирается на известный факт, что физически маги крепче обычных людей.

– Так, ладно, – немного помедлив, сказал Ковальский. – Пусть доктор разбирается. Но вообще... даже мы с тобой поняли бы, если бы Новак оказался магом.

– Не обязательно, – едва не расплескав кофе, ответил управленец. – Ты ведь знаешь о том, что есть способы заблокировать магический дар?

Я еще больше подалась вперед, желая не упустить ни слова.

– Конечно, – кивнул следователь. – Но блокировку магии придумали для осужденных волшебников. Это мера наказания. Мало кто по своей воле готов отказаться от магических способностей.

– А вот здесь ты не прав, – перебил Влодек. – Я тоже этого не знал, но меня просветил наш доктор. Оказывается, маги с невероятно слабым даром время от времени прибегают к блокировке.

– Неужели кто-то готов распрощаться с частью себя?

– Попович кратко изложил исследование, где говорилось, что подобный путь избирают те, кто не пользуется магией даже в быту, – пояснил Влодек. – Их способности настолько ничтожны, что они не видят смысла в том, чтобы именоваться волшебниками.

– Однако... – вздохнул Ковальский. – Я бы не смог.

– На самом деле... современные волшебники в большинстве своем не так часто используют собственные способности, – заметил управленец. – Сам посуди, повсюду артефакты, гномские механизмы. Девяносто процентов того, что нас окружает, и того, чем мы пользуемся, сделал один процент населения королевства. Нам не надо кипятить воду в чайнике собственным даром, как и освещать дома шарами света. Для каждого действия уже что-то придумали или маги-изобретатели, или вездесущие гномы.

Ковальский немного помолчал, но по лицу было ясно, что доводы приятеля его не убедили.

– Ладно. Ждем окончательное заключение рейяна Поповича. Что еще?

– На самом деле я не просто так рассказал тебе о предположении доктора, – с хитрой усмешкой произнес Влодек.

– Давай, Завацкий, не томи, – взяв еще один бутерброд, взмолился Глеб. – Ты не сюжет книги мне рассказываешь, у нас расследование.

– А все слишком похоже на остросюжетный роман, в котором садовник знатной особы внезапно оказывается опасным преступником! – довольно воскликнул управленец. Его глаза блеснули от предвкушения.

– Так что ты такое узнал?

– Доктор убежден, что Новака пытали, – стал рассказывать Завацкий. – Его связали чем-то магическим. Нужно по каталогу

сверить оставшиеся на теле следы, но, похоже, это были магические силки.

– И как его пытали? – уточнил Глеб.

– Часть тех... отверстий, которые мы видели, нанесена каким-то оружием при жизни, – пояснил Влодек. – Несколько небольших и неглубоких ранок. Доктор уверен, что они не смогли бы убить Новака.

Меня передернуло от ужаса. Вспомнилось что-то длинное и гибкое, чем Кшиштоф хлестал по полу, пытаясь меня задеть.

– Значит, убийца очень хотел вызнать у Новака местоположение искомого предмета, – прищурившись, сделал вывод Ковальский. – Что же хранил Новак?

– И вот тут мы подбираемся к самому интересному! – торжественно воскликнул Завацкий. – Личность Новака! Это самая настоящая загадка!

– Что ты узнал? – потребовал ответа Глеб с таким видом, словно от слов Влодека зависела жизнь следователя.

– Ха! Ты хотел сказать, что я не узнал? – с намеком ответил Завацкий. – Я попытался раскопать прошлое Новака. На первый взгляд ничего особенного. Все то, что знает каждый житель Броцлава: переехал сюда примерно двадцать три года назад, купил дом, открыл аптеку, встретил молодую и красивую девушку, женился, у них родилась дочь...

– Потом жена его бросила, вернула девичью фамилию, уехала в Лиен, – перебил Глеб. – Это все знают, да. Расскажи мне то, чего я не знаю.

– Итак, – сказал Завацкий и усмехнулся. – Для начала все, что мы знаем о Новаках из Броцлава, – правда. Но...

– Но?

– Видишь ли, похоже, что вне Броцлава никто не знает Казимира Новака, – с довольным видом выдохнул управленец.

– В смысле? – опешил Глеб, и я вместе с ним.

– В том самом, – ответил Завацкий. – Как ты понимаешь, в королевстве перемещения любого человека можно отследить, если задаться целью. Тем более если знаешь, где он учился, где прежде жил, где работал. Для начала я связался с нашим справочным отделом. Жандармским, раз Новак у нас числился обычным человеком. Там мне

сказали, что Новак переехал к нам из маленького городка на севере, из Броттона.

– Это где? – уточнил Глеб.

Я тоже хотела об этом услышать. Отец никогда не рассказывал мне о том, где он родился и вырос. Всегда отшучивался, что это была такая дыра, что там и за десять лет не происходило ничего интересного.

– Не поверишь, но это почти на границе, – сказал Завацкий. – Крохотный городок. Возник лишь при объединении королевств, так что городок не только маленький, но и совсем молодой. Населения не больше, чем в какой-нибудь деревушке.

– Так Новак оттуда? – спросил Ковальский.

– Подожди, – попросил Завацкий. – Все по порядку. Итак, я выяснил о Броттоне в справочной службе, но запросить сведения через жандармерию нельзя. В Броттоне нет своей жандармерии. Там за порядком краем глаза посматривают пограничники. Тогда я заглянул в банк. Гномы, как знаешь, отличаются невероятной скрупулезностью. Уж они-то должны были все знать, но оказалось, что по приезде Новак открыл счет в банке, а не перенес обслуживание уже существующего счета в наш город.

Я не могла читать мысли Ковальского, но чувствовала, что ему ситуация нравится все меньше и меньше. Да и я чувствовала себя не слишком уютно.

– Что еще ты узнал?

– Тогда я обратился напрямую в Гаручскую медицинскую академию, справочная служба которой хранит сведения не только о своих выпускниках, но и обо всех, кто учился в любых медицинских учебных заведениях. У них даже самые младшие медработники записаны все до одного. Уж они-то должны были знать все про нашего аптекаря, – ответил Завацкий.

– И выяснилось, что Казимир Новак никогда не получал образования в каком-либо медицинском учебном заведении? – предположил Ковальский хмуро. – Даже на курсе виталистов в магакадемии?

– Да, – покивал Влодек. – Более того, я решил проверить все возможные варианты и задал более широкий диапазон по годам, но ни двадцать с лишним, ни полвека назад, когда Казимир Новак еще был

младенцем, ни в одно медицинское учебное заведение не поступал студент с таким именем на отделение фармацев. Да даже просто поступавших и непоступивших с таким именем не было!

– Дальше.

– Я заглянул на почтамт, – продолжил свой рассказ Завацкий. – Всякий приезжий, желая получать письма, приходящие на старый адрес, подает необходимые сведения. Но меня заверили, что на имя Новака не пересылали письма из других городов. Он вообще не получал ничего, кроме подписки газет и местных счетов.

– Выходит, до приезда в Броцлав нашего Казимира Новака звали как-то иначе, – сделал вывод Ковальский.

– Именно, – подтвердил Влодек. – И, честно говоря, я даже не представляю, как много времени понадобится, чтобы выяснить, где Новак жил до переезда и как его на самом деле звали.

– Возможно, доктор даст нам подсказку, – немного подумав, сказал Глеб. – Если Новак на самом деле бывший маг, то где-то же он заблокировал свой дар. Вряд ли в королевстве много мест, где это могут сделать. И вряд ли за все эти годы подобных магов было настолько много, чтобы не запомнить нашего аптекаря.

– Я займусь, – пообещал Завацкий. – Буду рыть, пока не найду. Ну и попробую вычленив Новака среди выпускников медицинских академий. Он все же был хорошим аптекарем, так что...

– Да, где-то же он должен был учиться, – согласился следователь. – Но не слишком ли много людей придется проверить?

– Ну... за несколько лет медиками в королевстве стало меньше людей, чем всего жителей в Ведаунзине, – довольно самонадеянно напомнил Влодек.

– Ты будешь искать иголку в стогу сена, – покачал головой Глеб. – Начни с пограничников Броттона. Возможно, те смогут нам помочь, если дать им описание Новака. Дай описание и в справочную службу Гаручской медицинской академии, пусть те перешлют его главам учебных заведений. Ну и сходи еще раз к гномам.

– А к ним зачем?

– Они, конечно, хранят клиентскую тайну, но, возможно, смогут дать сведения о тех, кто перестал пользоваться счетом в банке, – предложил Ковальский. – По статистике в среднем на каждого совершеннолетнего жителя королевства приходится один счет в банке.

И этим счетом человек пользуется всю жизнь. Гномские банки – это очень удобно. Они есть во всех достаточно крупных городах, они невероятно быстро обмениваются информацией, они надежны настолько, что за всю историю их пытались грабить всего три раза.

– И все три раза неудачно, – хохотнул Влодек.

– Вот именно, – кивнул Глеб. – В общем, не так много причин прекратить пользование или закрыть счет. Если отбросить всех пожилых людей, женщин... Не думаю, что в королевстве двадцать пять лет назад было так уж много мужчин, которые закрыли счет или перестали пользоваться услугами банка. Возможно, этот короткий список поможет выяснить настоящее имя и прошлое Казимира Новака, если сравнить его с данными из справочного отдела медиков.

– О, отличная идея! – воскликнул Завацкий. – Мы должны использовать любые возможности, ведь это может как-то привести нас и к личности убийцы.

– Значит, на вокзале удалось что-то выяснить? – догадался Глеб.

– Совсем немного, – погрустнел Влодек. – Не поверишь, но гномам не слишком интересны люди, которым они помогают добраться из одного места в другое, их больше занимает работа огромного, пышущего жаром и паром чудища во главе пассажирских вагонов.

– Так ты что-нибудь выяснил? – прервал поток слов следователь. У него был такой тон, словно он не сомневался в способности Завацкого добыть информацию.

– Да, но не от гномов, а от тамошнего уборщика, – еще немного помявшись, сказал управленец.

– Ну и?

– Учти, это ненадежный свидетель, – предупредил Завацкий. – Очень ненадежный. Если судить по виду, рейян держится за эту работу только ради денег, которые полностью спускает на выпивку.

– Ладно. Что он сказал? – отодвинув оставшиеся бутерброды в сторону и подавшись вперед, потребовал ответа Глеб.

– О, вы уже здесь, – с шумом в помещение ввалился еще один мужчина.

Он выглядел так, словно побывал в чьем-то пыльном чулане, а потом удирал от преследователей по-пластунски. Кроме того, рукава его пиджака были испачканы чем-то серым. Не успел управленец

дойти до стола Глеба, взять бутерброд и впиться в него зубами, а я уже знала, что мужчина каким-то образом влез в несозревшее зелье для роста волос. Его запах, по-хорошему, уже давно должен был выветриться, но я легко различила знакомые нотки даже на довольно значительном расстоянии.

«Интересно, это он так в аптеке испачкался? Они вскрыли наши заготовки? – сообразила я. – Нет. Вряд ли. Магам незачем было распечатывать банки. А вот Кшиштофу... Да, этот мог вскрыть».

Внезапно я пожалела, что не обратилась псиной раньше. Тогда бы я смогла, наверное, отыскать этого... храксового выродка исключительно по запаху! И!.. И!..

На миг перед глазами встала алая пелена безумной ярости, из горла вырвался низкий звук, похожий не на рык, а на злобное жужжание роя пчел.

Что я творю? Я ведь просто девушка! Что я смогу сделать сильному и явно уверенному в своем превосходстве мужчине?

Довод помог, но что-то внутри меня еще долго глухо ворчало, а клыки сами собой обнажались.

«Нужно что-то делать с собственными реакциями, – через пару минут пришлось признать мне. – Животное время от времени берет верх. Это неправильно!»

Пока я боролась с собой, пришедший, которого, как оказалось, звали Вольшек Давидовский, дожевал бутерброд и быстренько обрисовал ситуацию с опросом жителей и осмотром местности. Сведения не утешали.

– Никто ничего не видел, – сообщил управленец. – Ни одной подозрительной личности. Ни одного странного события. Изю дня в день все одинаково. Настолько занудно, что необычным происшествием одна старушка назвала то, что к рейяне Мнишек пару раз кто-то заходил.

– Кто именно? – тут же уточнил Глеб.

– Соседка Новаков заверила, что это был просто маг из коммунальной службы, – отмахнулся Давидовский. – Ты говорил с молочником?

– Да, – со вздохом подтвердил Ковальский. – Но и он не рассказал ничего полезного. Они с помощником видели свет в окнах дома Ирены Мнишек. И только. Никого подозрительного. Ничего необычного. Мы

тут с Влодеком как раз обсуждали то, что ему удалось узнать на вокзале.

– И что? – воодушевился Давидовский. – Нам сейчас нужны хоть какие-нибудь сведения.

– Уборщик видел только одного подозрительного типа, сходявшего с поезда за последнее время, – принялся рассказывать Завацкий. – Как вы знаете, обычно поезда на нашей станции просто останавливаются, чтобы забрать или отдать почту и грузы, а сходит здесь очень мало людей. Вот мужчина и приметил одного типа, который сошел с поезда, идущего в Лиен.

Маги переглянулись, одинаково морщась. И мне была понятна их реакция. Если человек прибыл в Броцлав с поездом из столицы, то сесть на него он мог на любой из двадцати трех станций по ходу следования. А это означает, что маги ни за что не узнают место, откуда прибыл убийца.

– Ладно. Что-то еще? – понадеялся Ковальский. – Когда это было?

– Семь дней назад.

– Немало, – вздохнул Давидовский.

– Уборщик видел, что мужчина осматривался как тот, кто прибыл в незнакомое место, – добавил Влодек. – Он обычно высматривает таких. От растерянности люди готовы принять помощь от любого прохожего. Вот уборщик и надеялся разжиться прибавкой к жалованью, оказав незнакомцу услугу. Но тот лишь огрызнулся и отправился прочь.

– Уборщик запомнил, как он выглядел?

– Он описал его как высокого худого мужчину с русыми волосами и очень светлыми глазами, – сверившись со своим блокнотом, ответил Завацкий. – На вид за пятьдесят. Без особых примет.

Управленцы немного помолчали, обдумывая имеющиеся сведения. Я очень надеялась, что этим троим удастся отыскать Кшиштофа.

– Так, выходит, убийца знал о прошлом Новака? – предположил наконец Давидовский.

– Новак явно пытался скрыться от своего прошлого, – задумчиво сказал Глеб. – Он сменил имя, приехал в маленький городок, вел жизнь достойного аптекаря, но где-то там оставалась не самая приятная часть его жизни, которую он скрывал ото всех.

– Думаете, дочь ничего не знала? – спросил Завацкий.

– Уверен, – кивнул следователь. – Казимир Новак определенно пытался сделать все, чтобы никто и никогда не узнал... о чем-то. Думаю, если мы поймем, что же сделал Новак в прошлом, мы распутаем все это дело. Это может дать ответ и на то, что именно хотел забрать...

– Или вернуть, – вклинился Влодек.

– Или вернуть, – покивал Глеб, – наш преступник. Это было что-то такое, что стоило многих лет поисков.

– Не думаете, что это могла быть прежде всего месть? – тихо пробормотал Давидовский.

– Ну да... Новака ведь пытали, – согласился Завацкий. – Мы решили, что это ради выяснения какой-то информации или местоположения какой-то вещи, но... а что, если это было именно убийство? Преступник очень хотел убить Казимира Новака, но перед этим решил как следует помучить. А остальное... Он не взял деньги, но все разгромил. Возможно, это была попытка скрыть истинную причину его действий?

– Убить Новака можно было и в постели, – покачал головой Глеб. – Просто пробраться ночью и тихо задушить. Или совершить стремительное нападение в аптеке.

– Или на улице, – добавил Давидовский. – В каком-нибудь тихом месте.

– Или на улице, – согласился Глеб. – Но убийца прибыл неделю назад, очень осторожно наблюдал за Новаком, а потом загнал его в угол, чтобы допросить без свидетелей. Преступник явно прибыл сюда не только за тем, чтобы забрать жизнь аптекаря, но и ради поисков чего-то, что хранилось у Новака.

– А мы даже не знаем, что именно! – ударил кулаком по столу Влодек.

– Верно, – куда спокойнее произнес Ковальский. – Мы не знаем, забрал ли незнакомец то, что хотел. Или эта вещь все еще в аптеке. Но это явно что-то достаточно небольшое. То, что можно спрятать в горшочке со зреющим лекарством.

– Ближайший поезд будет ночью, я отправлю пару жандармов на станцию, – предложил Давидовский. – Пусть понаблюдают, не сядет ли в поезд кто-то, подходящий по описанию.

– Хорошо, – кивнул Глеб. – Будет нелишним. Но пусть переоденутся.

Мужчины покивали друг другу, и Ковальский удалился за перегородку, чтобы сварить новую порцию кофе. Пока его не было, во владения управленцев забежал посыльный и сунул Завацкому тощий конверт из плотной желтой бумаги.

– Глеб! – крикнул Влодек. – Доктор прислал результаты!

Следователь тут же вернулся в зал, оттирая с руки кофейные брызги.

– Ну что там? – в напряжении спросил Давидовский, пока Ковальский вскрывал конверт и просматривал несколько листочков. – Что?

– Очень интересно... – сдавленно пробормотал следователь и глянул на своих товарищей. – Честно говоря, я ничего такого не ожидал.

– Что?

– Так... – Глеб вернулся к первому листу. – Новак умер между пятью и шестью утра, как и предполагалось. На его теле прижизненные царапины, ссадины и гематомы. Судя по положению пятен, аптекаря с силой толкнули в грудь, он ударился о шкафы затылком, плечами и поясницей. Его пытали... На шее отпечатки пальцев, есть пара глубоких порезов на бедре. Также характерные следы на животе и кровотечение в брюшной полости. Ожоги от силков. – Ковальский приостановился и откашлялся. – Но самое неожиданное не это. Глубокие проникающие ранения, которые были обнаружены на теле рейяна Новака, получены не в результате магического воздействия или при помощи какого-то необычного оружия. Нет. Доктор пишет, что обнаружил частички эпидермиса в ране. Достаточно глубоко.

Управленцы переглянулись. Было что-то, что они поняли без слов. И я едва не подскочила на ветке, желая, чтобы они озвучили свои выводы вслух.

– Очень необычно, – согласился Давидовский. – Но, возможно, это случайность?

– Нет, – покачал головой Глеб и бросил листки на стол. – Попович написал, что частички кожи обнаружены во всех ранах, они

идентичны. Более того, доктор обнаружил чужую кровь на сломанном ребре Новака.

– Но кто и как смог убить аптекаря голыми руками? – шепотом спросил Завацкий и передернул плечами. – Раны не настолько огромные. В диаметре не больше четырех сантиметров. А глубина ран? – Он глянул в бумаги. – Варьируется от семи до двенадцати сантиметров. Форма...

Глеб не стал слушать. Он поднял с пола и установил на треногу грифельную доску, а потом довольно схематично нарисовал что-то продолговатое и коническое, похожее на хвост животного.

– И что вы думаете? – спросил следователь.

– Наш убийца использовал какое-то животное? – предположил Вольшек.

– Нет, в том и дело, что доктор уверен, что обнаруженная органика – человеческая кровь и частички кожи, – покачал головой Завацкий. – Человек? Но как?

– Мне вот тоже интересно, – согласился Глеб. – Дело становится все запутаннее.

Мужчины дружно уставились на рисунок.

– Думаете, наш убийца при помощи магии увеличил свои пальцы и ударил настолько сильно, что смог пробить грудную клетку? – спросил Завацкий явно без особой надежды на то, что его предположение понравится коллегам.

– Ну... это пока самая вероятная версия, – вздохнул Глеб.

– И еще то серое зелье в ране, – отметил Давидовский. – Значит, ты был прав. Новака сначала убили, а потом занялись поисками. И что теперь делать?

Часть вторая

Собачья работа

Глава 1

Я к вам пришла навеки поселиться

Глеб с раздражением взглянул на бумажки, которые коллеги побросали поверх папок и стопок с бумагами, равномерно распределенных по столам. Дело нравилось ему все меньше и меньше.

– Вольшек, остаешься здесь и систематизируешь все, что мы уже знаем. Если кто-то захочет что-то рассказать – выслушай и запиши. Нам сейчас необходима каждая крупинка данных. Влодек, забеги в секретариат и узнай все, что касается... как ее? Зузанны Пштиль.

– Кого? – переспросил молодой человек.

– Это писательница, автор многих популярных любовных романов, – за Глеба ответил Давидовский и добавил, заметив обращенный к нему удивленный взгляд младшего коллеги: – Жена моя почитывает эти книжечки. А зачем тебе сведения, Глеб?

– Завтра эта рейна прибывает в город... Точнее, прибывает она, видимо, сегодня, вечерним поездом, но завтра появится у нас в жандармерии, и шеф велел мне ее развлекать, – с тоской отозвался Ковальский, взлохматив волосы пятерней. – Вот оно нам надо? Хракс...

– К нам? – встрепнулся Вольшек. – Надо будет книжку подписать.

– Так, может, это тебя в секретариат отправить? – хмыкнул Ковальский.

Давидовский задумался, но тут же отмахнулся:

– Нет, пусть с рейяной Кабытькевич Влодек беседует.

Младший поморщился, но кивнул. Ковальский хорошо знал своих ребят, а потому не удивился реакции Завацкого.

– Ничего не изменилось? – спросил он, но без особого сочувствия. Этого Влодек не терпел.

Брюнет дернул плечом и промолчал.

– Кыш! – внезапно раздалось за окном. – Прочь пошла! Кыш!

Удивленно дернувшись, Глеб шагнул к окну и увидел вахтера, который, вооружившись камнем, подступал к какому-то животному, частично скрытому кустами. Зверь зарычал и попятился, и управленцы

смогли рассмотреть, что рейян гоняет по яблоневоу саду крупную черно-коричневую псину.

– Эй! – окликнул вахтера Глеб и, опершись рукой на подоконник, одним махом выпрыгнул наружу. – Рейян Кручинек! Рейян!

– Прочь пошла! Здоровенная какая! – никого не замечая, орал мужчина в черном форменном кителе. – Пошла вон!

Ковальский не успел, и камень со свистом полетел в кусты. Ветки затрещали, зашуршали листья, но собака успела увернуться, метнувшись в сторону.

– Кручинек! – рявкнул Глеб, и вахтер наконец его заметил, замер и вытянулся во фронт. – Какого вы?.. – Ковальский едва не выругался, косясь то на полноватого пожилого жандарма, то на псину, которая, отбежав шагов на двадцать, замерла и таращилась на них влажными карими глазами. – На каком основании вы устроили неразбериху под окнами управления магконтроля, мешая нам в расследовании очень и очень важного дела?!

– Так псина! – выдохнул рейян и со злостью воззрился на собаку. – Я вышел... пройтись, а она в саду сидит. На сук взобралась! Вы посмотрите, старший следователь, какая громадная! Волкодав же! Сущий волкодав! Таких душить надо, а не держать при себе. А какой-то горожанин завел. Псина! Такая и ребенка загрызет!

Глеб с сомнением взглянул на «волкодава». Собака и в самом деле была крупной, но так испуганно жалась к земле, что вряд ли могла представлять опасность не то что для человека, но даже для котенка.

– Рейян Кручинек, отставить шумиху и панику! – велел Глеб строго.

– Но как же... – замялся вахтер.

– Я разберусь, – решительно заявил ему Ковальский.

– Эй, Глеб, – окликнул следователя запыхавшийся Вольшек. Выпрыгивать в окно ему не позволяла комплекция и уже довольно солидный возраст. – Ты чего? Какое нам дело до какой-то собаки?

Влодек неспешно обогнул угол здания и поравнялся с Вольшеком, но не спешил одергивать коллегу.

– Откуда тут такая здоровенная псина? – вместо этого спросил он, наблюдая за тем, как Ковальский медленно приближается к животному. – Ты осторожнее. Еще цапнет.

Глеб и сам был настороже. Он дождался момента, когда вахтер скрылся из виду, и направился к зверю. Собака пригнулась еще ниже и зарычала, обнажив крупные белые зубы.

– Хорошая собака, – сказал Ковальский, постепенно приближаясь к животному. – Хорошая. Тихо. Тихо.

– С виду не дикая, – отметил Влодек, подступая ближе. – Шерсть лоснится.

– Может, того, потерялась? – предположил Вольшек.

– Это откуда же она сбежала? – фыркнул Завацкий, глянув на него. – Таких больших собак в городе вряд ли кто-то держит. Разве что в Зеленице.

– Или в Заговим, – добавил Вольшек. – А то и вообще... из Раковиц удрала.

Глеб магов не слушал. Он медленно подступил к собаке, продолжая мягко приговаривать:

– Тихо. Тихо. Не бойся. Ты же хорошая собака? Хорошая.

Присев на корточки в шаге от животного, Ковальский внимательно осмотрел гладкую шкуру, чистые лапы и уши, но на первый взгляд не обнаружил ни ран, ни царапин. Понадеявшись, что травм все же нет и собака не кинется на него от испуга и боли, Глеб потянулся вперед.

– Осторожнее, – зашипел Влодек.

– Вот именно, Глеб, – поддержал Завацкого Вольшек. – Не суй руку в пасть незнакомой твари.

Ковальскому очень хотелось прикрикнуть на коллег, но он побоялся спугнуть собаку, а та, внимательно покосившись на его протянутую руку, медленно придвинулась, перебирая по траве длинными сильными лапами.

– Вот и хорошо, вот и умница, девочка, – улыбнувшись, проговорил Глеб, когда смог коснуться пальцами шерсти между ушей. – Славная и умная.

– Укротитель на арене! – хихикнул позади Влодек. – Спешите видеть!

Через минуту Глеб уже всю наглаживал животное меж ушей, по шее и сильной спине, успокаивая и успокаиваясь. Но прошло еще довольно много времени, прежде чем собака поднялась на все четыре лапы и позволила осмотреть себя со всех сторон.

– Какая большая, – притих веселившийся до этого Влодек.

Глеб встал и, продолжая гладить животное, осмотрел его, пытаясь сообразить, к какой породе можно отнести собаку. Псина выглядела сильной, мощной, мускулистой, но не массивной. Резкие, чуть рубленые, но элегантные линии подчеркивались блестящей темной шерстью – почти всюду черной или темно-коричневой, и лишь на морде и лапах виднелись темно-рыжие подпалины.

– И что будешь делать? – спросил Давидовский.

Глеб заглянул в карие умные глаза и спокойно ответил:

– Пока она останется у нас. Не стоит такому крупному животному просто так разгуливать по улицам.

Коллеги Ковальского мигом возмутились, но Глеб прервал их протесты коротким взглядом, к которому прибегал лишь в те моменты, когда хотел напомнить, что все еще является начальником отдела.

– Мы должны охранять покой жителей, – напомнил Ковальский рейянам. – Это наша прямая обязанность.

– Так и отведи собаку в жандармерию, – предложил Вольшек. – Пусть в одной из камер заперут, пока хозяина не нашли.

– Нет, – ответил Глеб и покачал головой.

– К нам потащишь? – не поверил Давидовский. – Да она за тобой не пойдет!

К вящему недоумению обоих коллег Глеба, собака безропотно последовала за старшим следователем, стоило тому развернуться и похлопать себя по ноге.

– С ума сойти, – выдохнул Вольшек.

– Да ладно, – отмахнулся Влодек, – вроде она неагрессивная. Думаю, хозяин сегодня или завтра отыщется. Я по дороге забегу к жандармам и попрошу поспрашивать.

Мужчины переглянулись и кивнули друг другу. Влодек быстрым шагом направился в сторону главного входа, а Вольшек за Глебом – к одному из шести боковых.

К немалому удивлению Глеба, собака без сомнений трусила за ним до самой двери и задержалась лишь на пороге, глубоко втягивая воздух.

– Идем, девочка, – позвал рейян. – Никто тебя не тронет.

Псина вздернула морду, с секунду потаращилась на него, а потом решительно нырнула в сумрачный коридор, по обе стороны

заставленный высокими шкафами.

За эти шкафы, старые поломанные столы, стулья, пыльные сухие цветы в высоких вазах и поставленные стоймя скрученные ковры вдоль стен Глеб и не любил приходить во владения управления через главный вход. Так тут было и до прихода Ковальского, а с годами хлама стало еще больше. Следовательно много раз просил Леслава Кобытько списать и избавиться от ненужного, но хозяйственник всякий раз пускался в сумбурные объяснения, из которых выходило, что бюрократическая процедура слишком сложна и запутанна и проще заставить дальнюю часть первого этажа хламом.

«А что маги? Маги перебыются», – мысленно проворчал Глеб, глядя, как собака осторожно обнюхивает один из ковров. Животное фыркнуло, чихнуло и попятилось, едва не сбив Ковальского с ног.

– Вперед, – велел он, хлопнув собаку по боку. – Нам дальше.

Загнать псину во владения управленцев не составило труда. Животное лишь чуть замедлилось на пороге, косясь на полутемный закуток, где маги оставляли верхнюю одежду, и шмыгнуло в большую комнату.

– Нужно поскорее найти владельца, – недовольно проворчал Вольшек, догоняя следователя. – А то мало ли... Еще цапнет!

– Да ладно, – отмахнулся Глеб. – Собака вроде дрессированная.

– И что? Не ты ее дрессировал, – хмуро отозвался управленец, бочком двинувшись к своему столу. – Не ты ее хозяин. Эти твари только хозяевам преданы!

Ковальский пожал плечами и улыбнулся, глядя на собаку. А та замерла посреди комнаты, внимательно осматриваясь и принюхиваясь.

– Интересно, она голодная? – сам себя спросил Глеб и, пройдя мимо псины, поманил ее за собой в кухонный закуток: – Иди сюда. Иди. Давай тебя покормим. Если наш дорогой Вольшек так беспокоится за свой филей, то надо бы побережь его нервы.

Псина как-то совершенно по-человечески фыркнула и с достоинством истинной леди проследовала за Ковальским.

– Ох... Бед не оберемся, – предрек Давидовский, провожая собаку взглядом. – Надо было ее все же к жандармам завести.

– Что тут у нас? – сам себя спросил Глеб Ковальский, склоняясь к холодильному шкафу.

Для нас двоих в крохотном закутке едва хватало места, так что я осталась у порога, настороженно пригнувшись. Есть хотелось так сильно, что от одного упоминания еды живот мигом прилип к позвоночнику. Очень хотелось поднырнуть под руку рейяну и самолично проверить содержимое хитроумной гномской штуковины, но останавливал инстинктивный страх. От шкафа тянуло ароматами свежего сыра, копченой говядины и белого хлеба, лишь еще больше раздражая и выводя из себя. Я невольно преодолела сомнения и подступила почти вплотную, глубоко вдыхая чарующие запахи.

– Да ты голодна! – хмыкнул следователь, обнаружив мою голову у своего бедра. – Сейчас... Сейчас, девочка.

Я изогнулась и осмотрела внутренности шкафа. Кроме всего прочего, на одной из трех сетчатых полочек обнаружилась накрытая блюдцем кофейная чашка, а на боковой дверце – пара яиц.

– Выбор невелик, – усмехнулся Ковальский. – Надеюсь, от бутерброда ты не откажешься?

– Ты ей еще кофе предложи, – фыркнул второй управленец. – Глеб, это же собака! Собака!

– И что? – удивленно спросил рейян, выкладывая на стол продукты. Ему пришлось подвинуть в сторону здоровенную бутылку с зеленой жидкостью. У меня в носу защекотало от резкого запаха с примесью трав.

«К такому нельзя подготовиться», – невольно пятясь обратно к порогу, подумала я.

В одном из своих романов Зузанна Пштиль талантливо выписала героическую и прекрасную Аланцию Дарроу – красавицу, умницу и, само собой, спортсменку. Именно такими были пять или шесть последних героинь писательницы. Представ на первых страницах трепетными рейночками без жизненного опыта, девушки вскоре открывали в себе по десятку невероятных талантов, поражая воображение как мужественных героев, так и читателей. Аланция однажды даже ощутила в себе потребность освоить все тайны какой-то диковинной боевой техники и отправилась в один из зланных районов портового Рейга – крупного города на севере королевства. Но вместо того чтобы встретить кого-нибудь с востока континента, девушка

столкнулась с местной бандой и едва не попала в передрагу. Убегая от преследователей, Аланция случайно столкнулась с неизвестным типом, а тот, оказавшийся сильным магом, желая наказать девушку за невнимательность, бросил ей вслед заклинание. Лишь дома рейночка обнаружила, что постепенно теряет зрение. Перепугалась, начала истерить. Ни семейный доктор, ни врач из ближайшего маггоспиталя ей помочь не смогли. Но вскоре Аланция обнаружила в себе способность ориентироваться в пространстве и без зрения. За несколько недель она так освоилась, что перестала переживать из-за своего увечья. Писательница живо и подробно описала то, как легко рейна Дарроу улавливала и распознавала мельчайшие крупички ароматов, поражая окружающих. В какой-то момент именно благодаря способностям Аланции местные жандармы раскрыли дело о похищении породистого скакуна у знаменитого заводчика, и девушка стала внештатной помощницей шефа жандармов.

Этот роман я перечитала три или четыре раза, даже зачитала некоторые моменты вслух отцу, восторженно отмечая, какую невероятную работу проделала Зузанна Пштиль. Тогда мне казалось, что писательница изучила труды светил медицины, истории людей, а уже потом села за написание книги. Сейчас же мне хотелось только скептически фыркнуть в лицо себе прежней, вспоминая те восторги.

В зверином облике мое обоняние, и прежде довольно хорошее, многократно усилилось, но при всем желании я бы не смогла проделать что-то из того, чем прославилась Аланция Дарроу. Мой нос ловил сотни всевозможных запахов, но я едва могла назвать десятую часть, в то время как остальные оставались для меня лишь какофонией.

Самой себе сейчас я напоминала ребенка. Щенка, который делает свои первые и неуверенные шаги в новый мир. Он чувствует многое, но пока и сам не понимает, что именно. Ароматы щекочут нос, но названий этим ароматам нет. Ко всему прочему многие запахи в нынешнем облике еще и воспринимаются иначе.

Что в огромной бутылке? Аромат резкий, чуть ментоловый. От него хочется рычать и пятиться. Алкоголь?

Что было спрятано в свернутом ковре? От того аромата чесалось в носу и хотелось беспрерывно чихать.

Чем пахнет обувь мужчин? Что это за смесь запахов? Земля? Трава? Еще что-то... очень знакомое. Так пахнет мой дом?

Почему карман брюк рейяна Ковальского пахнет чем-то... родным и близким? Что там лежит? Это что-то... мое?

«И как ты собралась Кшиштофа искать, дурочка? – спросила я себя с грустью. – Ты его не нюхала и не сможешь разыскать по запаху. А если вернуться в аптеку, то ты даже не поймешь, какой из запахов там принадлежит этому подонку. Прямо сейчас у тебя есть когти и зубы, но ты совершенно бесполезна. Слаба и бесполезна, как новорожденный щенок!»

– Ну как? – выдернул меня из размышлений следователь, сунув под нос получившееся творение – разрезанный вдоль багет с толстыми кусками сыра и мяса.

– Ты еще на тарелочку все положи, – хмыкнул Давидовский, наблюдая за нами через порог. – Бутерброд он сделал. Все же ты, Ковальский, гурман. Даже собаку покормить не можешь, как все.

Глеб Ковальский взглянул на коллегу и с усмешкой ответил:

– Спасибо за подсказку.

– Чего? – удивился управленец и закашлялся, когда его начальник на самом деле взял тарелку и, водрузив на нее бутерброд, поставил передо мной. – Ты совсем...

Следователь лишь плечами пожал и отвернулся, чтобы набрать в глубокую миску немного воды из-под крана. Я же сосредоточилась на предложенном угощении. Живот крутило от голода, но я мялась на месте, пытаюсь разобраться, как мне есть в нынешнем образе. За тарелку и бутерброд я была искренне благодарна стоявшему рядом мужчине, с пола я бы даже в обмороке вряд ли стала подбирать, а уж объедки... Встряхнувшись, я наклонилась над тарелкой и сосредоточенно потянулась к еде.

– Надо же, – хмыкнул Давидовский, – как аккуратно ест. Как думаешь, откуда эта псина взялась?

– Ясно же, что не из подворотни, – ответил Ковальский, ставя возле меня миску с водой и отходя к двери. – Ухоженное и здоровое животное.

– И крупное, – напомнил Давидовский. – Уж не знаю, что это за порода, но ты взгляни! Здоровенная. Такая и горло перекусит за раз!

– Не скажи, – покачал головой старший следователь, – собаку явно дрессировали. Такая просто не кинется.

Кое-как откусив от бутерброда и проглотив первый кусок, я подняла голову и внимательно посмотрела на рейяна Давидовского.

– Ты глянь! Как тарашится, – выдохнул управленец и на шаг отступил, спрятавшись за тонкой стенкой-перегородкой.

– Да ладно, – отмахнулся Глеб, возвращаясь в большую комнату. – Ничего она тебе не сделает.

Давидовский что-то невнятно промычал себе под нос и тоже ретировался, оставив меня наедине с едой и водой.

«Вот спасибо!» – искренне подумала я, оценив обилие крошек вокруг тарелки.

Одного бутерброда оказалось мало, но я утолила первый и самый острый голод. Кое-как похлебав воды, тихо прошмыгнула в комнату и прокралась Ковальскому за спину. Его стол стоял рядом с окном, так что я в одночасье очутилась в укрытии между стеной и сидевшим ко мне спиной молодым мужчиной. Следователь на мои перемещения внимания не обратил, сосредоточенно перебирая бумажки на столе.

«Итак, что мы имеем?» – спросила я себя, укладываясь на старенький рассохшийся паркет.

Стоило все обдумать и оценить ситуацию. Прямо сейчас ситуация наиболее к этому располагала, ведь мне не требовалось куда-то бежать или от кого-то спастись. Я очутилась в тепле, покое. И тут даже кормят!

С толикой благодарности я покосилась на широкую спину мужчины. От него приятно и тонко пахло жимолостью, мятой и чем-то еще, чему я не могла дать определение. Видимо, это был собственный запах Глеба Ковальского.

«О еде и воде пока беспокоиться не нужно, – решила я. Почему-то не сомневалась, что Ковальский обо мне позаботится. – Но Давидовский – это проблема. Я ему не нравлюсь. И он станет активно искать моих владельцев, очевидно же. Чем мне это грозит?»

Мне банально не хватало знаний о работе как жандармов, так и магов, но логика подсказывала: за один день невозможно выяснить, что никто в городе и за его пределами не терял собаку. Давидовский не станет тратить силы сверх положенного на поиски. Значит, у меня есть пара-тройка дней, за которые мне надо что-то придумать.

Вечер подкрался внезапно. Глеб устало потянулся и потер шею, пытаясь взбодриться. Бумаги он просмотрел и даже успел самолично отнести все лишнее в архив в другом крыле здания. Управлению предстояло разобраться в очень важном и по-настоящему серьезном деле, и Глебу не хотелось, чтобы какие-то мелкие жалобы отвлекали их маленький отдел.

Давидовский дождался окончательного отчета Поповича, забрал бумаги у жандармов и лишь недавно закончил сортировку и подшивку листов в папку с делом, пухнувшую на глазах. В этот раз Вольшек отнесся к работе ответственно, а не просто сунул листы в папку.

Завацкий вернулся из секретариата, бросил Глебу на стол сложенную вдвое бумажку и умчался искать новые сведения. Ковальский знал, что, увлеченный расследованием, его коллега может совершить почти невозможное, и надеялся, что утром Влодек даст управлению хоть одну зацепку.

– Пора, – подал голос Давидовский. – Мы сегодня уже больше ничего не сделаем.

– Да, – согласился Глеб. – Слушай... – Он нашел брошенный Завацким листок. – Раз ты такой большой поклонник этой... Пштиль...

– Не я! – обиженно воскликнул Вольшек. – Моя жена...

– Не важно, – отмахнулся Ковальский. – В общем, вот тебе задание: встретить завтра Зузанну Пштиль. Она прибывает в город нынче поздно вечером, и ею будет заниматься лично наш уважаемый шеф. Но утром заскочи за ней в гостиницу «Зеленце». Вот, тут все написано. Возьми казенный самоход. Раз шеф поручил нам развлекать гостью, то мы на всем основании можем использовать имеющиеся ресурсы.

– Ладно, – немного поморщившись, ответил Давидовский, забирая у Ковальского бумажку.

– Сможешь порадовать супругу росчерком писательницы на любимом романчике, – стараясь вдохновить приятеля, напомнил Глеб.

– Да она мне голову чайной ложечкой выест, если узнает! – со вздохом признался Вольшек. – Будет напрашиваться со мной...

Глеб ничего не ответил, прекрасно понимая, что коллега побольше его знает о субординации.

– А что с псиной думаешь делать? – заглянув за стол старшего следователя, уточнил управленец. – Оставишь у жандармов?

Ковальский обернулся, взглянул на спящую на полу собаку и пожал плечами.

– Придумаю что-нибудь, – сказал он.

– Вот оно тебе надо? – покачал головой Вольшек. – Псина же.

Глеб неопределенно пожал плечами, а Давидовский, так и не дождавшись конкретного ответа, вздохнул и покинул помещение. Уже в закутке управленец тихо что-то проворчал себе под нос, застучал дверцами шкафов, а после удалился, тихо прикрыв дверь.

– Ну что, собака, – выждав с минуту, обратился старший следователь к нечаянной находке. – Что с тобой теперь делать?

Животное приподняло голову и наострило уши, будто не просто услышало слова Глеба, но и уловило их смысл. Ковальский усмехнулся и покачал головой.

– Ладно, сейчас узнаем, – сказал он себе и в последний раз осмотрел собранные документы.

Дело пока проясняться не спешило, и тратить нерабочее время на тщетные поиски не стоило. Глеб понимал это и принимал как неизбежный факт. Он жалел погибшего аптекаря, его дочь, куда-то запропастившуюся, но прямо сейчас ни он, ни кто-либо еще не мог никому из них помочь.

– Утро прольет свет, – убежденно сказал Ковальский, поднимаясь из-за стола. – Пойдем, девочка.

Он не особо рассчитывал на успех, но, к немалому изумлению управленца, собака вскочила, стоило Глебу направиться к выходу.

– Отлично, – кивнул он. – Просто отлично. Похоже, ты у нас весьма дрессированное животное.

Стоило взглянуть на собаку, как та мигом посмотрела на него в ответ, и в глазах зверя Ковальский прочел все, что его молчаливая слушательница думала о мужчинах, смеющих обзывать даму в лицо... в морду животным.

– Ладно, не животное, – хмыкнув на собственную разыгравшуюся фантазию, пробормотал следователь. – Но не собакой же тебя называть? Кличка у тебя есть?

Они прошли по коридору мимо давешней рухляди и свернутых ковров к боковому выходу, и уже на улице Ковальский решительно

заявил:

— Еще неизвестно, как скоро найдется твой хозяин, так что надо придумать что-то временное и подходящее. Итак, рейна Собака, какова будет ваша собачья фамилия?

Глава 2

Собачья фамилия

– Вот тут я и живу, – сообщил Ковальский собаке, махнув внушительным свертком на высокий двухэтажный дом из светло-серого кирпича под выгоревшей на солнце рыже-коричневой черепицей. По углу дома змеился плющ, оплетая окно с видом на реку и почти полностью закрывая стену на уровне второго этажа. Каждый год хозяйка плевалась, выдавала Глебу огромные садовые ножницы, предлагая остричь поросль, но следовательно нравилось, как плющ оплетал его длинный балкон с видом на Замостице. Ковальский мог с комфортом наблюдать за прохожими, сидя в плетеном кресле, а его снизу никто не замечал.

Собака и к дому, и к палисаднику отнеслась равнодушно, гораздо больше симпатии проявляя к газетному свертку, в который мясник с шуточками и прибауточками завернул три килограмма отменной свинины.

– Я тоже есть хочу, – поделился Глеб, видя блестящие молящие карие глаза. – Целый день непонятно на чем...

Вынув из кармана ключ и глянув на дверь хозяйки, Ковальский со всей серьезностью заявил:

– Так. Веди себя прилично. Ясно?

Собака слушала удивительно внимательно, чуть склонив голову набок.

– Хракс... Дожили! Я с собакой договариваюсь. Бабкин пудель тоже слушает, а потом мебель грызет.

Собака посмотрела на следователя так, что тот мигом захотел взять и свои слова, и подозрения назад. «Ты оскорбляешь меня в лучших чувствах, – как бы говорил собачий взгляд. – Я тебе не какой-то безмозглый пудель, я собака умная и воспитанная. Настоящая королевская персона среди собак. Такие не грызут мебель, не пачкают ковры, и ты, старший следователь, эти инсинуации оставь!»

– Ладно-ладно, – тут же примирительно проговорил Глеб. – Я тебе поверю. Но хозяйка в этом доме – рейяна строгая. Заселяла она меня

одного, без соседей и питомцев. Так что води себя тихо, не гавкай. А то погонят нас, не посмотрят на чины и звания.

Зверь деликатно промолчал, всем своим видом выражая готовность слушаться за честно разделенное на двоих мясо. Ковальскому и самому хотелось разделить и уже поесть.

– Пожрать, – поправил он сам себя. – Я уже в той стадии, когда хочется не есть, а совершенно точно жрать.

Ключ со щелчком отпер дверь, впуская мужчину и собаку в узкую прихожую. Изначально двери в этой части дома не было, поэтому при перепланировке в две отдельные квартиры вышло множество престранных казусов. Так, прихожая Глеба напоминала больше чулан и коридор для прислуги, чем, в сущности, и была когда-то. Из-за этого любой гость сначала считал, что Ковальский живет в тесной и неудобной квартире. Но за прихожей начиналась просторная гостиная таких размеров, что в ней впору было устраивать литературный салон.

– Правда, гости умерли бы от давки, пытаясь сначала пристроить свои плащи, пальто и шляпы в прихожей, а после – забрать имущество, – хмыкнул следователь себе под нос, коленом подталкивая собаку вперед.

По прихотям планировки из гостиной любой человек мог попасть на кухню. Она притаилась сразу за стенкой, отчего звать гостей опять же выходило несподручно: ароматы завтраков, обедов и ужинов беспрепятственно проникали в гостиную, а стоило хоть раз неудачно поджарить лук или попытаться изобразить что-то похожее на котлеты, как запах на неделю заполнял оба помещения, мешая хоть какому-то культурному общению.

«Что это за вонь?» – спросила последняя Глебова гостья, сидя на диванчике и зажимая нос тонкими пальчиками с блестящими ноготками. Ковальский тогда обиделся и больше девушку в гости не звал.

Не менее смущающим оставался и тот факт, что единственный санузел в квартире располагался на втором этаже, соседствуя с единственной спальней, а попасть на второй этаж можно было только из кухни. В итоге без двусмысленности никак не получалось обойтись, и всю личную жизнь, если таковая возникала, приходилось строить через прогулки и сидение в кафешках.

Казалось бы, в Броцлаве при некотором желании человек с зарплатой управленца из магконтроля мог найти жилье и получше, но Глеб, думая об этом, приходил к выводу, что не хочет ничего менять.

Ему нравился его коридор, по которому осенью и зимой следователь пробирался боком из-за обилия вещей на вешалках и полках. Гостиная, обклеенная светлыми ситцевыми обоями и обставленная мягкой мебелью из нескольких гарнитуров разной степени потертости. Кухня, где то и дело приходилось воевать с форточкой, норовившей распахнуться и поведать всем прохожим, какие гастрономические изыски задумал маг для своего желудка на этот раз. Спальня, идеально подходящая для долгого и уютного сна вдвоем, перемежающегося томными поцелуями и чем-нибудь посерьезнее, но пока видевшая только падающее от усталости тело в единственном экземпляре. Ванная комната с огромной чугунной ванной бледно-желтого колера прямо по центру и сразу тремя видами плитки на полу и стенах. И балкон с плющом. Балкон Глебу нравился особенно сильно.

– Сидеть, – велел рейян и погрозил собаке пальцем. – Веди себя прилично.

Животное, немного склонив голову набок, внимательно уставилось на указательный палец. Глеб еще раз повторил жест, а потом, сунув мясо в холодильный шкаф, направился на второй этаж.

– Я скоро вернусь, – уже с лестницы сказал Ковальский. – Не изгрызи тут всю мебель!

* * *

«За кого он меня принимает?» – мысленно фыркнула я, глядя вслед мужчине. И тут же осознала, что Глеб Ковальский видит ровно то, что есть, – крупную псину с острыми клыками.

Немного потоптавшись на месте, я села и осмотрелась. Пусть я никогда не была в шкуре зверя, но, оказавшись в ней, за один день приноровилась к облику. Вот и теперь я довольно спокойно озиралась, исследуя владения следователя. И меня совершенно не волновал ракурс, хотя мои глаза были значительно ниже привычного уровня.

Дом мне понравился с первой же секунды. Палисадник радовал глаз солидными кустиками шиповника, дикой розы и пионов. По стене вился плющ, частично закрывая окно на первом этаже и основательно оплетая перила балкона. Внутри дом совсем не походил на квартиру следователя магконтроля, но совершенно все предметы и мебель были покрыты едва уловимым ароматом мяты и жимолости – ароматом одеколона Ковальского. И никаких подозрительных посторонних запахов.

Глеб Ковальский жил один. И не водил к себе гостей.

Это наблюдение я смело засчитала положительной новостью. Мне ко всем неприятностям не хватало только неловких ситуаций!

Сверху донесся приглушенный шум воды. Следовательно, похоже, вознамерился принять душ. От одной мысли у меня зачесалось все тело, а от мыслей о горячей воде и пышной пене по спине прошла дрожь.

«Так, возьми себя в руки, Клара! В лапы!» – велела себе.

Выдавать мне себя нельзя. Хотя бы до тех пор, пока не узнаю, чем мне может грозить разоблачение. И пока не разберусь, что вообще со мной произошло.

Честно говоря, я продолжала надеяться, что каким-нибудь волшебным образом снова стану человеком и смогу скрыть от окружающих свое недолгое пребывание в собачьем облике. Выходит, нужно держаться поближе к работникам правопорядка, следить за следствием по отцовскому делу и не привлекать излишнего внимания.

Когда шум воды стал сильнее, я поднялась и направилась к лестнице на второй этаж. Что-то внутри толкало осмотреть и остальную часть квартиры Ковальского. Я не знала, что побуждало меня это сделать, но решила, что звериный инстинкт.

Лестница скрипнула на четвертой ступеньке, и я сделала мысленную пометку. Площадка и коридор на втором этаже отсутствовали, любой сразу попадал в просторную спальню с тремя окнами.

Рейян Ковальский и на втором этаже не стал ничего менять, оставив на месте хозяйскую мебель. Даже обои не переклеил. И я невольно хмыкнула, очутившись в довольно фривольной комнате с выгоревшими алыми обоями в тонкую полоску, с огромной старинной кроватью под темно-зеленым бархатным балдахином и кучей пузатой

тонконогой мебели из прошлого или позапрошлого века. Спальня походила на будуар стареющей театральной дивы: высокие зеркала в трюмо, массивный шкаф с крылатыми пухлыми малышами на фронте, пуфики, этажерка, где положено хранить коллекцию фарфоровых фигурок, диванчик с парой круглых подушек. Даже шторы на окнах бархатные, подхваченные шнурами, украшенные бахромой и кистями. Но вся эта мебель и все вещи были старыми, пережившими множество хозяев. А разбросанная мужская одежда, книги и документы лишь усугубляли впечатление, добавляя спальне гротеска.

Но и здесь я не ощутила посторонних запахов. Лишь с десятков раз громко чихнула от пыли. А расчихавшись, едва не пропустила момент, когда Ковальский выключил воду.

«Уноси ноги!» – пронеслась в голове запоздалая мысль, когда скрипнули петли тонкой белой двери. Подскочив как ужаленная, я заметалась по комнате, взбив вытертый красный ковер, а потом ринулась к лестнице, врезаясь в стулья и пуфики. Под лапу попало что-то мягкое, холодное и липкое. От неожиданности я взвилась до потолка, сдавленно голоса, шлепнулась на верхнюю ступеньку лестницы и испуганно покосилась на пугающее нечто.

– Хракс! Что происходит? – рявкнул Ковальский, показываясь на пороге ванной комнаты.

Я моргнула. И моргнула еще раз. Разум работал как-то странно. Сначала я тупо уставилась на выглядывающий из-под кресла полупустой мешок пылесоса из плотной блестящей материи, а потом – на голые ноги мага.

Вякнув, я дернулась назад и ухнула с лестницы.

– Собака! – воскликнул мужчина, кинувшись следом.

Я же, не пытаясь затормозить, пересчитала боками, животом и всеми конечностями ступеньки и соскользнула на плиточный пол в кухне.

– Эй! Собака! Ты жива? – раздалось над головой.

Все еще слабо соображая и еще не чувствуя боли, я обернулась к следователю, отстраненно констатируя, что ноги на самом деле голые. Как и торс. Внушительный и мускулистый. А все остальное едва-едва прикрыто полосатым полотенчиком, которое Глеб Ковальский придерживал одной рукой.

«Клара! Закрой глаза! Закрой глаза немедленно!» – взвыла я про себя, но продолжила смотреть.

– Эй? – позвал рейян, присаживаясь рядом на корточки. – Эй?

В нос ударил сильный аромат жимолости и чего-то еще... что-то древесное... еловое...

– Эй! – снова позвал Ковальский и с опаской протянул ко мне руку. – Собака? Чтоб тебя! Без клички трудно. Я буду звать тебя Клара! Вот. Клара, ты в порядке? Эй, собака?

Что?

Тирада следователя вернула меня в реальность. Вздвогнув, я усталилась на Глеба Ковальского, не обращая внимания на то, как он осторожно гладит меня по голове и ощупывает лапы.

– Вроде цела, – констатировал мужчина. – Эй?

«Он ничего не понял? Не догадался, а просто решил назвать собаку... Кларой?» – медленно соображая, поняла я.

Глянув в глаза рейяну, я склонила голову и тут же мысленно дернулась, обнаружив под носом мускулистое бедро и край полотенчика. Мигом задрал голову, я попятилась, скользя задом по черно-белой плитке.

Где-то в отдалении раздался мелодичный перезвон, похожий на птичьи трели, и теперь дернулся уже следователь. Оглянувшись, он вскочил и пробурчал себе под нос:

– Кого еще принесло?

Открывать гостям в одном полотенце не принято, а потому Глеб ринулся наверх.

Незванный гость оказался удивительно настойчивым и трезвонил все то время, что рейян с руганью и шумом пребывал на втором этаже. Я же открыла свой удивительно хороший слух: при желании могла разобрать каждое слово Ковальского и скрип песочка под подошвами человека за дверью.

«Интересно, – принялась размышлять я. – И прежде ведь неплохо слышала. И запахи различала...»

Отец много раз повторял, что у меня невероятный талант. Постоянно хвалился посетителям, что у него дочь прирожденный лекарь: я без труда могла разобрать любое лекарство, сделанное вручную и без магии, на составляющие по запаху. При желании даже воспроизвела бы каждое из них. Правда... вряд ли бы точно угадала

пропорции. Но не в этом суть! У меня всегда был очень чуткий нюх. И слух. А теперь в моменты стресса я, похоже, могла услышать даже шорох на довольно большом расстоянии!

– Сиди тут и не высовывайся, – велел следователь, спустившись вниз. Вместо костюма он облачился в штаны из плотной светло-синей ткани, какие часто носили рабочие и разносчики, и свободный бежевый джемпер. Я против воли засмотрелась на плечи Ковальского в этом самом джемпере. Помнила, что они широкие и... вообще... невероятно рельефные, будто из очередной истории Зузанны Пштиль, но в облегающей светлой шерсти торс мужчины смотрелся даже лучше.

«Спрятать и никому не показывать!» – констатировала я. И тут же забеспокоилась: а если сейчас к Ковальскому ломится не кто-то посторонний, а его тайная возлюбленная? Именно тайная – ведь я не учуяла в доме даже намека на что-то женское.

Мое беспокойство развеялось через минуту, когда отличный слух позволил услышать разговор у двери.

– Рейян Ковальский!.. – начала незнакомая мне женщина.

– Добрый вечер, рейяна Квашневич, – переводя дух, перебил ее следователь. – Что-то случилось?

С секунду слышалось лишь какое-то невразумительное мычание, а потом рейяна хмуро выдохнула:

– Это я у вас должна спросить! Что тут происходит? Что за шум?

Да... Явно не возлюбленная.

– Вы о чем? – как можно более нейтрально уточнил Глеб Ковальский.

В этот момент я представила всю сцену, словно смотрела ее со стороны. На крыльце недовольно переминалась и чуть подпрыгивала невысокая женщина в аккуратном платье яркой расцветки. Почему-то именно такой я ее увидела. Невысокой, пухленькой. В ярком платье, в кофточке с мелкими пуговками-жемчужинками. Я даже решила, что эта рейяна Квашневич – крашеная блондинка с искусственными кудряшками, перетянутыми лентой. Стоя на крыльце, женщина в моем воображении пыталась или заглянуть внутрь, или ворваться в дом, а Ковальский мужественно заслонил проем своей широкой грудью. И на эту самую грудь блондинка каждую секунду таранилась,

безуспешно сопротивляясь чисто мужской харизме старшего следователя.

Фыркнув себе под нос, я вернулась к подслушиванию.

– Я о том, что в моем доме не настолько толстые стены, чтобы заглушить совершенно все звуки, уважаемый рейян Ковальский, – решительно заявила, как теперь стало ясно, владелица здания. – Если помните, я сдавала вам эту половину дома при условии, что вы не станете заводить домашних питомцев.

Сказано это было мрачно и с вызовом. А еще так, что я, будучи женщиной, мигом уловила по тону, что под питомцами рейяна Квашневич подразумевала не только животных, но и возлюбленных. Похоже, у хозяйки были виды на следователя, и если сопротивление со стороны Глеба рейяна еще могла пережить, то присутствие на своей территории соперницы – нет.

– Не понимаю, что вы имеете в виду, рейяна Квашневич, – ответил мужчина, и я позавидовала его умению играть голосом. Он говорил так спокойно и уверенно, что даже я ни за что не поверила бы в ложь следователя, хотя собственной пушистой попой восседала посреди его кухни.

– Я слышала шум и собачий лай! – воскликнула женщина. – Весь квартал, похоже, слышал! А вы отпираетесь, Глеб?

Я невольно снова фыркнула. В голосе рейяны чувствовалось такое явное осуждение, будто она слышала за стенкой звуки бурной и продолжительной страсти.

– Не знаю. Вам показалось, – упорствовал следователь.

– Я уверена! И я не позволю...

Раздались скрип и пыхтение. Похоже, рейяна вознамерилась прорваться и осмотреть дом.

Осмотреть дом!

Я заметалась, ища укромное местечко и осознавая, что квартира Ковальского обставлена совершенно никудышной мебелью, а я – большая и длинноногая в этой ипостаси.

Глава 3

Кухонный демон

– Рейяна Квашневич! – выдохнул Глеб, но было уже поздно, хозяйка каким-то волшебным образом проскочила мимо следователя в узкой прихожей и ринулась по коридору. – Это не очень вежливо!..

Домовладелица предпочла не услышать как увещевания, так и приглушенную ругань Ковальского. Закрыв дверь, Глеб поспешил за женщиной, заранее морщась от предчувствия сцены по поводу собаки в квартире.

Когда рейян вбежал в гостиную, Злата Квашневич уже рыскала по углам, заглядывая под диваны, кресла и столики. Следователь и сам осмотрелся, пытаясь определить, куда делось животное.

Не обнаружив псину в гостиной, Ковальский стал бочком продвигаться к кухне, но этот маневр не остался незамеченным: обшарив темные углы, хозяйка метнулась туда же.

Увидев пустой закуток, Глеб невольно выдохнул, но тут же мысленно выругался, заметив приоткрытую дверцу одного из нижних шкафчиков. Это была тумба под мойкой, где у следователя хранилось разве что ведро и тряпка, там не могла поместиться крупная чернорыжая собака, но рейян точно помнил, что дверцы всех шкафчиков были захлопнуты.

– Ага! – воскликнула домовладелица и потянула на себя неплотно прикрытую дверцу.

– Рейяна... – начал было Глеб, надеясь отвлечь женщину, но она вновь его проигнорировала и наклонилась. Ковальский подался вперед, из-за плеча Златы Квашневич заглядывая в шкафчик.

– Мамочки! – взвизгнула женщина, отшатнулась и плюхнулась на пятую точку. – А-а-а! Демон!

Глеб удивленно покосился на рейяну. Он сам проверял заряд артефактов перед отъездом и знал, что все защитные и бытовые приспособления работают исправно. Придержав женщину за плечо, следователь заглянул под раковину. И вздрогнул, когда из темноты на него уставились круглые золотисто-карие глаза. От раздавшегося вслед тихого рыка даже опытному магу стало не по себе, но Глеб сдержался

и не активировал простейшую ловчую сеть. Он сглотнул и медленно толкнул дверцу, позволяя той с тихим щелчком встать на место.

– Демон! Демон! – причитала рейяна Квашневич, продолжая отползать в сторону гостиной. Подол ее желтого платья собирал пыль, каблучки модных светлых туфель с перемычкой скрипели каблуками по плитке.

– Рейяна Квашневич... – позвал Глеб. – Успокойтесь.

– Демон! – заголосила домовладелица пуще прежнего и завалилась на бок.

– Хракс! – в сердцах рывкнул Глеб и шагнул к женщине. – Этого еще не хватало.

* * *

Я почти не ошиблась. Рейяна Квашневич оказалась невысокой блондинкой в ярко-желтом платье. На вид ей было ближе к сорока, чем к тридцати, но женщина тщательно маскировала возраст косметикой. Правда, пудра не смогла скрыть излишне яркий нервный румянец, а цвет помады спорил как с цветом волос, так и с цветом кожи. Тем не менее это была миловидная молодая женщина... до того, как рассмотрела меня во тьме под раковиной.

«А нечего врываться без приглашения!» – хотелось заявить мне, но из горла вырвался лишь злой рык.

Раскрыв рот и выпучив глаза, рейяна заорала и отшатнулась. На секунду вид мне заслонил Ковальский, попытавшийся закрыть дверцу, а потом я с удовольствием наблюдала, как блондинка испуганно сучит ногами и пытается отползти. Жалости к ней у меня не возникло.

– Демон! Демон! – рыдала домовладелица, пока не рухнула в обморок. На ее и наше счастье, отключилась она уже на полу, без риска занять синяки и ушибы на память о злослучии.

Следователь ругнулся, поморщился, пару секунд постоял над рейяной, а потом подхватил на руки и потащил в гостиную.

«А я что? Я ничего!» – заверила себя, выбираясь из шкафа, и, двигаясь как можно тише, рванула к лестнице. И уже с верхних ступенек, из безопасного укрытия в тени наблюдала за тем, как Ковальский с руганью рылся в ящиках на кухне в поисках лекарств.

– Нюхательных солей нет... – бормотал он себе под нос, вороша содержимое стандартного набора. Отец продавал такие десятками в нашей аптеке. – Уксусного коробка тоже нет. Хракс!

Так и не найдя чего-нибудь подходящего, следовательно активировал плитку и поставил греться чайник.

«Вот... Так мы еще не скоро поедем», – расстроилась я, видя, как мужчина достает из шкафчика чашки, чайничек для заварки, жестянку с чаем, сахарницу, приборы. Посомневавшись, он извлек из шкафчика пузатенькую керамическую бутылку, из которой после плеснул изрядное количество в готовый чай.

* * *

– Рейяна... Рейяна Квашневич. – Поставив чашку на столик, Глеб склонился над домовладелицей и легонько потряс ее за плечо. – Рейяна.

Женщина слабо всхлипнула, дернулась и открыла глаза.

– Демон, – простонала она и судорожно вцепилась в руку Ковальского. – Демон!

– Рейяна Квашневич, вам почудилось, – успокаивающе улыбнувшись, пробормотал следователь. – Нет никакого демона.

– Почудилось? – переспросила женщина и часто-часто заморгала. – Не может быть!

Не замечая возгласов Глеба, домовладелица с удивительной прытью соскочила с дивана и снова поспешила на кухню. Там она извлекла из-под лестницы швабру и с ней наперевес ринулась шуровать под раковиной.

– Рейяна! – рявкнул Глеб, морщась от звона ведра и стука палки по трубам. – Что вы делаете?

Женщина замерла, нервно обернулась к следователю, а потом склонилась и внимательно осмотрела содержимое шкафчика. Немного помятое ведро валялось на боку, тряпка поверженно распласталась по полу, а пол оказался усыпан хлопьями краски, осыпавшейся с трубы.

– Там был демон, – уверенно заявила рейяна Квашневич и поджала губы.

Несколько секунд Глеб молчал, а потом хмуро велел:

– Оставьте в покое швабру. Нет здесь демонов. И не было. И что вы вообще себе позволяете?!

«Есть хочется! – подумал он зло. – И покоя! А не вот этого всего!»

– Глеб, вы... – выдохнула домовладелица, таращась на мрачающего Ковальского. – Вы...

– Идите в гостиную, – не терпящим возражений тоном велел следователь. – У вас был обморок. Стоит посидеть и успокоиться. А вы чем занимаетесь, рейяна Квашневич?

В другое время он сдержался бы, но день выдался тяжелым. И следователь совершенно не расстроился, когда личико рейяны вытянулось от удивления.

– Глеб... – промямлила Злата Квашневич. – Вы никогда прежде так со мной не разговаривали.

Ковальский хмуро указал подбородком на дверной проем, не испытывая и тени раскаяния.

– Рейян Ковальский, – сделала еще одну попытку женщина, но следователь был неумолим. Под его тяжелым взглядом она вернула швабру на место и вышла из кухни.

В гостиной домовладелица опустила на диван и безропотно приняла из рук мужчины чашку. Принюхалась и подняла на Глеба взгляд.

– Пейте, – не терпящим возражений тоном велел следователь. – Ну же, рейяна Квашневич.

Женщина всхлипнула, кивнула и пригубила чай, почти в половину разбавленный крепкой лиенской настойкой. Горло обожгло, но жар и привкус алкоголя тут же сменились холодком мяты. Злата Квашневич чуть расслабилась и задышала приоткрытым ртом.

– Итак... – дождавшись момента, когда рейяна ополовинила чашку, начал Глеб Ковальский. – Думаю, вам следует объясниться.

– Что? – мигом выпрямилась домовладелица. – Что?!

– Вы ворвались ко мне в довольно позднее время, наделали шуму по выдуманному поводу...

Злата попыталась протестовать, но следователь поднял руку, прерывая поток слов, и строго взглянул на женщину.

– Именно по выдуманному. Тут нет ни животных, ни демонов.

«Интересно, куда делась псина?» – подумал Глеб, понадеявшись, что та не явится пред светлые очи домовладелицы прямо посреди его

речи. Иначе выйдет неловко.

– Но...

– Нет здесь ничего такого, – оборвал Ковальский. – И в любом случае... Я снимаю у вас половину дома, рейяна Квашневич. Снимаю за свои деньги, плачу вовремя и даже сверх того. И что получаю взамен? Вы врываетесь ко мне без предупреждения, шумите, устраиваете форменный бардак! Я многое могу снести, но не что-то подобное, – произнес он решительно. – Это выходит за любые рамки.

– Глеб, вы... – проямлила рейяна Квашневич.

– Вы помните, где я работаю и кем? – спросил мужчина. – Пусть и магическое, но наше ведомство следит за соблюдением правопорядка в Броцлаве. А вы этот порядок нарушаете.

Злата Квашневич выпучила на Ковальского глаза и стала хватать ртом воздух. С толикой злости уже на себя следователь поднялся и отошел к окну, не желая смотреть на домовладелицу.

– Это уже не первый случай, когда вы переходите границы частной жизни, – напомнил он, услышав неразборчивое бормотание. – А сегодня... Это было выше моих сил!

– Что вы хотите этим сказать? – затравленно прошептала рейяна.

– Я хочу сказать, что никакое соглашение по сдаче жилплощади в наем не допускает столь... безобразного поведения с вашей стороны, – сообщил Ковальский и услышал, как женщина разрыдалась.

– Глеб, вы... вы так жестоки... Неужели?.. Неужели... – между всхлипами пробормотала Злата Квашневич, обращаясь к спине следователя.

– Что? – обернувшись, спросил он.

– Неужели вы не понимаете? – простонала она, поднялась и бросилась на шею Ковальскому. – Неужели вы не видите? Не чувствуете, как измучили меня?

* * *

«Сцена «Бесчувственный болван и трепетная вдовушка»! – констатировала я, наблюдая из-за косяка. – Или она не вдовушка? Ах, не важно! Не в силах что-либо объяснить, она бросается ему на грудь! Их сердца бьются в унисон. И он наконец все понимает...»

В когда-то читанном мною романе тоже была одна влюбленная и ревнивая рейна, долго и безрезультатно вздыхавшая по одному рейяну из заезжих. Рейян гулял, вел беседы как с героиней, так и с другими людьми. Рейна страдала, томила, даже решилась написать письмо...

«Или это было в другом романе? – мысленно нахмурилась я. – А в том... В том романе...»

В том романе герой долго не знал, не замечал, а героиня каких только странностей не творила, то ли желая показать свои чувства, то ли скрыть их. И волосы соперницам рвала, и цветы топтала, и напилась пару раз, чтобы оправдать падение на руки герою. Ах, какая книжка! Я ее раза три перечитала!

Рейяна Квашневич то ли читала заветный томик, то ли штудировала нечто похожее, но бросок был совершен мастерски. Следователь не успел ни отступить, ни заслониться креслом. Повиснув у мужчины на шее, Злата Квашневич старательно затрепетала, прогнулась, чтобы взгляд из-под ресниц вышел как по учебнику, и призывно вытянула губы трубочкой. Бесчувственный болван Ковальский о невероятном романе явно ничего не знал, книжную сцену в глаза не видел, а потому застыл и озадаченно уставился на рейяну.

«Ну прямо кино! – хмыкнула я про себя, продолжая наблюдать. – Немая сцена!»

Сцена была более чем немая. Ковальский удивленно таращился, рейяна томно прикрыла веки, ожидая сметающей все на своем пути страсти.

– Что вы делаете? – спустя несколько секунд спросил следователь, и я мысленно посочувствовала рейяне Квашневич: в тоне мужчины не было и тени взаимности.

Домовладелица еще мгновение чего-то ждала, я с содроганием представила, как блондинка выдаст книжную фразочку про лобзание, пучину и жаркую негу, и прониклась сочувствием уже к Глебу Ковальскому, но рейяна Квашневич отмерла, заморгала и молча отлипла от мужской груди.

«Это вам не роман Зузанны Пштиль, где мужчины толпой бросаются к ногам героини», – подумала я и отступила, боясь, что кто-то из людей меня заметит.

– Рейяна Квашневич, – строгим официальным тоном произнес следователь, – вы ведете себя недопустимо.

– Я... – пробормотала рейяна. – Я думала... Разве?..

– Присядьте, – велел Ковальский. – И послушайте.

Я услышала скрип пружин и звон фарфора: женщина судорожно глотнула чаю, опустившись в кресло.

– Не знаю, что вы себе придумали, но это лишь ваши фантазии, которые я со своей стороны никак не поощрял, – решив не ходить вокруг да около, сказал старший следователь. – Я никогда не давал вам повода думать обо мне в этом направлении. И никогда не испытывал к вам... подобных симпатий.

– Но вы ведь и... – пробормотала рейяна Квашневич. – Вы ведь вообще... Ни с кем.

Я никогда не была большим любителем собирать сплетни, но от меня это и не требовалось. Аптека отца сама по себе представляла точку, куда тем или иным способом стекались все слухи города. И я при всем желании не смогла бы от них отгородиться. Хоть и пыталась. О Ковальском в аптеке сплетничали, но довольно редко. Он просто не давал повода о себе говорить каждый день. И я не могла вспомнить, чтобы кумушки обсуждали личную жизнь рейяна.

«Может, он того... – задумалась я, посматривая из-за угла. – По иному ведомству?»

Глядя на широкие плечи, волосы с медным отливом и решительное лицо, я понадеялась на обратное. Красавец ведь. Понятно, что привлекло рейяну Квашневич. Она, правда, на его фоне выглядела бледновато. Модный в наших краях цвет волос домовладелицу совсем не красил, делая ее похожей на большую моль.

– Рейяна Квашневич, моя личная жизнь вас не касается, – заявил следователь. – И уж тем более...

– Но я вас люблю! – со всхлипом воскликнула женщина. – Разве... Разве вы не знали?

Выглянув из-за угла, я поняла, что ничего старший следователь магконтроля не знал, даже не догадывался.

«Что ж это вы, рейян Ковальский», – хмыкнула я мысленно и покачала головой.

– Нет, – сухо ответил Глеб. Он остался стоять у окна, из-за потолочных светильников взгляд его казался более мрачным, чем на

самом деле. — Я не знал.

Рейяна вновь всхлипнула, вытащила из кармашка платок и прижала его к глазам. Стоило уйти и не наблюдать сцену дальше. Ничего в таких разговорах интересного нет. Они скучны для постороннего зрителя, унизительны для участников. Вряд ли рейяне и рейяну будет приятно, если они узнают, что их разговор подслушивали.

— И вы... вы так просто об этом говорите? — пробормотала Злата Квашневич. Я проскользнула к лестнице и устроилась на ступеньках так, чтобы едва различать фразы, а при первой опасности скрыться на втором этаже. — У вас совсем нет сердца? Вы жестоки!

— Мне жаль, но я не могу вас утешать, — по-прежнему сухо и довольно угрюмо отметил следователь. — Более того... не хочу. Я не давал вам повода. И если вы себе что-то придумали, то это только ваша беда. Я не должен брать на себя ответственность.

Рейяна Квашневич ответила очередным всхлипом и спросила:

— Но неужели?.. Неужели вы даже сейчас, зная обо всем, не можете хотя бы попытаться принять мои чувства?

— Нет, — не раздумывая ответил Глеб Ковальский. — Я ничего к вам не испытываю. Будет нечестно, если вы продолжите обманываться.

— Но вы могли бы хотя бы попытаться! — выдохнула домовладелица. — Вы ни с кем не связаны отношениями или обязательствами. Вы свободны, я свободна...

— Нет, — оборвал женщину Ковальский.

— Но почему?

— Вы на самом деле желаете знать? — удивился следователь.

— Да.

На несколько мгновений повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь отдаленным тиканьем часов, но этот звук слышала только я.

— Если бы что-то подобное озвучил другой человек... — глухо произнес Глеб Ковальский, в его тоне слышалась странная обреченность и даже боль.

— Кто? — в напряжении спросила рейяна Квашневич.

— Клара Новак, — упали в тишине слова, и я порадовалась, что сижу.

Глава 4

Разговор человека с собакой

От греха подальше я улепетнула на второй этаж, где и схоронилась под кроватью, надежно прикрыв уши лапами. Очень хотелось выть, чтобы заглушить дальнейший разговор, но я остереглась вытворять подобное.

– Думаю, мне стоит поискать другое жилье, – кисло озвучил Глеб. Даже наверху я отчетливо слышала его слова. – Так будет лучше.

«Хракс! – искренне подумала я. – Вот дела!»

Кто бы мог подумать что-то подобное? Точно не я.

И когда все случилось? Давно?

Пытаясь не вслушиваться в разговор, я сосредоточилась на поиске ответов. Но выходило плохо. Я ведь и отцовские отношения заметила только потому, что они происходили у меня под носом. Где уж мне рассмотреть, если кто-то неровно дышал в мою сторону?!

«А ведь красавец, – пришла внезапная мысль. – Внимание такого рейяна определенно льстит!»

Пусть меня и переполняли растерянность и недоумение, но вскоре к ним присоединилось ощущение радости, пусть и приправленное горечью.

О чем я думаю? Какое мне дело до чувств следователя? Может, он просто так ляпнул!

«Он решил собаку назвать Кларой, бестолковая, – голосом отца напомнил внутренний голос. – Как еще ты можешь трактовать слова Ковальского?»

Плотнее прижав лапы к ушам, я засопела и велела себе: «Клара, давай будем последовательными. Сердечко стучит, конечно, но прямо сейчас не время получать удовольствие от услышанного. Тебя должно волновать совсем не это!»

Да, верно. Важнее всего сейчас поиски Кшиштофа. И то, что я нахожусь в облике собаки. Но по какой-то причине никак не удавалось вернуться к переживаниям, будто мой разум решил заморозить горе и всячески пихал вперед пустые и не столь важные сейчас мысли.

– Собака? – раздалось внезапно совсем близко. – Ты где?

Оказалось, я так увлеклась самоедством, что пропустила финал разговора и выпроваживание домовладелицы.

– Идем, – позвал мужчина. – Есть хочется просто зверски! Ко мне, девочка!

Проигнорировав его команды, я гордо выбралась из-под кровати и уставилась на следователя. Опечаленным он не выглядел. Только осунувшимся после целого дня работы и самую малость злым. Очень захотелось спросить, что же его так разозлило.

– Что смотришь? – со вздохом спросил Глеб. – Идем.

Я потрусилась за следователем к лестнице и уже на последних ступеньках услышала ответ на вопрос, который не задавала. Видимо, мужчине и самому хотелось высказаться.

– Я жил тут больше семи лет. Не самая удобная квартира, но близко к жандармерии и хорошие лавки вокруг. Давно стоило поискать что-то другое, – сказал Ковальский, вытаскивая из шкафчиков посуду, овощи, приправы, а из холодильного шкафа – мясо и что-то еще, завернутое в плотную серую бумагу.

«Бекон, – поняла я, потянув носом. – Вкусно! Ох, надеюсь, он не решит, что мне нужно дать сырое мясо. Я ж не смогу это проглотить!»

Продолжая говорить, Глеб достал длинный нож, доску и принялся ожесточенно нарезать продукты.

– У меня нет на это времени! – сообщил он, обращаясь к шкафчикам. – Нужно расследовать убийство, найти преступника, твоего хозяина, избавиться от этой... Пштиль! Принесла ее нелегкая! А теперь еще заниматься поисками жилья. – Ковальский вздохнул. – Да в Броцлаве найти квартиру сложнее, чем увидеть снег летом! Вот где мне ее искать? В Зеленице я не потяну, даже если упрошу отца отправить мне денег. Здесь, на этом берегу, нет даже свободных комнат, не то что квартир или домов. В Ельнице? Это ж у демона на рогах! Даже по меркам Броцлава. Хракс...

Продолжая ворчать и жаловаться, следователь споро нарубил капусту, лук, чеснок, томаты, грибы, порезал на кусочки свинину и бекон, явно не планируя готовить мне что-то отдельно или отдать часть мяса в сыром виде.

«Слишком задумался и забыл? – понадеялась я. – О! Прекрасно!»

Лишь на стадии обжарки на огромной сковородке мяса с луком Ковальский опомнился и глянул на меня. Я, лежа на полу у стеночки,

состроила самый невинный в данных обстоятельствах вид.

– Если не будешь есть то, что готовлю, то не будешь вообще, – с секунду потаращившись на меня, решительно известил рейян.

Возблагодарив неизвестные силы, которые ниспослали мне следователя, а с ним кров и еду, я затаилась, боясь даже дышать. Когда мужчина готовит ужин, очень важно не спугнуть этот величественный и прекрасный момент!

* * *

День выдался не по-осеннему теплый. Солнце грело щеку, забралось жаркой кошкой под плед, уберегая от прохладного ветра ноги в тонких хлопковых чулках. Трава уже пожелтела, кое-где виднелись лужи, но у самого берега, нависшего над рекой со стороны Темного Гая, можно было устроиться на охапке сухих листьев, прикрыв их непромокающей подстилкой. Тишину старого мрачного леса, восставшего из пепла осинами, белоствольными березами, липами и ивовыми зарослями по берегу, нарушала лишь птичья перекличка. Далеко, где-то в Зеленице, громко посвистывали чижи, сбившиеся к зиме в большую стаю, среди сосен что-то недовольное попискивал клест, а парочка нахальных соек сообщала о своем присутствии то в одной части леса, то в другой. В центре клетчатой подстилки чинно высилась собранная отцом корзина. Так и тянуло сунуть нос под салфетку, откуда вкусно пахло чаем с бергамотом, тонко нарезанным лимоном, апельсиново-имбирным джемом, свежими булочками, маслом и сыром.

– Сейчас все будет, – улыбнулся отец, раскладывая вокруг корзины белые салфетки с вышитым краем и расставляя высокие походные кружки. Он привез их откуда-то. Чуть помятые, с въевшейся в царапины копотью, неприглядные и старомодные, эти чашки всегда сопровождали нас в таких вот пикниках, когда очень хотелось или встретить весну среди первой сочной зелени, или провести длинный летний день на природе, или поймать последние лучи тепла в уходящем году.

– Тут сыро, – привычно скривилась мама и дернула ногой в изящной темно-фиолетовой туфельке.

Специально для нее отец принес на эту сторону Больша-Бялы складной шезлонг, новенький, чистый, купленный в Лиене, к которому мама питала нежную привязанность. Этот город, солнечный, яркий, похожий на парус, мама вспоминала всякий раз, стоило в Броцлаве упасть хоть капле дождя.

– Вовсе нет, – примирительно улыбнулся отец. – Солнышко греет. Кларка, не спеши! Сейчас все достану.

Даже прикрикнув на меня, отец тем не менее вытащил из корзины банку с джемом, к которой я тянула руку, отвинтил крышку и выставил передо мной на плед, выдав ложку с длинным черенком. Мама фыркнула, увидев все это, и выше надвинула темные очки в роговой оправе. Из-за крупных голубых стеклышек она стала напоминать сонную и недовольную осеннюю муху, и я невольно прыснула в кулак.

– Мне нужно поговорить с тобой, Казик, – прикрыв глаза и откинув голову назад, вальяжно произнесла мама.

– О чем? – с мягкой улыбкой спросил отец, намазывая разрезанные булочки маслом.

– Я думала отложить этот разговор на потом, но разве удастся отвлечь тебя от аптеки? – со вздохом упрекнула рейяна Новак.

Я в секунду вся перепачкалась в джеме, и отец расхохотался, обнаружив следы на щеках, лбу и носу. Видя, что супруг отнесся к ее словам без должного внимания, мама громко воскликнула:

– Казимир! Послушай меня!

– Я тебя слушаю, – успокоил ее отец, под мое хихиканье вытирая мне лицо. – Что ты хотела сказать?

– Я устала от такой жизни, – с трагичными нотками в голосе изрекла мама. – И от этого города. Я устала от Броцлава. От здешних людей. От всего этого болота, в котором ты вынуждаешь меня оставаться. Эта сырость, эта река, эти холмы и скалы!

– О чем ты, милая?

– Я о том, что не могу больше здесь жить, – сказала мама и топнула ножкой. Мы с отцом, сидевшие на подстилке, воззрились на нее снизу вверх в полнейшем недоумении.

О чем она? Разве можно не любить Броцлав?

Стоп! Этот разговор произошел давно. Я была еще ребенком...

Стоило моргнуть – и налетел ветер, вздувая и подстилку, и плед у меня на коленях, и яркое желтое мамино платье. Небо в секунду

заволокло серыми тучами, тяжелыми и ноздреватыми, запахло озоном, влажной горечью опавших листьев и стоячей водой.

– Мама? – позвала я, пытаюсь стряхнуть плед, заслонивший мне обзор. – Мама!

Ее не было. Как не было подстилки, корзинки и кружек. Солнечного дня и охапки сухих листьев на берегу спокойно текущей на юго-запад реки.

– Папа? – обернулась я к отцу.

– Тебе нужно бежать, – вымолвил Казимир Новак сереющими губами. Серость болезнью расползалась по его коже. Выцвело лицо, шея, газетными чернилами взвились на ветру прежде темно-каштановые волосы. Последними померкли глаза. Потухли, как свет в окнах.

Я вскочила и отшатнулась. Плед слетел на землю и осыпался прахом.

– Беги! – крикнул отец, рассыпаясь мелкой пылью вместе с лесом, травой и рекой.

Пространство сузилось, превратившись в крошечный клочок земли под ногами. Сглотнув, я отступила и устремилась прочь. Крик гнал меня все быстрее и быстрее, пока я против воли не опустилась на четвереньки, словно так могла быть проворнее.

– Скорее! Беги!

Я тяжело дышала и тихо скулила от боли в груди. Убежать не выходило. Ничего не менялось вокруг, лишь тьма сгущалась, обещая проглотить меня.

– Клара! – услышала я крик и сделала то единственное, что могло меня уберечь: укусила того, кто попытался схватить.

* * *

– Чтоб тебя!.. Хракс!

Глеб отдернул руку и зашипел от боли. Ладонь обдало жаром, из ранок на ковер заструилась кровь. Да так обильно, будто псина его не куснула разок, а по локоть руку отхватила.

– Р-р-р! – не хуже какого-то пса выдохнул Ковальский, вскочил и ринулся на кухню, рассыпая за собой кровавый дождь. – Этого только

не хватало!

Тянуло пнуть косяк, но следователь резонно побоялся в довершение неудачного дня еще и ногу сломать. С его удачей станется!

– Клара! Собака, проснись! Всех перебудишь! – обернувшись, крикнул мужчина и крутанул вентиль. Вода шумно обрушилась на рану, причиняя боль, и заструилась в слив розовым потоком. – Надо же. Не такая уж огромная собака, а зубы здоровенные и острые.

Стоило разозлиться, но Глеб не обнаружил в себе и тени этого чувства. Сам виноват. Понадеялся на что-то, а ведь мало знал о прежней жизни собаки. А ведь ту могли бить... Или она пережила сильный испуг, травму. А тут он, умный такой, полез к дергающейся во сне и скулящей животине.

– До двадцати восьми лет дожил, а ума не нажил, – фыркнул Ковальский, рассматривая дырочки на ладони. Стоило поколдовать, но, как и почти все маги, выбиравшие стезю правопорядка, он посещал лишь курс базовой виталистики и не рискнул бы использовать свои навыки прямо сейчас. В управлении мелкими травмами чаще всего занимался или штатный виталист, или, если проблема оказывалась незначительной, – Влодек, умевший штопать ссадины, царапины и укусы. Против головной боли или похмелья умения младшенького представителя коллектива почему-то сбибли.

Когда кровь почти перестала течь, Глеб осторожно отряхнул руку и выдвинул ближайший к мойке ящик. Там у него хранились лекарства, бинты и всякие полезные мелочи.

– И чем бы это все обработать? – сам себя спросил Ковальский, здоровой рукой перенося на обеденный стол пузырьки и тюбики. – Давненько я не получал ран.

Обернувшись, он обнаружил понуро сидящую на пороге между гостиной и кухней собаку. Даже в предрассветном полумраке он видел ее виноватый взгляд и грустно опущенные уши. И не удержался от усмешки. Уж больно забавно смотрелась эта раскаивающаяся моська.

– Я не злюсь, – сообщил Глеб. – Сам дурак.

Рука болела, конечно, и рейян чувствовал, что заживать ранки будут долго и мучительно, но даже ругаться не стал.

– Сейчас намажем, замотаем и будем дальше спать, – как можно спокойнее сказал он, включая свет, чтобы прочитать надписи на этикетках. – Что тут от боли?

Собака, все еще понуро опустив голову, помялась на пороге, а потом двинулась к мужчине. Глеб не без интереса наблюдал за маневрами животного. Быть покусанным повторно он не опасался, уж больно осознанная вина сквозила в глазах собаки.

Сев рядом со столом, псина осторожненько пристроила голову на соседний стул, наблюдая за тем, как Ковальский читает инструкции, набирает воду в стакан и глотает пару круглых шариков обезболивающего. Когда следователь стал выискивать обеззараживающее, собака оживилась, приподнялась, обнюхала тюбики и баночки и ткнулась в одну из упаковок носом. Удивившись реакции, рейян все же взял выбранную зверем баночку голубого стекла, в которой оказалась мазь двойного действия, сделанная в аптеке Новака.

– Этой? – с улыбкой спросил Ковальский. – Сама покусала, а теперь сама выписала лекарство? Интересненько.

Но ранки обработал и зафиксировал мазь плотным бинтом. К утру тот обязательно пропитается и пропахнет хвоей и эвкалиптом, но от первого же прикосновения лекарства боль в руке словно отступила. От приятного холодка и жар стал чувствоваться меньше.

– И что Броцлав станет делать без рейяна Новака? – невесело спросил собаку Ковальский. – Никогда бы не подумал, что кому-то может помешать этот тихий и добрый человек.

Даже сейчас следователь легко мог представить Казимира Новака в аптеке. Тот всегда работал за прилавком в белом халате, улыбался посетителям, фыркал, читая рецепты или выслушивая рассказы о том, чем пытался лечиться очередной посетитель и как скоро понял, что выбранный метод не помогает. Надевал очки, заполняя книгу учета. Шуршал газетой, если выдавался перерыв в работе. Легко подхватывал обсуждение сплетен, но делал это как-то так, что никто в городе не назвал бы аптекаря болтуном.

В аптеке Новака в любое время года и при любой погоде царил аромат лекарств – успокаивающий и надежный запах. И сам рейян даже при знакомстве казался надежным и правильным. Тем, кому безотчетно доверяешь.

Да, Глеб несколько раз слышал, что Новак не так уж много общался с людьми по душам, почти не ходил в гости и не участвовал во всевозможных городских мероприятиях, хотя имел вес среди

обитателей того же центра, но следователя это мало удивляло. Он не видел в этом странностей. В конце концов, не все люди готовы жить, распахнув двери каждому встречному.

И вот теперь Новака не стало. И больше не будет маленькой аптеки на острове. Не будет толпы пожилых рейян, занимающих стулья в торговом зале с самого утра. Не будет шума и болтовни. И некому будет подшучивать над сидящей на широком подоконнике Кларой Новак.

— Даже если... — начал Ковальский, но не договорил.

«Даже если Клара найдется» — слишком жестокие слова, чтобы произносить их вслух. Пусть с каждым часом шанс найти девушку становился все меньше, Глеб не терял надежды.

Вытряхнув из кармана домашних брюк кристалл связи, рейян сжал его в кулаке. Всю ночь Ковальский прислушивался, боясь пропустить вызов. Но маленькая магическая вещица помалкивала, не желая сообщать новости по делу.

— Нужно хоть немного поспать, иначе завтра всего кофе в управлении не хватит, чтобы поднять мне веки, — хмыкнул следователь и потрепал притаившуюся у стола собаку по голове. — Надеюсь, тебе больше не приснятся сегодня кошмары.

Глава 5

Розовый чулок

– Да чтоб вас всех... – прошипел Глеб через час, когда на тумбочке требовательно завибрировал кристалл связи. – Что там еще случилось?

Артефакт продолжал пиликать и сверкать, и Ковальский недовольно зарычал в подушку. Очень хотелось запустить казенным прибором в стенку, на лету поджарив его огненной вспышкой, но еще в годы учебы рейян выяснил, что кристалл устойчив почти ко всем заклинаниям и уничтожается разве что безотказной гномской кувалдой. Застонав от безысходности, следователь сгреб с тумбочки артефакт и не глядя его активировал, впуская в спальню хриплый бас жандарма Кебича.

– Старший следователь! Докладываю! – гаркнул жандарм и быстро выдохнул: – У нас тут ограбление! Магическое, по вашему ведомству. Поспешайте на Крутку дрогу, к банку!

От неожиданности Глеб вскочил с кровати и едва не повалился на пол, запутавшись в одеяле.

– Что? Какого?... Ограбление банка? – выдохнул Ковальский, не веря своим ушам, но больше вопросов не задал, отбросил артефакт в кресло и ринулся к шкафу за одеждой.

Случись все на день раньше, рейян бы высмеял жандарма, решившего над ним подшутить, но за последние сутки произошло много всего очень странного. Кто знает, может, Броцлаву снова не повезло, и теперь город навсегда войдет в список мест, где пытались ограбить гномский банк. Под почетным четвертым номером.

Стоило Ковальскому сбежать вниз, грохоча по ступенькам, как собака насторожилась и вскочила. Глеб, не глядя, пронесся мимо нее, но потом затормозил и обернулся, быстро обдумывая варианты решений. Время только-только подкрадывалось к семи, до начала официального рабочего дня в управлении оставалось еще два часа. Первоначально рейян планировал взять псину с собой в жандармерию, а там и озадачить кого-нибудь из мелких спецов поиском хозяина животного.

– Брать с собой? Или оставить здесь? – глядя на собаку, спросил Ковальский. Псина ответила пристальным взглядом. – Домой я еще не скоро вырвусь... Значит, идешь со мной, Клара.

Более не раздумывая, следователь запахнул темно-серый шерстяной пиджак, зашипев, когда задел повязку на руке, и поспешил к выходу. Собака безропотно потрусила следом, будто уловив смысл его слов.

До нужной улицы от своего дома Глеб мог добраться минут за восемь быстрым шагом. Моросил дождь, ближе к Низинам город окутывал жидкий туман, скрадывая очертания домов, за ночь ветер оборвал первые пожелтевшие листья, и они чавкали под ногами, издали напоминая раздавленных лягушек.

Осень все больше и больше отвоевывала у природы свое право поселиться в Броцлаве. Рейян пожалел о том, что не набросил на плечи тонкое пальто или не прихватил из дома хотя бы шарф. Сырость мигом проникла под одежду, и серое раннее утро казалось еще холоднее, чем на самом деле. И только собака трусила на шаг позади совершенно спокойно, не переживая ни из-за луж, ни из-за липкого тумана.

Крутка пересекала Бжозову и Ружову дроги и вела к Белому мосту, стоявшему дальше от Старого, по течению левого рукава реки. Гномы изначально выбрали это место для своего отделения банка в городе, предпочтя Замостице острову. И здание строили по собственному проекту, из-за чего серое монументальное строение бросалось в глаза даже тем, кто прежде никогда не бывал в Броцлаве.

Спускаясь по улочке, Глеб сначала различил в тумане внушительную треугольную крышу, из-за которой здание банка нередко за глаза называли пирамидкой. Лишь подойдя ближе, можно было заметить внушительные стены, аскетично украшенные геометрическим орнаментом, напоминавшим чешуйки, колонны и пилястры из серого, полированного до блеска гранита, узкие проемы окон с особым стеклом, не позволявшим заглянуть внутрь помещений.

С весны и до осени у главного входа стояли кадки с чахлыми лиственницами, а после их место занимали не менее лысые серебристые елочки, но этим утром деревья перед двойными колоннами отсутствовали. Зато перед распахнутой дверью толпились и переминались с ноги на ногу жандармы.

– Старший следователь! – обрадовался один из них и ринулся к Глебу, оказавшись рейяном Кебичем. – Вы уже здесь.

– Вы узнали о случившемся первым, жандарм? – спросил Глеб.

Кебич походил на шарик на ножках из-за толстой, подбитой войлоком душегреи в цвет формы. Такие хозяйственник выделял неохотно и только тем, кому выпадало патрулировать город в темное время суток или в плохую погоду. Торчавшие перед входом жандармы, а среди них и начальник ночной бригады, переминались с ноги на ногу в своих тонких форменных брюках и кителях – много кого застала врасплох холодная ночь, – переговаривались, дымили папиросками, но не спешили заговорить с Ковальским, позволяя младшему по званию отчитаться перед магом.

– Все так, все так, – покивал рейян Кебич, подтверждая догадку следователя. – Я как раз заканчивал смену. Около семи я мимо банка иду и всегда встречаю кого-нибудь из работников. Сегодня был рейян Лосик, милейший гном.

Глеб хмыкнул, услышав подобную характеристику.

– Мы хоть и не приятели, но завсегда останавливаемся, говорим с ним. Утро холодное, рейян Лосик предложил мне внутрь зайти. Хлебнуть чашку кофею с тмином и перцем. Рецепт диковинный, скажу я вам, но гномы так умеют варить кофе!..

– Ближе к делу, жандарм, – попросил Глеб. Ему захотелось попрыгать на месте, чтобы немного согреться, но выглядело бы не слишком солидно. Вместо этого мужчина пошарил здоровой рукой, нащупывая голову сидевшей подле собаки, и погладил. Уши у псины оказались ледяными, но вот морда – горячей, как печка.

– Так вот, – немного сбившись, пробормотал Кебич. – Я помялся для порядку, само собой. Но холодно сегодня, да и не просто так рейян Лосик звал, а с просьбой. Ему как раз надо было вынести наружу кадки с елками этими... Стал он, значит, решетку отпирать, а замок сломан! И двери эти их хитрые не заперты. Да вы сами посмотрите. Как раз рейян Лосик вам расскажет, что случилось.

Жандармы расступились, пропуская следователя к входу. Собака неспешно потрусил за Ковальским, совершенно не боясь людей.

В местном банке, как и любой житель, Глеб бывал достаточно часто, а потому знал внутреннее устройство здания. Пусть и приблизительно. Гномы предпочитали не пускать людей, даже

работников правопорядка, слишком далеко в свои дела. Порой кто-нибудь наверху начинал ворчать о распоясавшихся мелкоросликах, возомнивших о себе невесть что, но говорливых тут же затыкали. Пусть кому-то это и не нравилось, но гномы прочно вросли в скелет страны, обеспечивая ее надежные и безопасные транспортные перевозки, финансовую сферу и многое другое. За бесперебойную и быструю работу этот народ хотел лишь денег и невмешательства в собственные дела. Не так уж много.

Решетка из прочного металла была поднята не до конца, и Глеб присвистнул, обнаружив, что замок не просто вскрыт, а сломан. Едва не вырван с «мясом».

– Старший следователь, – показавшись на пороге, горько произнес низенький седовласый гном, – доброе утро.

– Доброе, рейян Лосик? – удивился Глеб, рассматривая промятый в форме блюда кусок металла, прежде бывший замком. Сердечник валялся здесь же, на крыльце здания банка.

– Как оказалось, доброе, – все тем же тоном сказал гном. – Как я только что убедился, кто бы ни вломился в банк ночью, ему не удалось ничего украсть.

– Вот как?! – радостно воскликнул позади Ковальского Кебич. – Поздравляю вас, рейян Лосик!

– Благодарствую, – покивал маленький гном. – Это на самом деле добрая весть для броцлавского отделения банка. Было бы... очень неприятно, если бы пострадали вклады клиентов. Мы возместили бы убыток, естественно, но мы ведь несем ответственность, а тут такое!..

– Но попытка ограбления все же произошла, – напомнил Глеб.

– Да, это очень неприятно, но не так страшно, – отмахнулся рейян Лосик. – Будет повод рассмотреть более эффективные методы защиты.

Ковальский хмыкнул и указал на замок:

– Что вы скажете об этом? Мне казалось, сломать подобный замок едва ли возможно.

– Сам удивлен, – признался дежурный банка. – И ведь не просто сломан. Металл будто немного расплавили!

– Такого не может быть? – уточнил рейян.

– У нас принято считать, что возможно все, – признал Лосик. – Хотя что-то подобное – очень необычно. И не только здесь. Идемте, я покажу вам, что обнаружил внутри.

Главный зал банка поражал богатством отделки даже при парочке зажженных светильников: мозаичный пол, наборные стенные панели из стекла, сланца и окаменевшей древесины, вычурные люстры с плафонами из обработанных умелыми резчиками опалов всех оттенков зеленого и голубого. Конторки, в противовес, были выполнены из невзрачного темно-серого гранита, смотревшегося строго и солидно. Для посетителей имелись строгие деревянные стулья с высокими спинками и мягкими сиденьями.

Едва не напоровшись в полутьме на кадку с деревцем, Ковальский прошел вслед за Лосиком к дальней части зала, где маячила дверь в соседнее помещение – сейфовое хранилище для клиентов.

– Это ваша собака? – с сомнением спросил гном, явно намереваясь выгнать животное, но Глеб быстро кивнул и шикнул на целеустремленно рванувшую к двери псину:

– Ко мне, Клара!

* * *

Я обрадовалась, что новый рабочий день у следователя начался так скоро. Суматоха отвлекала. А на пороге банка меня еще и охватил странный азарт из-за множества знакомых и незнакомых запахов.

В наш банк я навещала много раз как с отцом, так и самостоятельно. Обычно визиты были приурочены к делам аптеки, но то и дело я забегала сюда и по личным мотивам.

Счет на мое имя отец открыл на следующий день после моего шестнадцатилетия и положил на него довольно солидную сумму в тысячу злотых. А потом пополнял счет на каждый день рождения, называя эти подарки «деньгами на булавки». Деньгами со счета я оплачивала траты в броцлавских лавках и магазинах, но даже спустя четыре года, с учетом набежавших процентов, там все еще оставалась довольно неплохая сумма, гревшая душу. И я совсем недавно ходила узнать остаток, так что знала цифры до последней медьки.

«И теперь это все, что у меня осталось», – нехотя признала я. Отец посвящал меня в дела аптеки, так что я приблизительно знала нынешнюю ситуацию. Сама вести дело я не смогу, даже если моя проблема с обликом разрешится благополучно. Аптеку придется

закрыть, остатки лекарств продать другим за половину стоимости, чтобы покрыть затраты на закупку. Дом наш, но для поддержания прежнего уровня жизни придется найти работу, ведь у меня нет родни, готовой взять на содержание родственницу-сиротку. Мама... она давно живет другой жизнью. Да и что мне делать в Лиене? Можно еще выйти замуж... Но быстро я могу выскочить только по расчету. Да и выйдет ли, учитывая возможные проблемы? Нет. Только поиск работы... Но где мне найти такую работу, чтобы спокойно и дальше жить в нашем домике? В Броцлаве нет мест, где женщинам платили хотя бы в половину так же хорошо, как мужчинам. В библиотеке, госпитале, даже в частной гимназии, где я училась, меня ждало весьма скудное жалованье.

«Это вам не в управлении магконтроля работать!» – с сожалением подумала я и потопала вперед, обгоняя Ковальского. Пусть точных цифр никто не знал, но нетрудно сделать некоторые выводы, просто наблюдая со стороны хотя бы за старшим следователем.

Он снимал полдома в Замостице. Носил добротные костюмы, которые привозил из своих визитов в Лиен. Покупал хорошие продукты, не перебиваясь дешевой колбасой и какими-нибудь замороженными лотками с полуфабрикатами. И даже одеколон у него был не дешевенькая «Березка» за три двадцать флакон, а что-то необычное и благородное, ненавязчивое и строгое. За вечер и ночь в его доме я вся, кажется, пропиталась смесью жимолости и мяты. Покидая дом вслед за рейяном, я даже решила, что при желании смогу разыскать Ковальского по этому запаху.

«Если так пойдет дальше, то я постепенно освоюсь и смогу как-то воспользоваться нынешним обликом в свою пользу!» – нашла я положительный момент в ситуации, решив пока не думать о будущем.

В банке чувствовалось много разных запахов, но, пусть чуткий нос их и улавливал, я не могла разделить ароматы и мысленно их подписать названиями или фамилиями. Единственный вывод, который удалось сделать, – гномы не утруждали себя мытьем полов и тщательной уборкой мебели. У двери, куда вел рейян Лосик, запахов стало меньше, но все их перекрывал сильнейший смрад, от которого шерсть вставала дыбом. Я невольно зарычала шагов за десять, привлекая внимание мага.

– В чем дело? – насторожился Глеб и сжал мой загривок, будто я рвалась вперед и кому-то грозила. И мне на самом деле хотелось бежать, но не вперед, а назад.

– Хм, – кашлянул гном и, обогнув нас, открыл не запертую на ключ толстую металлическую створку. – Сюда.

– Эта дверь не запирается? – уточнил Ковальский, осматривая створку. Та была толщиной в его руку, из тяжелого темного металла, состав которого гномы держали в строжайшем секрете. Никто не знал точно, но многие утверждали, что листы подобного металла скрыты в стенах, фундаменте и полу здания, превращая банк в огромный сейф.

– В этом нет необходимости, – ответил рейян Лосик, придерживая для нас норовившую захлопнуться дверь. – Это сейфовое хранилище, где мы за небольшую плату предоставляем ячейки-хранилища нашим клиентам. А те защищены более чем надежно.

Давая возможность убедиться в сказанном, гном указал на дальний угол помещения.

Хранилище представляло собой довольно большую продолговатую комнату, стены которой от пола и до потолка были заняты прямоугольными металлическими дверцами с бляшками-номерками на них. В центре комнаты высился массивный стол с исцарапанной столешницей и пара тяжелых кресел, обитых стеганой кожей. У стены была закреплена удобная скользящая лестенка. Угол, на который указал гном, представлял собой самое интересное зрелище: дверца одной из ячеек изрядно прогнулась внутрь и изобиловала странными небольшими отметинами, похожими на потеки кислоты. Эти же потеки виднелись на дверцах вокруг и на полу.

– Как видите, кто-то пытался открыть ячейку, но ему это не удалось, – без радости, но с явным удовлетворением заметил гном.

– И чья это ячейка? – подходя к стене, спросил следователь.

– Казимира Новака, аптекаря с острова, – без запинки ответил рейян Лосик.

– Хракс... – прошипел Глеб себе под нос.

О ячейке я знала, хотя отец никогда не сообщал мне ее номер и не показывал содержимое. Больше удивило даже не то, что ячейку пытались вскрыть, а то, как это было сделано.

– Новака... – повторил Ковальский, вздохнул, вытащил из кармана перекидной блокнот и начал делать пометки.

– Да, именно его, – с кивком подтвердил гном. – Знаю, что аптекаря вчера не стало...

– Глеб? Ты здесь? – Оборвав рейяна Лосика на середине фразы, в хранилище заглянул Завацкий. – Утречка вам!

– Здоров, Влодек, – не так бодро отозвался следователь. – И тебя позвали?

– А как же! Я уж думал, что выплусь сегодня, раз ты в городе и именно тебя должны искать в случае экстренной ситуации, но не вышло, – хохотнул младший член управления, входя в помещение. – Ого! Вот дела!

– Именно, – согласился Глеб. – Почему не вышло?

– Забыл? – фыркнул Влодек. – Сам же просил проконтролировать поезда. Ну я и проторчал до утра на вокзале, встретил и столичный, и лиенский недавно проводил. Видел, кстати, как наш рейян Петшиковский эту знаменитую штучку встречал вчера! Хотя какое там... вчера! Для меня еще сутки не сменились. – Управленец хихикнул и поиграл бровями. – А шеф юлил и мел хвостом чисто пес.

Я невольно рыкнула, и Завацкий подпрыгнул, только теперь меня рассмотрев.

– О, она все еще при тебе?

– А куда мне деть собаку? – с разумным удивлением спросил Ковальский. – Не дома же одну оставить. Хватит того, что мне домохозяйка вчера сцену устроила из-за шума. – Следователь вздохнул и продолжил, умудряясь делать параллельно заметки в блокноте: – Нужно менять жилье. Полдома – неплохая идея, но до поры до времени.

Завацкий помолчал. Хотя я и не вдавалась в подробности жизни магов, но все равно знала, что Влодек обитает в казенной квартире на Тропе, а Давидовский – в Низинах. Самый старший из управленцев перебрался туда много лет назад, когда женился на дочери известного в наших краях и уважаемого в других городах рейяна Соболенского.

Много лет назад еще прадед Соболенского начал выкупать землю в Низинах и способствовал переселению горожан из этой части города. Низины в то время считались худшим местом для жизни. По весне землю там вечно подтопляла река, нередко смывая особенно старые домишки. Лишь на Круче дела обстояли получше. Градоначальники Соболенским не мешали, жители не жаловались, все больше

благодарили за щедрую цену, и постепенно Низины почти полностью отошли в руки одной семьи. Но всех занимал вопрос: что же собрались делать с этим по-демонски неудачным куском земли Соболенские? А те устроили в Низинах яблоневые сады, теплицы для выращивания овощей, развели новомодные и диковинные для наших мест рисовые поля и постепенно стали главными поставщиками свежих продуктов как в Броцлаве, так и в некоторых других городах. А Кручу при Соболенских полностью перестроили, превратив в отдельное поселение знаменитой семейки. Лишь при тесте Давидовского семья продала свои дома на Круче и перебралась за Темны Гай, в более престижный район Броцлава.

– Так что ты узнал? – спросил Глеб.

– Не было ни одного подозрительного пассажира, севшего на поезд этой ночью и утром, – качая головой, ответил Завацкий. – Да и вообще никто, кроме Зузанны Пштилъ, не сел и не сошел с поездов на нашей станции.

– Да, наш убийца пока не собирается покидать город, теперь мы знаем это точно, – констатировал Глеб и задумчиво покосился на пятнышки на дверце. – И теперь мы точно знаем, что этот человек прибыл сюда не ради убийства Казимира Новака, а ради того, чтобы что-то у Новака забрать.

– И пока ему это не удалось, – добавил Завацкий.

Пока Ковальский делал записи, а Влодек осматривал следы на ячейке, Лосик успел уйти и вернуться в компании еще одного гнома. Его я едва знала, видела несколько раз мельком, но по хмурому взгляду и солидному брюшку сразу определила в нем большого начальника.

– Старший следователь Ковальский, следователь Завацкий, – скрипуче поприветствовал мужчин гном, – здравствуйте.

– Доброго вам утра, рейян Гдынш, – улыбнулся вновь прибывшему Влодек.

– Совсем не доброго, – поправил его гном, отодвинул стул и с трудом устроился за столом. – Тридцать лет честной службы вылетели в темную бездну. Позор на мою седую бороду.

Никакой бороды у рейяна Гдынша не имелось, лишь внушительные и лелеемые усы, сейчас печально опущенные в знак великой гномьей скорби. Кроме этого ничто в облике гнома не выражало его обеспокоенность ситуацией: дорогой темно-зеленый

бархатный костюм-тройка с модной жилеткой в мелкую звездочку сидел идеально, если учесть коренастую фигуру рейяна Гдынша, светло-желтая рубашка с воротником-стойкой почти хрустела при каждом движении, в ботинках отражался свет ламп.

– Не преувеличивайте, рейян Гдынш, – усмехнулся Завацкий. – У вора ничего не вышло. Никто не пострадал.

– Пострадала наша репутация! – не согласился гном. – Моя репутация.

– Кто же мог знать, что кому-то придет в голову такая глупость, как попытка ограбления банка, – довольно тихо произнес Глеб, а громче спросил: – Я слышал, что это всего четвертый случай за всю историю?

– На самом деле – пятый, – признал рейян Лосик, переминаясь с ноги на ногу.

– Всего-то!.. – пытаюсь приободрить гномов, воскликнул Влодек.

– Если не ошибаюсь, даже прогнуть подобный металл едва ли возможно, – продолжая делать записи, сказал Ковальский, – а здесь и вмятина, и какие-то следы. Что вы можете сказать по этому поводу как более осведомленные по защитной системе банка?

Гномы переглянулись, рейян Гдынш нахмурился еще больше.

– Это ячейка вчера убитого Казимира Новака, – напомнил им Глеб, – убийца проник в банк именно из-за него. Это не случайное проникновение. Мы в любом случае должны найти убийцу, и будет лучше, если вы согласитесь сотрудничать и как-то поможете нам с поисками. Пока у нас не так много зацепок по личности преступника.

Гномы снова переглянулись, Гдынш тяжело вздохнул, а потом сипло произнес:

– Расскажи им.

Лосик вздрогнул, но спорить не стал и, поглядывая на начальника, нервно пробормотал:

– Это совсем не те сведения, которые гномы должны рассказывать людям.

– Сейчас особые обстоятельства, – напомнил рейян Ковальский. – Говорите.

– Видите ли, этот металл... – Лосик постучал согнутым пальцем по одной из дверей, – изначально разрабатывался как совершенно надежный. У него колоссально сложный процесс выплавки, но затраты

мгновенно окупаются. Этот сплав отливают в готовые изделия и полируют песком под очень большим давлением, он не поддается холодной формовке даже в виде очень тонкого листа. Его нельзя пробить пулей, заклинанием...

– Но вот тут вмятина, если вы не видите, – с улыбкой перебил гнома Завацкий.

– Официально этот металл совершенно надежен, но только официально, – со вздохом признался Лосик. – В процессе исследований наши конструкторы выяснили, что заданные параметры для данного сплава не работают или работают недостаточно четко, если...

– Если? – нетерпеливо сказал Глеб и постучал ручкой по блокноту.

– Если на металл воздействует потустороннее создание, – закончил Лосик тихо.

– Потусто... – икнул Влодек.

– Хракс... – зашипел Глеб.

А я наконец поняла, что же меня так беспокоило. Ну конечно! Вот что чуял мой нос! Вот что пугало меня на уровне инстинктов.

– Так в банк проник кто-то из демонов? – не веря тому, что сам произносит, спросил Завацкий. – Да быть не может!

* * *

Глеб не спешил отметить с виду нелепую версию, подробно внося в блокнот все детали и собственные мысли. После записи предстоит оформить по всем правилам и подшить к делу Казимира Новака, распухающему на глазах.

– Влодек, нужно сделать соскоб, – напомнил он Завацкому, указав ручкой на пятна. – Свечения нет, но тщательный анализ позволит отместить ложные версии.

Управленец на миг застыл, а потом быстро закивал и ринулся лично добывать у жандармов все необходимые инструменты. Но на пороге хранилища остановился, обернулся к Глебу и судорожно икнул.

– В чем дело? – насторожился Ковальский и мысленно перетряхнул свой арсенал защитных заклинаний.

– Тут... эта... – прошипел Завацкий и в несколько быстрых шагов оказался подле следователя, а потом едва не ввинтился ему за спину.

Опешив от подобной реакции молодого коллеги, Глеб отдал ему блокнот, а сам двинулся к выходу, чтобы застать весьма причудливую картину в зале банка: в центре помещения, сверкая не хуже люстр, стояла высокая блондинка и уверенным тоном отчитывала маявшегoся подле начальника жандармской бригады.

– Это та рейна, – сказал Влодек, подступив к Глебу, – Зузанна Пштиль. Знаменитая писательница.

Знаменитой писательнице прямо сейчас полагалось отдыхать в снятом для нее номере в «Зеленце», а вовсе не торчать посреди банковского зала.

– Разве ее не должен был утром забрать Давидовский? – спросил Глеб. – Что вообще происходит?

– Я знаю только то, что шеф ее с вокзала точно увез, – открестился от происходящего Завацкий.

– За что мне это все?.. – в пространство спросил Ковальский и, не дожидаясь ответа от мироздания, направился к рейне Пштиль.

– Вы, видимо, рейан Ковальский? – быстро забыв о претензиях и расплывшись в улыбке, сказала Зузанна, повернувшись к следователю. – Доброе утро!

Книг рейны Пштиль Глеб не читал, но кое-что о Зузанне знал, ведь бабуля обожала колонки светских хроник в газетах и не раз в приезды внука развлекала его сплетнями о похождениях этой столичной штучки. И теперь, рассмотрев рейну повнимательнее, Ковальский вспомнил и те заметки, и фотографии к ним. И невольно едва заметно поморщился. А все из-за того, что поведением Зузанна Пштиль всегда больше напоминала светскую львицу, чем писательницу. И в Броцлав она явилась, не посчитав нужным изменить свой столичный стиль на более приемлемый для провинции.

Она знала, как именно выглядит, совершенно себе не льстила, но и не принижала собственное достоинство. Высокая, лишь немного ниже самого Глеба, статная, Зузанна Пштиль этим утром была облачена в ярко-розовое облегающее платье, зауженное книзу настолько, что женщина могла передвигаться лишь мелкими шажками, бежевый плащ с укороченными рукавами и золотистые туфли-лодочки. Лицо могло бы казаться заурядным, но макияж, сверкающий взгляд и

улыбка лепили образ невероятной и блистательной дивы, которой место на киноафишах, на театральных подмостках или подле какого-нибудь известного и всесильного человека, а вовсе не за печатной машинкой в рабочем кабинете.

– Доброе утро, рейна Пштиль, – сухо ответил Глеб, уважавший профессию писателей, но не терпевший легкомысленных особ. – Да, вы не ошиблись, я старший следователь Глеб Ковальский.

Зузанна улыбнулась еще шире и, перевесив свою крошечную сумочку с одного плеча на другое, сверкнула очами. Тусклый свет ламп рассыпал ворох мелких искр от светло-розовых камней в ожерелье и серьгах, подчеркивая матовость и бледность кожи в излишне глубоком декольте платья. Глебу полагалось оценить и игривую короткую стрижку, и глубину голубых глаз, и дурашливую улыбку, и этот самый вырез, который рейна Пштиль демонстрировала весьма прицельно. Это была особая игра, затеянная не столько ради каких-то далеко идущих намерений, а исключительно из охотничьего интереса. Пока что. И Глеб мгновенно это понял. И оценил предложенное. В другое время он даже подыграл бы Зузанне Пштиль, ведь это ничем его не обременяло, но утро выдалось скверное и кофе с булкой хотелось гораздо больше, чем призывных улыбок столичной штучки.

– Рейна Пштиль, вам не положено здесь находиться, – строго сказал Глеб. – В банке произошел инцидент, в котором нам еще предстоит разобраться. Здесь пока нельзя присутствовать посторонним.

– Но я именно ради этого и пришла! – сделав вид, что не заметила тон следователя, воскликнула писательница. – Как я могла подобное пропустить? Меня уверяли, что в Броцлаве совершенно ничего не происходит, а у вас тут ограбление в день моего приезда! – Зузанна сверкнула глазами и довольно улыбнулась. – Я совершенно не надеялась на такую удачу. Когда мне обещали, что смогу увидеть работу магконтроля своими глазами, я рассчитывала на заурядное перекладывание бумажек или разбор мелких случаев с магическим мошенничеством. Но у вас тут такое!.. И вы!.. Старший следователь!

Рейна захлопала ресницами, глядя на Глеба в полном восторге. Ковальский заподозрил скорые неприятности, а собака рядом с ним отчетливо зарычала и попыталась встать между мужчиной и писательницей.

– Какой типаж! – выдохнула Зузанна Пштиль, ничего не замечая. – О! Я сделаю вас главным героем моей новой книги! «Преступление на почве страсти»! – Она сделала театральную паузу. – Как вам название? Или «Преступная страсть»?! О, шикарно! Это именно то, что нужно.

Глеб поперхнулся и закашлялся. Собака рядом зарычала.

– Максим! Максим! Ну где же ты? – воскликнула рейна Пштиль.

В зал, сгибаясь под тяжестью объемистого кожаного чехла с печатной машинкой, вбежал тощий бледный юноша в несурзном клетчатом костюмчике и маленьких круглых очках.

– Максим! – выдохнула Зузанна. – Почему ты вечно заставляешь меня ждать?

Отдуваясь и беспокойно поправляя сползающие с носа очки, Максим подлетел к рейне Пштиль и зашипел, не особо стесняясь присутствия посторонних:

– Зизи, хватит вопить, как я могу за тобой угнаться с этой штуковиной? Ты подумала?

– Максим, не ворчи, – не оценив гримасы рейяна, со сверкающей улыбкой ответила рейна Пштиль. – Я придумала название для новой книги. Это будет роман! Авантюрная история с трагическим началом и романтическим финалом. В середине погони, стрельба и магическая дуэль.

– Прекрасно, – кисло отозвался Максим и обратился к Ковальскому, с трудом удерживая короб одной рукой: – Доброе утро. Меня зовут Максим Штакель, я помощник рейны Пштиль.

Глеб криво улыбнулся в ответ и пожал протянутую узкую ладонь. После чего все тем же строгим тоном сказал:

– И все же вам придется покинуть место преступления. Кебич!

Жандарм влетел в зал на призыв и вопросительно уставился на Ковальского.

– Проводи рейну Пштиль и рейяна Штакеля.

– Но! – удивленно воскликнула Зузанна Пштиль. – Ведь шеф жандармов, уважаемый рейян Петшиковский, заверил меня, что вы будете содействовать в моей работе над новой книгой!

– Всенепременно, – как мог вежливо выдавил из себя Глеб, но тут же сам на себя разозлился. – Если это не будет мешать моим прямым обязанностям, уважаемая рейна Пштиль. Но прямо сейчас вы

отвлекаете нас от работы и не даете заниматься расследованием. Вчера в нашем городе произошло убийство. И нынешнее происшествие напрямую с этим связано. Управление магконтроля обязано найти преступника. Развлекать вас – не первоочередное дело в повестке дня.

Зузанна Пштиль на миг замерла, часто-часто захлопала ресницами, а потом внезапно широко улыбнулась и со смешком сказала:

– Какой вы!.. Ах! Мне все больше нравится типаж! Я обязана перенести это на бумагу! Бравый и отважный следователь, идущий против системы и лизоблюдства.

– Кебич, – повторил Глеб и отвернулся.

– Простите... – нервно выдавил жандарм. – Пройдемте, пожалуйста...

– Да, Зизи, пойдем, – позвал рейян Штакель. – Стоит вернуться в гостиницу.

– Но тут же так интересно! – не унималась писательница. – Настоящее дело, а не рассказы или пыльные папки!

Уже у двери в хранилище Ковальский обернулся, собираясь добавить пару фраз к уже сказанному, и увидел, как собака тихо, но отчетливо зарычала на последних словах блондинки. Рейна Пштиль, прежде не замечавшая псину, ойкнула, чуть подпрыгнув, а потом нервно отступила на пару шагов.

– Это ваша собачка? – спросила она у Глеба. – Какая... миленькая.

Крупная коричнево-черная псина, будто поняв сказанное, зарычала громче, обнажив длинные белые клыки.

– Зизи, идем, – повторил просьбу Максим. – Ты посмотри на эту животину! Она ж огромная. Еще кинется.

– Мм... Думаю, у следователя дрессированное животное, – натянуто улыбнувшись, пробормотала Зузанна. – Ведь так, старший следователь?

– А это не моя собака, – с удовольствием признался Глеб.

Захлопав ресницами, рейна Пштиль побледнела и попятилась. Помощник с облегчением последовал за ней.

– Так-то лучше, – с облегчением произнес Ковальский, когда приезжие скрылись из виду.

– Петшиковский порвет тебя на лоскутки и скажет, что так и было, – предупредил Завацкий.

– Ну и пусть, – отмахнулся Глеб, поправляя повязку. – В первый раз, что ли? В моей должностной инструкции много пунктов. И нарушать ее в части о порядке проведения осмотра места преступления... или ведения следствия в угоду желаниям нашего шефа жандармов я не собираюсь.

Влодек хихикнул, но покивал, соглашаясь. Они оба знали, что за неповиновение прямым приказам Глеба могут разве что отчитать. Для урезания зарплаты или назначения наказания придется отправить отчет в столицу, в Центральное управление, подробно расписав нарушения Ковальского. И соврать в донесении не выйдет, ведь секретарь главного, рейяна Белчер, занимавшая свою должность не первый год, дотошно проверит все факты, а по итогу проверки наказать за превышение полномочий, самоуправство и попытку отыграться на нижестоящем решит самого Петшиковского. Шеф жандармов об этом знал не хуже других.

– Клара, ко мне, – позвал Глеб, и собака, перестав скалиться, обернулась к следователю.

– Ты что, назвал собаку... именем рейны Новак? – опешил Завацкий.

– Надо же было как-то звать, раз не знаю клички, – пожал плечами Глеб и потрепал по голове подбежавшую к нему псину. – Хорошая девочка. Умница!

– Глеб, но это же... странно! – выдохнул Влодек. – Назвать собаку... Клара. Клара Новак – красавица. Тоненькая. Миленькая. Женственная. А эта зверюга!.. Брр!

Мужчины уставились на «зверюгу», усевшуюся на пол у ног Ковальского.

– А по-моему, очень славная животина, – немного помолчав, произнес Глеб. – Большая и сильная. И красивая. Смотри, какие глаза. И уши!

Влодек покосился на коллегу в недоумении и покачал головой.

– Ты странный, – сообщил он следователю.

– Ну и пусть, – отмахнулся Глеб, продолжая гладить собаку по голове. – Иди за инструментами, а то мы тут до обеда проторчим.

– Да... Нам не хотелось бы настаивать, но все же банк должен вернуться к работе, – подал голос рейян Гдынш. – Скоро восемь, мы хотели бы открыться...

– Как только мы закончим, – заверил их Глеб и взглядом указал Завацкому на входную дверь.

Влодек повздыхал, но отправился добывать у жандармов все необходимое для сбора материала.

– А потом, закончив здесь, зайдём в лавку рейяна Сидорчика, – обращаясь к собаке, прошептал Ковальский. – У него отличная ветчина! Со свежим белым хлебом, укропом и кружочками томатов, а? Будешь? Заслужила.

Глава 6

Клара-детектив

В управление Глеб возвращался в куда более благостном расположении духа. К боку он прижимал довольно объемистый бумажный пакет с мясной нарезкой, да и булочник не подвел, порадовав соседей пышными рулетами с салом и луком. Выглянувшее из-за серых облаков солнце подсушило камни брусчатки и согрело воздух, вернув следователю веру в то, что еще несколько дней в Броцлаве задержится лето.

– Ах ты ж! – Кидаясь рейяну едва ли не под ноги, мимо пронеслось нечто рыжее и полосатое, сопровождаемое грозным окриком. – Васятко! Бык необъезженный, вяртайся! Домой! Васятко!

От неожиданности Ковальский отшатнулся в сторону, но ценный кулек не выронил, лишь безумным взглядом проводил рыжее нечто. Собака рядом с ним и ухом не повела, разве что запоздало рыкнула.

– Вася-а-атко! – раздражающе провыла бабка Мазена, с удивительным для ее возраста проворством выбегая из-за углового дома. – Васенька! Кыся-кыся!

Глеб замер, не желая пересекать дорогу знаменитой на весь Броцлав старушениции. Пси́на замерла рядышком, будто не хуже человека понимая грозящую опасность.

– Утречка вам, ма́гиче, – выдохнула рейяна Балаболька, притормаживая перед следователем. – А вы котеечку моего не видали ли?

– Рыжего такого? В переулок убежал.

Старушка с подозрением осмотрела Ковальского с ног до головы и с прищуром уточнила:

– Точно?

Глеба невольно передернуло, а по спине прокатилась волна мурашек.

– Точно.

– Васенька у меня котик тихий, славный. Дове-э-эрчивый. Его любой обидеть может. Котеночек же совсем. Не врешь ли ты мне, магиче? – с прищуром посматривая на молодого человека, проворчала

бабка Мазена. От ее тона тут же захотелось раскаяться и признать, что бедного котенка Глеб самолично этим утром ободрал от рыжей шкурки, напластал острым ножиком и сложил в пакет. А то и вовсе скормил собаке по темноте, пока все спали. И не важно, что котик рейяны Балабольки в городе известен едва ли меньше самой старухи, а половина котят даже у породистых кошек, не нюхавших воздуха свободы, похожи на этого рыжего негодника с драным ухом и облезлым хвостом.

– Точно-точно, – справившись с собой, покивал Ковальский. – Что ж я буду вас по такому поводу обманывать?

– Ну ла-адно, магиче, – явно не до конца поверив, протянула бабка Мазена. – Ты у нас человек культурный, в важном ведомстве працюешь. Тебе врать слабой рейяне резону нету. Не то что некоторым!

Уловив сторону, в которую вот-вот задует ветер, Глеб сдавленно вздохнул и приготовился слушать. Всякий знал, если эта старушка желала кому-либо что-то высказать, то остановить ее не смог бы и поезд Гаруч – Лиен.

– Вот скажи мне, магиче, кто к вам в контору людей отбирает, а? – взяв Ковальского под локоток для верности, спросила старушка. – Жандармы ваши – сплошь бескультурье! Огрызаются, слабую женщину забижать думают.

– Я... Я за это не отвечаю, рейяна Балаболька, – сказал Глеб. – Жандармов в академии готовят, а тут они под началом рейяна Петшиковского. С него спрос.

– До вашего шефчика попробуй доберись, – фыркнула бабка, искря глазом. – По кабинетам запирается. Секретарями от честного люду отгораживается. Приемные часы, демон его побери! А мне, может, надуть дело важное справить. А то и посоветовать чегось. Я ж на свете белом поболе вашего живу, магиче. Ведаю многое, а вы носы воротите. А то и думаете про бабушку Мазену некультурно, ругательно.

– Вам кто-то нахамил? – опешил Глеб, пытаясь понять, кто из жандармерии рискнул схлестнуться со знаменитой старушенцией из Замостице. Сидевшая у ног мужчины собака склонила голову набок, будто и ей стало интересно имя смельчака и смертника.

– Мне словесами нечего грозить, – отмахнулась рейяна Балаболька, – я по глазам все вижу. Только зря вы все это. Я ж не

просто так, я за дело и хвалю, и ругаю. Да и помощи прошу не часто.

Глеб про себя хохотнул, припомнив книгу вызовов в общей комнате дежурных, где фамилия бабки Мазены встречалась чаще, чем всем известных в городе скандалистов и выпивох вместе взятых.

– Так вы хотели попасть на прием к рейяну Петшиковскому? – пытаюсь сократить беседу, уточнил Ковальский.

– Да не особо, – отмахнулась старушка и одернула цветастую душегрею. – Будто он мне чем поможет. От этих, в мундирах, толку в Броцлаве с гулькин нос. А у меня, может, великое горюшко.

– Что случилось? – подобрался старший следователь, после утреннего пробуждения не ожидая ничего хорошего.

– Уж месяц как домишко сестры моей, покойной Малгожаты, пустует, – цокая языком, поделилась рейяна Балабольша. – Ты ж, магиче, пришлый. Не застал мою сестрицу. Померла она годков уж пятнадцать назад. Детки ее, почитай, тогда же и съехали в Клецк, тамоче дело справили, сюда и носу не кажут. Мне же на шею ярмо повесили. Ты, говорят, бабушка Мазена, человек местный, тебе доверие полное, а потому за домом приглядывай да добрых людей пожить пускай. За денежку, само собой, а денежку им, значит, в Клецк на счетец в гнумский банк. – Балабольша недовольно покачала головой. – Мне что? Мне несложно. Да и людей я быстро нашла. Семья одна к нам приехала. Добрые люди, честные. Долго жили. Да вот в прошлом году, значит, кормилец их помер, старик Велько, и семья надумала к дальней родне перебраться, в какую-то деревеньку. Будто бы там им легче будет. А я что? Разве ж буду переубеждать? Светлым знаком их отметила и проводила. Мать до последнего оставалась, а дети сразу уехали. И вот уж месяц нет никого на примете, чтобы домик сдать. А дома, магиче, пустовать не любят. Пылью обрастают, сыреют. А этот же прям на реку оконцами! Я не набегаюсь печки топить, а тут осень. Скоро и зима до нас доберется.

Ковальский пару раз моргнул, пытаюсь припомнить и людей, про которых вещала ему рейяна Балабольша, и дом окнами на реку. Где-то на юге поговаривали, что черная кошка, перебежавшая дорогу, сулит несчастье, но ему, похоже, рыжий Васька этим утром преподнес немного удачи.

– Дом, говорите... – хмыкнул следователь. – И что за дом?

– Хороший дом, справный, – тут же набычилась старуха. – Каменный, как положено. Комнаты небольшие, так и дом еще прадед наш возводил на месте прежнего, когда с братом они землю делили. Два этажа, три спальни, кухня, столовая, гостиная имеется. Ванные эти. Аж две! Всюду чисто, полы лет двадцать назад перестилали. Стены и потолки белены, я сама не дала обои клеить. Ишь! Удумали! Обои пусть в своих столицах клеят. Крылечком дом на Левобрежну дрогу, из одних окон Высоки Брег видать, а из других, если высунуться подальше, – Новый мост.

– Давайте я вечером к вам загляну, – решил Ковальский. – А там и посмотрим, что можно сделать.

– А чего ж вечером? – с подозрением спросила бабка Мазена. – Ой, не придешь ты, магиче. Не придешь. Обманешь слабую старушку.

«От уж кто слабый!..» – про себя фыркнул Глеб, но вслух заверил рейяну Балаболку:

– Честное слово, приду. Часов в восемь. Если и задержусь, то по делам. Ждите.

Задумавшись, Глеб подошел к зданию жандармерии со стороны главного входа и запоздало помянул самого безобидного представителя потустороннего, которого все жители континента на разные лады считали виноватым в любых мелких и крупных бедах.

– Хракс!

Обходить здание следователь поленился и, понадеявшись на расположение судьбы, потянул на себя тяжелую дверь. Витражик блеснул на солнце свежепротертыми стеклышками, на Ковальского пахло прогорклым салом и сыростью – тетка Кулебишна уже успела пройти по плитам пола в холле своей мокрой тряпкой, оставляя очередной неповторимый рисунок грязноватых разводов.

– Здорова, Глебыч! – окликнул следователя дежурный.

– И тебе не хворать, Мíхал, – с кивком ответил Ковальский старому приятелю. С говорливым будущим жандармом следователь познакомился на первом курсе, когда им всем, студентам академии, читали общий курс лекций. Это уже потом программа разошлась, Глеб задержался в академии на год дольше, и встретились приятели уже здесь, в Броцлаве. Вот только один так и застрял в мелком звании, а другой прибыл в город возглавлять отдел. Но это не мешало

молодым мужчинам то и дело вспоминать студенческие деньки и беззлобно подшучивать друг над другом.

– Твоими молитвами, – хохотнул жандарм, не хуже других знавший, что маги по природе своей люди неверующие и светлым знаком ни себя, ни других не осеняют.

Ковальский хмыкнул и уже направился было в сторону нужного коридора, как решил уточнить:

– Слушай. А вам там никто заявление о пропаже собаки не подавал?

Михал Горецкий нырнул обратно в свою подсобку и зашуршал журнальными страничками.

– Нет, Глебыч, – отозвался он несколько мгновений спустя. – Ничего такого. Но ты ж знаешь, у нас тут прямые обращения отмечены, если кто ножками притопал и сообщил. Ты у ребят наверху поспрошай. Может, из Низин им позвонил кто или из Зеленице. Тут, в городе, никто не станет такую большую псину держать. – В Бродяжке слухи распространялись со скоростью ветра, и уже все коллеги следователя знали о найденной им собаке. – Это в пригороде хорошо, там и простор, и хороший охранник нужен, чтоб ночных татей отгонять.

Ковальский с сомнением глянул на животное, оценивая его сторожевые навыки, и отрицательно качнул головой.

– Не сторожевая она. Сам глянь. Ухоженная. Таких в доме держат, а не на улицу на ночь выгоняют.

– Ну не знаю тогда, – пожал плечами Михал. – Жди новостей. Если и есть у твоей псины хозяин, то скоро сыщется. Ты ж местных знаешь, тут и у клочка травы владелец есть. Вряд ли кто-то проигнорирует пропажу ценного имущества.

Глеб покивал и направился в свой отдел. Собака как привязанная последовала за ним.

В вечно захламленном коридоре нынче не горели лампы, а через стеклянные вставки по верху перегородок лучи пробивались едва-едва, разбрасывая по стенам, разошедшимся шкафам и остальной рухляди яркие золотисто-желтые полосы.

– Когда уже Леслав этот мусор отсюда уберет? – зарычал не хуже собаки старший следователь, споткнувшись о выпавшую из кучи ножку то ли стула, то ли стола, и пнул деревяшку.

– Ты чего тут шум разводишь? – выглянул в коридор Давидовский.

– Да вот! – снова пнув мусор, махнул рукой Глеб. Собака рядом с ним рыкнула и сунула нос под столы, а потом – в стопку поставленных на попа ковров.

– Сразу видно, что голодный, – хмыкнул управленец. – Уже на вещи кидаешься!

– Да ну тебя, – отмахнулся Ковальский и попытался ногой задвинуть деревяшку под составленные один на другой столы. – Как дела? Фу, Клара. Фу, что ты к этим пыльным тряпкам пристала?

– Да так... – покривился Вольшек. – Ты про писательницу сегодня слышал?

– Я ее сегодня видел, – вздохнул Глеб, пытаясь за шкуру оттащить животное от ковров, которые закачались, грозя завалиться и перегородить коридор. – Она в банк заявила.

– О! – протянул Давидовский. – Вот оно как было. А я еще удивился, что в гостинице мне велели передать записку, а сама наша рейна в номере заперлась. А она, оказывается, услышала о нападении и каблучки сразу в банк наострила. Теперь же отсыпается.

– Как бы эта особа там не отсыпалась, а новую книжку набивала... – пророчески высказался Ковальский. – Деятельная очень. Пыталась прямо в зале банка свой агрегат пристроить на один из столов.

– Идем, за кофейком подробнее расскажешь, – предложил Вольшек.

– Фу! – снова одернул псину Глеб. – Да что ты там такое отыскала? Мышей, что ли, Леслав там разводит...

Помянутый хозяйственник, привлеченный шумом, вынырнул в коридор из дальней подсобки и с ходу накиннулся на Ковальского:

– Что вы тут, старший следователь, развели за балаган! Шум на все крыло! И это еще что такое? Собака? У нас по ведомостям собаки нет! Откуда вы ее взяли? Что за неучтенное животное? И что оно делает?

Трое мужчин уставились на псину, которая, не замечая криков, увлеченно раскапывала скрученные ковры. Наконец ей удалось уронить один из них, но на этом собака не остановилась, продолжив раскручивать пыльную шерстяную материю.

– Что это такое?! – взвился Леслав и кинулся вперед, к нависшей над ковром псине. – Порча имущества? Я материально ответственный! Я не позволю!..

Орал хозяйственник так громко и отчаянно, пытаясь прорваться мимо управленцев к коврам, что Глеб нахмурился, всучил Вольшеку пакет с будущими бутербродами и ткнул носком ботинка ковер, разворачивая его плотный рулон.

– Материально ответственный, говоришь? – невольно присвистнул Давидовский, увидев плоский сверток из темно-коричневой бумаги, вынырнувший из ковровых объятий.

Леслав побелел, уже не пытаясь добраться до ковра. Безумными глазами он глянул на магов и попятился.

– Что это, Леслав? – очень спокойно, даже ласково спросил Глеб и наклонился, чтобы поднять пакет. Тот оказался довольно тяжелым и плотным. Бумага под пальцами чуть проминалась, как если бы внутри лежало что-то сыпучее, вроде порошка.

Хозяйственник не ответил, лишь отступил еще на шаг, судорожно озираясь.

– Что это, Глеб? – уточнил Вольшек, заметив, как потемнело от гнева лицо Ковальского.

– Сладкий дым, – по крахмальному хрусту порошка определил следователь. – Тысячи на три злотых по курсу черного рынка столицы.

Давидовский присвистнул и глянул на Леслава.

– И много у тебя таких пакетов в этой рухляди, дорогой рейян Кобытько? – спросил со смешком.

Но хозяйственник не обманулся улыбкой управленца и его веселым тоном. Никогда прежде Вольшек не звал Леслава по фамилии, а это означало только одно: стоявший перед ним маг превратился из доброго знакомого в сурового управленца, которому не задуришь голову, с которым не выйдет договориться. Икнув, Леслав Кобытько развернулся и припустил по коридору, спотыкаясь на ровном месте и размахивая руками, как мельница лопастями.

– Лови! – крикнул Глеб Вольшеку, кидая тому в руки сверток, и кинулся вслед за убегающим хозяйственником.

– Вот же ж! – выдохнул управленец, когда пакет пролетел мимо и громко шлепнулся об пол, треснув посередине и рассыпав по полу часть дурманного порошка. – Вашу ж за ногу!

Ковальский его уже не слушал. Он неслся за улепетывающим от него Леславом, мысленно проклиная собственную невнимательность и нерасторопность. Иначе бы следователь не пропустил то, что происходило у него прямо под носом. А теперь дело еще грозило превратиться в висяк, если Кобытько успеет удрать. Пусть оно и не по их, магов, ведомству, но именно управление магконтроля, как ближайшую к хозяйственной части структуру, назначат виноватой в случившемся.

– Стой! – крикнул Глеб, на ходу формируя магические путы.

Хозяйственник пригнулся, пропуская над головой светящуюся сеть, и дернул составленные к стене старые двери, перегородив коридор позади себя.

– Хракс! – выдохнул Ковальский, притормаживая. – Чтоб тебя!

И тут, скользнув у него между ног и ввинтившись в щель между дверными полотнищами, по коридору пронеслась собака. Еще до того, как следователь отпихнул препятствие со своего пути, животное в три мощных прыжка скрылось за поворотом, и мгновение спустя оттуда донесся душераздирающий вопль и грохот.

Глеб обменялся с подоспевшим Давидовским озадаченным взглядом и устремился дальше по коридору, втайне надеясь, что собака успела сбить убежавшего Кобытько с ног.

Открывшаяся картина превзошла любые, даже самые смелые ожидания. На полу, уткнувшись макушкой в дверной косяк, валялся Леслав. Хозяйственник тихо поскуливал и подергивал ногой, в которую, порывивая, вцепилась собака.

– Хорошая девочка, – выдохнул Ковальский, подходя к поверженному. – Очень хорошая.

– Да уж... – согласился Вольшек без особого энтузиазма.

– Если хозяин не отыщется, то вполне можно брать четвертым сотрудником в управление, – со смешком сказал Глеб, формируя между пальцами толстую магическую нить, чтобы спутать руки Леславу. – Ну... отпусти уже. Отпусти.

Клара еще раз рыкнула, чуть громче, но миг спустя разжала челюсти и отступила в сторону. На морде псины читалось явственное отвращение. Хмыкнув, Ковальский потрепал собаку по загривку и заверил:

– Теперь уж точно заслужила угощение. Сейчас сдадим этого умника ребятам из жандармерии и будем завтракать.

– Да не мое это... – запоздало простонал Леслав, когда следователь попытался поднять хозяйственника с пола. – Подбросили!

– Конечно, – мигом согласился Глеб. – Подбросили. А убежал ты потому, что собирался все нам объяснить на свежем воздухе, да?

– Да нет же... Я просто очень спешил по делам! – морщась от боли, заюлил Кобытько.

– Так спешил, так спешил! – хмыкнул Давидовский. – Ну теперь считай, что всюду опоздал. У тебя теперь полно времени, чтобы все объяснить, Леслав. Хранение тебе уже впаять можно. И чем больше найдем при обыске, тем больше срок. А если еще распространение вскрыется, то можешь и на каторгу загреметь. Так хотелось четверть века в гномьих шахтах батрачить на благо родины? Скоро будешь!

Леслав глянул на управленцев, не нашел в их глазах сочувствия и попытался вырваться, но был остановлен грозным рыком замершей перед выходом собаки.

– Не балуй, – встряхнув хозяйственника за скованные руки, велел Глеб и потащил Леслава обратно в коридор. – Вольшек, брось в конторе еду и дуй наверх. Предупреди ребят.

– Люблю, когда утро начинается с раскрытого преступления, – хохотнул Давидовский. – Даже если и случайно раскрытого!

Глава 7

Дело ясное, что дело темное

Я резонно опасалась, что за работой мужчины позабудут о еде, но те меня немало удивили. Между звонками, разговорами, оформлением бумаг и беготней по управлению Ковальский споро разделил утреннюю добычу на четыре части и соорудил на каждого из коллег, включая новоприобретенную, множество бутербродов. И ели свой завтрак все тоже между разговорами и оформлением бумаг. Лишь я спокойно сидела под пустующим столом и с наслаждением уплетала угощение, наблюдая за метаниями магов.

Влодек подоспел как раз тогда, когда теперь уже бывшего хозяйственника отправили отдыхать за решетку в подвалы, исписав целую кучу бумаг и проведя дотошный обыск в коридоре возле управления. Оказалось, Леслав Кобытько устроил поистине внушительный схрон под носом у магов, отчего-то решив, что спрятать на виду – лучшее решение. Кроме пакетов со сладким дымом жандармы нашли золотые виленские монеты с ликом предпоследнего короля ныне не существующего королевства, золоченую посуду с отделкой из рубинов и аметистов и журнал в твердой обложке, в котором хозяйственник по привычке вел учет всего полученного.

Теперь жандармы спешно разбирали шифр, чтобы выяснить имена всех участников внезапно вскрывшейся банды. И больше всего интересовали их те люди, через которых опасный наркотик поступал как в столицу, так и в другие города королевства.

– Петшиковский зубами скрежешет, – хмыкнул Давидовский, вернувшийся с верхних этажей. – Как же!.. Не он дело раскрыл, а дело уже сейчас громкое!

Завацкий хохотнул и подхватил бутерброд со своей тарелки.

– Опять нам награда будет, да и жандармерию отметят, – сказал он. – Но медаль если и дадут, то не шефу, а нам.

– Если дадут, – без улыбки отозвался Глеб.

Свои бутерброды он давно доел и залил их сверху парой чашек крепкого кофе, а сейчас с хмурым видом усиленно листал какие-то журналы, извлеченные им из шкафов.

– Ты чего хмурый такой? – удивился Влодек, прожевав и запив булку и мясо глотком чая. – Мы большое дело раскрыли.

– Да, но наше основное пока не двинулось с мертвой точки, – отозвался Ковальский и яростно перелистнул несколько десятков страниц. – Ага! Есть!

– Что есть? – тут же насторожился Давидовский и привстал из-за своего стола.

Глеб поднялся, скинул пиджак и, расстегивая пуговицы на рукавах рубашки, навис над разворотом, сосредоточенно читая найденные сведения. Вольшек подступил сбоку и тоже вчитался.

– И что это? – спросил самый старший из магов.

– А ты не понял? – глянув на него, спросил Ковальский, а потом, закатывая рукава, сам и пояснил: – Ты сам о чем Леславу говорил? Помнишь? Шахты. Гномы.

Давидовский нахмурился, а потом потрясенно вскинулся:

– Да не может такого быть!

– Очень даже может, – спокойно ответил Глеб. – Мы, конечно, убедимся, что я не ошибаюсь, но пока это вполне может быть одной из версий. Как минимум это многое объясняет.

– Вы о чем? – спросил Влодек, переводя взгляд с одного товарища на другого.

Я тоже переводила взгляд, пытаюсь понять странный разговор мужчин.

Глеб подхватил журнал, вышел вперед и, сев на край своего стола, заговорил:

– Когда Казимир Новак погиб, мы попытались выяснить всю его подноготную, но обнаружили, что этот с виду добропорядочный рейян будто бы появился из воздуха в Броцлаве около двадцати трех лет назад.

– Верно, – кивнул Завацкий и осмотрел тарелку, примериваясь к последнему бутерброду.

– Броцлав – небольшой городок, уездный. Тут всем про всех всё известно, – продолжал Глеб, глядя на каждого из собеседников, даже на меня. – Большая часть жителей хоть в лицо, но друг друга знает. Да и пришло тут мало. В основном все местные. Свои. Едва ли не родня. Новости распространяются через сплетни. Ничего важного ни от кого

не скроешь. И тут люди... Мы ведь не в столице, даже не в Лиене, где летом полно курортников. Тут людям принято верить на слово.

Давидовский кивнул и подхватил:

– Если кто-то представился как Казимир Новак, аптекарь, да еще и аптеку открыл, то он аптекарь Казимир Новак и есть. Вряд ли кто-то спрашивал у рейяна Новака документы. Да и зачем, казалось бы, такому благообразному рейяну врать?

– Да, – сказал Ковальский. – Да и не возникло ни у кого сомнений, что Новак на самом деле тот, за кого себя выдает. Возможно, он и в самом деле имеет необходимое образование. Все же... он не просто торговал порошками и пилюлями, но и сам изготавливал многие препараты.

– Почти четверть века! – подтвердил Вольшек. – И что-то я ни одной жалобы на Новака не помню. А в Броцлаве через день бы все знали и забыли не скоро.

– Именно, – кивнул Ковальский. – Но до Броцлава Новака будто и не существовало. Он не переводил почтовое обслуживание, счет у гномов открыл уже здесь, о себе рассказывал путано... Искать сведения о нем предлагалось чуть ли не на Кудыкиной горе.

– И при чем здесь гномские шахты? – уточнил Завацкий. – Если я правильно помню, на работу к гномам отправляют только тех, кто огреб от двадцати пяти лет заточения до пожизненного.

– Да, – согласился Глеб. – Это самое суровое наказание в королевстве. Очень тяжелая работа, кошмарные условия. Вот уже пятьдесят лет дальние и глубокие гномские копи в Откопанах – самая ужасная тюрьма, где никто не желает очутиться, ведь это означает медленную и мучительную смерть в очень жестоких... практически нечеловеческих условиях.

Завацкий побледнел, а Давидовский глухо пробормотал:

– И попадают туда зачастую не серийные маньяки, убийцы, а те, кто по мнению обитателей золоченых кабинетов во дворце, в Гаруче, опасен для короны. Люди, исчезновения которых хотят власть имущие. Те, кто мешает делить должности, расположение его величества. И те, кто желает что-то изменить.

– Хотите сказать, Казимир Новак может быть оттуда? Из узников откопанских шахт? – спросил Влодек.

– Не обязательно именно узников, – покачал головой Глеб. – Там были и обычные работники. Не только гномы-надзиратели. Были те, кто доставлял провизию, оказывал пусть скудную, но медицинскую помощь. Там, в конце концов, жили и обычные люди. Все же горы огромны. В одной части живут и работают только гномы. Где-то и людей нанимают. Рудники для заключенных – малая часть.

Ковальский перевел дух и захлопнул журнал.

– Казалось бы, с чего вдруг я связал Казимира Новака и шахты, но во время беседы со мной Ирена Мнишек упомянула, что ее муж умер в Откопанах, а сама она много раз переезжала, пока не осела здесь. И не где-нибудь, а поблизости от аптекаря.

– И тебе все это кажется подозрительным? – уточнил Влодек, пытаясь нащупать связь.

– Эта рейяна явно что-то недоговаривает, – пояснил Глеб. – Я это чувствую. Да и она самая подозрительная личность во всей этой истории. Именно с ней у Новака был роман. Именно она последняя видела его живым. А потом аптекаря убили, когда он возвращался от нее. Именно к ней заходил какой-то неизвестный...

Мужчины переглянулись, и Давидовский подытожил:

– Итак. Версия вполне рабочая. Четверть века назад что-то произошло. В Откопанах или в ином месте, но это произошло тогда, когда Казимир Новак носил какое-то иное имя. После этого Новак покидает прежнее местожительство, начинает скрываться, меняет имя и переезжает в конце концов в Броцлав, где его никто не знает, а городок настолько маленький, что тут ему удастся спрятаться и в глуши, и как бы на виду. Он открывает аптеку, женится, заводит ребенка, разводится, растит дочь... И живет спокойно больше двадцати лет, оставив в прошлом какую-то темную историю. Но два года назад в Броцлав перебирается рейяна Мнишек, сближается с Новаком и выясняет, что он тот самый... участник событий из прошлого. И после этого в город приезжает некий таинственный убийца, который не просто жаждет избавиться от Новака, но хочет что-то от него получить. Что-то настолько ценное, что ради этого готов преследовать нашего аптекаря четверть века по всему королевству. Неделью он наблюдает за Новаком, Мнишек в этом помогает, а потом убийца подкарауливает аптекаря и, не рассчитывая на свидетеля, устраивает допрос, желая получить что-то очень и очень ценное. Это не выходит,

Новак убит, его дочь то ли сбежала, то ли в плену у нашего убийцы, а сам убийца не теряет надежды добыть ценности.

– И эти ценности настолько важны, что ради этого он готов вломиться в гномский банк, – довершил Ковальский.

– Но все же... – нахмурился Завацкий. – Почему ты решил, что начало этой истории лежит именно в Откопанах?

Глеб без слов снова открыл журнал и сунул его молодому человеку под нос.

– Гномы сами нам сказали, что следы, оставленные в банке, похожи на действия демона, – на мою радость, вслух проговорил следователь. – А согласно отчетности...

– Хотя демонические прорывы и бывают в различных и никак не связанных между собой местах, но большая часть случаев зафиксирована в местах деятельности гномов, – вчитавшись в стоки из журнала, прошептал Вольшек, перебивая мага. – Тридцать восемь случаев за последние сто лет и почти семьдесят процентов – Откопаны, районы южных и восточных шахт. Так называемые Старые копи...

* * *

Не успели мужчины обдумать догадки Ковальского, обсудить план действий и распределить обязанности, как в помещение, подобно лику восходящего солнца, впорхнула, сверкая россыпью бликов от дорогих массивных украшений, рейна Пштиль. На фоне чистенькой, свеженькой, будто умытой ключевой водой Зузанны, облаченной в дорожный брючный костюм хищного алого колера, Глеб сам себя ощутил только-только выбравшимся из берлоги по весне медведем. Остро захотелось пригладить волосы и проверить выражение лица в стеклянной дверце шкафа, но следователь удержался, лишь неприязненно вздернул бровь.

Рейна радостно разулыбалась, сверкая еще и зубами, взмахнула крохотной сумочкой, обозрела все видимые поверхности и постановила:

– Максим, вот сюда поставь!

Маги разом нахмурились и заглянули писательнице за спину, где и обнаружился ее неприметный помощник с объемным кофром в руках. Рейян Штакель, привыкший понимать Зузанну без дополнительных пояснений, мигот метнулся к заваленному бумагами столу и, ни капли не смущаясь, решительно воздвиг свою ношу на краю, чтобы тут же начать двигать упрятанную в короб печатную машинку в центр. На пол посыпались папки, книги, листы записок и писчие принадлежности. Заскрипело и с грохотом обрушилось похороненное под горой пресс-папье. Свалились на пол, почти воткнувшись лезвиями, большие ножницы. С хрустом раскололось несколько капсул-стержней для перьевой ручки, обрызгав бумаги синими и алыми пятнами.

У Ковальского дернулось веко.

Моргнув пару раз, он осмотрел помещение, убедившись, что собака оказалась расторопнее управленцев, удрав из-под злополучного стола до начала захвата рабочей поверхности. Сейчас Клара, наклонив голову набок, наблюдала за происходящим из безопасного местечка под окном, отгородившись от пришлых личностей столом Глеба.

Еще один взгляд по сторонам дал понять, что из-за приоткрытой двери за магами наблюдали жандармы, занятые разбором хлама в коридоре.

«Хракс!» – про себя застонал Ковальский.

Следователь готов был дать руку на отсечение, что писательница появилась в управлении этим утром не без содействия Петшиковского. Только шеф жандармов мог надоумить эту особу вломиться к магам без стука, дав свое высокое разрешение творить и вытворять все, что ей заблагорассудится. И все это ради мелочной мести управленцам, которые вновь заслужили поощрение от столичного начальства.

И теперь вместо того, чтобы спокойно и споро заняться делом, магам придется отвлекаться на приезжую рейну. А иначе им головы с плеч снимут. И не по одному разу.

Сам лично с высоким начальством из столицы Глеб знаком не был. Слышал лишь о главном из Центрального управления магконтроля, про которого шептались, что за него все решения принимает секретарша – суровая и монументальная рейяна Белчер. Да порой недобрым словом поминали некоего старшего следователя Беянского, от которого выли, рыдали и бежали бегом юные и не побитые жизнью управленцы и секретари. Ни с кем из этих людей

Ковальский никогда не пересекался, но исправно любовался их резолюциями, подписями и рассылаемыми по регионам указаниями, для себя решив, что обойдется без личного знакомства.

Рейна Пштиль появилась в Броцлаве, конечно, не стараниями Белчер, Сидзецкого или Белянского, но за пятна позора на светлом лице магконтроля магов из маленького городка явно не похвалят даже эти профессионалы до мозга костей.

Вдохнув и выдохнув, Глеб движением руки убрал с пола следы чернил, а потом магией подхватил все разбросанные бумаги и перенес их на широкий подоконник в углу. Зузанна Пштиль лучезарно улыбнулась на эти его действия и весело сказала:

– Спасибо, дорогой следователь Ковальский. Вы так любезны!

Ее помощник что-то невнятно пробормотал себе под нос и принялся за кофр, освобождая из него черный внушительный агрегат с полированными латунными кнопками, молдингами и рычажками.

– Максим, нам потребуется много кофе! – повелительным тоном постановила писательница, любуясь и печатной машинкой, и стопкой кремово-белых листов, которые Штакель извлек из холщовой сумки. А потом самолично выставила на край освобожденного стола хрустальную пепельницу, выложила портсигар с пухлым серебряным младенцем с крылышками на крышке и новенький коробок спичек с эмблемой Королевской лесной компании.

Управленцы переглянулись и дружно вздохнули.

– День обещает быть долгим, – пробормотал себе под нос Глеб.

* * *

– Все, решено! – глядя на то, как Максим устраивается за машинкой, сказала Зузанна. – У меня уже был в голове сюжет, когда я ехала к вам, но на месте... видя это... самобытное учреждение, приняла решение писать совершенно иной роман! Ах! Это будет гениально!

Я с сомнением смотрела, как рейна Пштиль извлекает из портсигара тонкую коричневую сигариллу и взмахивает ею, как волшебной палочкой:

– Максик, начали. Заглавие... «Преступная страсть».

Помощник покивал и, как увлеченный пианист, припал к клавишам. Вот только резкие щелчки кнопок не прозвучали музыкой, а заглушили мысли в голове. Давидовский подпрыгнул на стуле, Завацкий едва не расплескал воду из высокого стакана, а у Глеба дернулось веко.

– Рейна Пштиль... – начал было Ковальский, но приезжие его не слушали.

– Так героем будет следователь, Зизи? – уточнил Максим.

– Естественно, – чиркая спичкой, ответила Зузанна. – Красавец-детектив из маленького городка.

– А сюжет? Кража? Обман? Или убийство?

– Уж если у меня герой – профессиональный детектив, то писать стоит только про убийство! – провозгласила писательница. – Зачем мелочиться?

Глеб что-то проворчал себе под нос, явно цветисто выругался, но попытки призвать пришлых людей к совести забросил, склонился над своим столом и взялся быстро набрасывать план действий для управленцев.

«Это будет очень долгий день», – решила я, прикрывая глаза и намереваясь немного вздремнуть.

* * *

– Марыся спросила: «Что происходит? Скажи мне!»

Раздражающие щелчки.

– «Дай мне немного прийти в себя, принять душ, сходить в жандармерию, а потом я все тебе расскажу», – простонал Збигнев.

Раздражающие щелчки.

– «Ладно, – сказала Марыся, – но, надеюсь, ты понимаешь, Збигнев, что во всех детективных романах после подобных слов свидетеля обычно убивают!»

Яростные щелчки.

– «До встречи, Марыся!»

– Что, на самом деле во всех? – удивился Влодек.

– Закон жанра, – сидя на краю стола, авторитетно заявила рейна Пштиль, а ее помощник залихватски дернул каретку.

* * *

– Если преступление совершено в первой главе, а вникать в алиби всех персонажей приходится до конца истории, это всенепременно вызовет раздражение у читателя, – вещала Зузанна, когда я в следующий раз выплыла из дремы. Рейна вышагивала по комнате, в такт шагам помахивая коробком спичек. – Так что второе убийство где-нибудь в середине романа очень оживляет сюжет.

– Животворящий труп, – невесело фыркнул себе под нос Глеб.

* * *

– Ну... – протянула Зузанна, отвлекаясь на какой-то вопрос Влодека, который я пропустила из-за дремы. – Я всегда пишу приключенческие истории с элементами детектива. Я уже не могу писать истории, в которых не происходит убийства или крупной кражи.

– Вот как? – явно отвлекая рейну от других обитателей управления и попутно от нового романа, участливо подал реплику Завацкий.

– Да. Великая Кристина Агатаева всегда повторяла, что нужно делать то, что умеешь, а не то, что не умеешь. И разве не чудесное занятие? В каждом моем романе справедливость всегда торжествует! Убийца или вор предстает перед судом, герой или героиня добиваются успеха в жизни, а читатель получает удовольствие от нескольких дней, проведенных в компании книги, – вдохновенно продолжала рейна Пштиль. – Иногда я думаю, что это такой способ искупить какие-то грехи.

– Грехи?

– Да. Ну... знаете, в этой или прошлой жизни. Возможно, когда-то я была настоящей авантюристкой или даже преступницей, а теперь просто излагаю на бумаге свои прошлые жизни, не стремясь повторять путь зла, – сверкая очами, зубами и украшениями, сказала Зузанна. – А еще... за это очень хорошо платят. По крайней мере, мне.

– «Думается мне, у тебя есть задатки очень хорошего сыщика», – диктовала Зузанна, когда я проснулась в следующий раз. День уже перевалил за половину, Влодек исчерпал силы и куда-то умчался, Вольшек гремел посудой на кухоньке, и только Ковальский сосредоточенно шелестел бумагами с очень занятым видом. – «И знаешь почему? А потому... что ты в душе – очень хороший человек». – Рейна прошла по комнате и села так, чтобы видеть Глеба. – «Я догадываюсь, что у тебя иное мнение на этот счет, но меня не волнуют подобные мелочи, Вацлав. Готова признать лишь то, что у тебя явные проблемы с гневом. Я знаю, все началось со смерти отца, когда тебе пришлось в одиночку содержать и мать, и братьев. Но я не думаю, что, пока ты держишь в себе весь этот гнев, ты сможешь стать настоящим сыщиком. А знаешь, что тебе нужно? Не кривись, но для того, чтобы стать настоящим сыщиком, тебе нужна любовь. И знаешь почему? Потому что любовь – это покой, а покой – это мудрость. И именно мудрость нужна, чтобы раскрывать преступления, Вацлав. Это все, что тебе нужно. Тебе не нужно оружие, магия... И уж тем более тебе не нужен гнев. Гнев ничего тебе не даст. А покой – да. И мудрость. Попробуй для разнообразия. Ну и что, что ты предпочитаешь мужчин...»

На последних словах Зузанны Глеб подавился воздухом, выдавая, что все это время внимательно прислушивался, и закашлялся.

– Прошу прощения, рейна Пштиль, но... что? – хрипло спросил он.

– Мм? – вынырнув из вдохновения, промычала Зузанна и пригладила волосы на виске.

– Вы же заявили, что пишете героя с меня, – кашляя, выдавил Ковальский, – так почему у вас этот... Вацлав... Это не про меня вообще!

Писательница снисходительно взглянула на Глеба и пояснила:

– Про вас – нет. А литературному герою... Тем более мужскому персонажу в дамском романе просто необходима маленькая тайна, трагедия в прошлом или тяжелое детство. Как без этого в него влюбляться и читательницам, и героине?

– Что?

– Идеальный герой пусть в жизни обретается, – фыркнула рейна, – а в книге должен быть прекрасный, добрый, но печальный юноша с взором горящим, которого так и хочется спасти, приласкать, ведь именно рядом с героиней он может познать счастье и радость, преодолеть свои старые страхи и оставить в прошлом... все проблемы.

– И именно поэтому вы своему герою создали такой... такую проблему? – уточнил Ковальский.

– А что? – бесхитростно удивилась Зузанна. – Это ведь такая мелочь перед лицом настоящего чувства! Ради этого чувства можно и горы свернуть.

«Ага, какая ориентация устоит, если тут... Великое Чувство!» – хмыкнула я про себя. После всего пережитого книги самой популярной в городе писательницы дамских романов воспринимались иначе.

Следователь моргнул, а потом резко спрятался за листами какого-то отчета, зашипев так тихо, что только я услышала:

– И когда уже Влодек вернется? Я не могу сидеть тут один.

* * *

Завацкий вернулся лишь вечером, когда с меня окончательно соскользнула сонливость, а Глеб старательно пытался не сползти под стол и все время прятался за бумагами.

– «Он теснее прижал ее к себе, острыми углами своего тела оплавив ее женственные изгибы», – страстно диктовала Зузанна в этот момент и не отвлеклась даже тогда, когда Влодек громко и хмуро сообщил Ковальскому:

– До утра ничего выяснить не получится. Даже жандармы не пошли нам навстречу, но пообещали заглянуть в тамошние архивы утром.

Глеб немного разочарованно поморщился, но кивнул и шепнул рейяну:

– Что ж... Ничего не поделаешь. Тогда на сегодня все.

– О, вы уже заканчиваете на сегодня? – демонстрируя идеальный слух, спросила рейна Пштиль. – Тогда... Следовательно, а вы не покажете мне какое-нибудь уютное местечко в городе, где можно вкусно поужинать?

Ковальский нервно дернул пальцами левой руки, глянул на часы, а потом, стараясь не казаться слишком радостным, ответил:

– К моему огромному сожалению, еще немного – и я опоздаю на очень важную встречу.

– Какую встречу? – недовольно уточнила блондинка, взглядом прожигая в Глебе дырку.

– Судьбоносную! – с улыбкой ответил он. – С женщиной, которая очень не любит, если к ней опаздывают.

– Вот как? – прищурилась Зузанна. – И вы готовы бросить меня здесь, хотя ваше начальство распорядилось всячески мне содействовать?

Глеб моргнул, окинул рейну нечитаемым взглядом, а потом сказал:

– Ну... Я не могу отменить встречу. Она очень важна для меня.

– А я могу пойти с вами?

– Хорошо, – через секунду согласился Ковальский и улыбнулся.

Зузанна просияла и переключилась на своего помощника, а потому не видела, как вежливая улыбка следователя превратилась в предвкушающую.

Глава 8

Руководство для желающих остаться неженатым

По указанному бабкой Мазеной адресу двигались мы настолько медленно, что, не будь я уже собакой, озверела бы всенепременно. Рейна Пштиль мелко перебирала ногами в узких туфельках, с хохотом жаловалась на нашу брусчатку, но упорно шагала рядом с Ковальским. Пользуясь нехитрой отговоркой, она еще за порогом здания жандармерии вцепилась в локоть рейяна и ни на миг его не отпускала. Пиявка!

Своего помощника с тяжелым агрегатом Зузанна Пштиль отправила обратно в гостиницу, я не могла и слова сказать, а потому никто и ничто не мешало этой настырной особе весело щебетать, заглядывая Глебу в глаза, расспрашивать о городе, о местных достопримечательностях, о людях. И, конечно, о работе. Трусая по другую сторону от Ковальского, я отчетливо видела, что он с трудом сдерживает досаду от столь настырного соседства. Это не могло не радовать, но рейна Пштиль всячески игнорировала мимику следователя. Наверное, в иных обстоятельствах я бы восхитилась ее выдержкой и самоуверенностью. Я бы не смогла чувствовать себя уверенно в подобной ситуации.

Когда-то давно, в годы учебы, мы, юные и не избалованные жизнью гимназистки, жутко завидовали старшим девочкам, уже успевшим «выйти в свет» и попробовать себя в качестве объекта интереса у противоположного пола. Нам, едва вышедшим из детского возраста, старшие подруги казались настоящими героинями, покоряющими недостижимую гору. Но о той горе мы знали лишь немного, представляя дальнейшую жизнь весьма узко. А для многих и с годами ничего не изменилось.

Для двенадцатилетних или тринадцатилетних рейночек частной гимназии будущее заключалось в поиске подходящего супруга и дальнейшем браке. И всем хотелось знать об этом побольше. Какие-то тайны, секреты. А потому нередко на больших переменах мы сбивались в стайки и прятались в садике гимназии, между слив, чтобы

с живейшим интересом прочесть добытую кем-либо литературу на заинтересовавшую всех тему.

Особой популярностью пользовались любовные новеллы. Их кто-нибудь из девочек читал шепотом, а остальные в особо драматичных моментах охали и ахали, в романтических же – хихикали и мечтательно вздыхали.

Но бывало, что кто-нибудь тайком приносил что-то более... полезное. И тогда среди слив воцарялась полная тишина – рейны читали то, что, возможно, могло стать инструкцией для действий в будущем.

Так, однажды милая и кроткая белокурая Анника принесла немного истрепанную брошюру «Руководство для желающих жениться» и с гордостью заявила, что мы, глупышки, делаем все неправильно. Нужно не романчики читать, а нужно знать... врага в лицо.

Так на три дня мы погрузились в изучение того, что было написано исключительно для просвещения мужчин. И после долго ходили просветленные.

Блондинки наши обзавелись кружевными зонтиками и тонкими шальями, повадились читать стихи, сентиментальные повести и смотреть на мир печально, немного задумчиво, с легкой нотой трагизма, но и толикой холодности. Пытаясь изобразить все это одновременно, девицы нередко начинали рыдать еще до того, как одна из подруг успевала перейти к самой сложной части рассказа о чем-либо. И уже было не важно, что же хотели сообщить блондинкам. Они пускали слезу и на рассказ о любимом котенке, и на пересказ письма дальней тетушки, и на хвалебные оды батюшкам и матушкам, выделившим средств на новое платье, пару ботинок или сумочку. В присутствии старших блондинки помалкивали, даже если их о чем-либо пытались расспросить, скромно опускали очи долу, но если и отвечали, то истинную правду.

Брюнетки, вычитав из пособия, что им полагается быть менее рассудительными, чем блондинкам, тут же кинулись в приключения, как в омут с головой. Они наполнили коридоры и сад гимназии своими громкими голосами, стуком каблучков и дерзкими выходками. Вмиг научились ни в чем не соглашаться с родителями и учителями, капризничать, забросили занятия, все время посвящая любовным

романам и показательному игнорированию мужчин, будь то привратник или красавец-жандарм. Но каждая тут же придумала себе любовь, о которой с жаром и страстью спешила поведать всем остальным, хотя о жаре и страсти каждая знала лишь из книг, где, по настоянию пособия, пролистывала описания и перечитывала признания в любви по пять раз.

Шатенки, кривясь от того, что оказались чем-то средним между первыми и вторыми, взяли на вооружение все, что было им предложено. Будто желая превзойти остальных, эти рейночки взялись лгать обо всем, даже небо выкрасив в алый цвет. Несколько дней даже на тривиальные вопросы о времени, погоде, книге или компоте в столовой от них нельзя было получить правдивый ответ. А некоторые оказались настолько коварны и хитры, что даже наша директриса до обеда думала, что нынче то ли среда, то ли пятница, а в столовой то ли закончились сушеные яблоки, то ли по ошибке привезли воз вяленой рыбы, которую никто не заказывал.

Узнав о том, что в книге их кожа названа самой розовой и красивой, шатенки повадились всюду ходить с ручным зеркалом, постоянно себя рассматривая и строя планы о том, как вить веревки из любых доступных мужчин.

Несмотря на повадки, блондинки, брюнетки и рыжие, все как одна, с вечера завивали волосы на бигуди, а то и на смоченную газетную бумагу, чтобы к утру волосы вились крупными или мелкими кольцами, выдавая в девицах, кроме прочего, игривость и художественность натуры.

Выходя за порог гимназии, рейночки, какой бы походкой они ни обладали до этого, мигом пускались едва ли не бегом, желая создать впечатление ветреницы, опасаясь, что по ленивой и размеренной поступи их примут за просватанных девиц. В гимназии же, отбирая друг у друга зеркало, наши рейны искали у себя ямочки на подбородке и щеках, тренировали прищур, выщипывали любой намек на сросшиеся брови или усики, а по вечерам еще и изводили на отвары против веснушек целые веники любистока и календулы, ведра огурцов и капуста, клубники и крыжовника. Особо же богатые пользовали свои носики и щечки лимонным соком. Что уж говорить о молочных продуктах, коих извели столько, что хватило бы на пару недель сытной жизни.

Кроме заботы о собственном характере и внешности юные рейны задумались и о приданом, без которого, как утверждала умная книжка, ни один рейян не возьмет их замуж. То тут, то там валялись листочки со списками одеял, перин, скатертей, простыней, полотенец, посуды, одежды и нижнего белья. Отдельной строкой в каждом списке шли серебряные приборы и рояль. Обо всем об этом писалось или сообщалось при встрече родителям и всем иным родственникам, дабы те или начали готовить все уже сейчас, или провели опись имеющегося.

Тогда же все наши юные рейны и перебрали имеющихся в Броцлаве холостяков, не упустив из виду и недавно (по нашим меркам) прибывшего Глеба Ковальского. Он даже занял какое-то почетное место в рейтинге, хотя ему и сняли изрядно баллов за рыже-медный отлив волос, склонность редко бриться и отсутствие собственного жилья.

Сейчас же, трусая рядом со следователем и писательницей, я отчетливо видела повадки, которые в умной книжке приписывались особе приятной и настойчивой, которую вполне резонно взять в супруги. И это меня злило настолько, что хотелось не только вклиниться между людьми, но и основательно тяпнуть нахалку Пштиль за загребушие ручонки!

* * *

Глеб и сам не знал, что его дернуло позволить приезжей рейне последовать за ним к бабке Балабольке. Предвкушение столкновения двух этих особ растворилось где-то на середине пути, а повышенная болтливость блондинки лишь усилила небольшое раздражение. Все же Ковальский не особо общался с женщинами, раз одна из них сумела довести следователя за какой-то час наедине.

«Почти наедине», – поправил себя рейян, покосившись на трусящую подле собаку. Животное своей молчаливостью устраивало его этим вечером гораздо больше Зузанны Пштиль.

Будто почуяв внимание, Клара подняла морду и глянула на Глеба. На миг ему почудилось, что глаза у псины вполне разумные. В них

светилось понимание, сочувствие и не меньшее раздражение, чем у самого старшего следователя.

«Выпроводить и заглянуть в какую-нибудь лавочку. Есть хочется так сильно, что культурных слов не осталось!» – решил Ковальский.

Бабка Мазена поджидала Глеба на чуть разошедшейся лавочке подле палисадника, за которым прятался дом из серого и бежевого местного камня. Высокая груша частью закрывала фасад и бросала узорчатую тень на стены, окна и порожек, выложенный из речной гальки и черепков бело-голубого фарфора. Порожек был сделан так искусно, что со стороны походил на творение знаменитого западного архитектора, чьей фантазии принадлежали дома, площади и целые дворцы в паре крупных городов – тех самых, от одного названия которых веяло жаром лета и сладостью винограда.

– Таки пришел ты, магиче, – вместо приветствия сказала бабка и поднялась с лавки, одернув свою цветастую душегрею. – А это кто с тобой?

– Здравствуйте, бабушка! – звонко воскликнула рейна Пштиль. – Меня зовут Зузанна Пштиль. Возможно, вы обо мне слышали? Я писательница! А вы хозяйка домика? Очень миленький. Очень... мм...

Балабольша весьма выразительно прошла взглядом по фигуре рейны и скептически хмыкнула, увидев аккуратные туфли на тонкой подошве.

– У нас тут люди простые, нестоличные, – оценив выговор и одежду, сказала рейяна. – Улицы узкие, старые, пыльные. Ты бы, рейночка, туфельки бы сменила на что-то попроще. А то ножки собьешь свои. Мозолей натрешь.

Глеб мысленно хмыкнул. Голос бабки Мазены наполнился сладостью, за которой эта ушлая жительница Броцлава прятала много всяких эмоций, оттенки которых даже ее соседи не всегда понимали. Старушка с одинаковой улыбкой могла и похвалить, и отчитать, и обозвать человека глупцом. На крик и оскорбления, через которые никому не удавалось пробиться, Балабольша переходила не так уж и часто, кто бы что ни думал.

«Опыт!» – оценил следователь.

Вот только рейна Пштиль сарказма не заметила, улыбнулась и защебетала о погоде, природе и своих планах на визит в Броцлав.

Снисходительно кивая на слова Зузанны, бабка Мазена отперла калитку и входную дверь, впуская гостей в дом.

– Бедолага ты, магиче, – хмыкнула бабка негромко, стоило ей умчаться чуть вперед, в просторную гостиную мимо двери в кухню и кладовку.

– Мм? – откликнулся Глеб, осматривая крохотную прихожую.

– Бядота, говорю, – сказала старушка. – И откуда она такая только взялась?

– С поезда, – чуть улыбнувшись, ответил Ковальский. – Приехала книжку писать. Про жандармов или магов, я так и не понял.

– Намучаетесь вы с ней, – предрекла бабка. – Голова-то бедовая. Ты смотри, магиче, не увлекись ею.

Глеб приоткрыл дверь на кухню, да так и замер.

– С чего вдруг? – опешил он.

– Красивая, столичная, яркая. Вы, мужички, падки на такое, – с вершины своего опыта оценила Балаболька. – Увлекающиеся вы.

Старший следователь расхохотался и заверил старушку:

– Это не про меня. Да и нет у меня планов на... что-то такое. Как с ней, так и с кем-то другим. Не до этого сейчас.

Бабка Мазена удивленно вздернула бровь.

– Это отчего же, скажи на милость? Ты ж хоть и молодой совсем, но не мальчик уже. Самый возраст себе супружницу сыскать.

Ковальский предпочел не ответить, лишь вежливо улыбнулся и потрепал за ушами притершуюся поближе к нему собаку.

– Ты не улыбайся, магиче, не улыбайся, – заявила старушка, – а слушай человека старого, с опытом. А то еще сколько бобылем проходишь?

– И кого же посоветуете? – со скепсисом уточнил старший следователь.

– Уж точно не такую, как эта... – хмыкнула Балаболька. – Ветреная девица. И без такта. А такт... Он, знаешь, никому не вредил. Это ж какая девица, не жена и не невеста, пойдет с холостяком дом смотреть?

– Эксцентричная писательница из большого города, которой на все правила плевать? – усмехнулся Глеб и вошел на кухню.

Та оказалась на удивление просторной и светлой. Старая, но крепкая мебель, беленые стены и потолок, пол из белесого скобленного

дерева. Из такой же древесины стол в центре и рабочие поверхности на шкафчиках. Полдюжины стульев из ясеня и ротанга, крашенных светло-голубой краской. Из ротанга же абажуры на четырех светильниках. Штор нет, зато вместо обычных стекол в окна вставлены полосы цветного, от чего по всей комнате ленивыми кошками разлеглись желтые и голубые пятна.

Дом Глеб часто начинал оценивать именно с кухни, а потому уже сейчас был весьма доволен увиденным. За такую простую, но уютную кухню он был готов простить некие огрехи в иных комнатах. А увидев, что в ящиках и шкафчиках полно посуды, приборов и инструментов, желание снять это жилье только усилилось.

– Очень милый домик, – вернувшись назад, сообщила Зузанна Пштиль. – Маленький только.

Ковальский пожал плечами и отправился дальше изучать комнаты. Окна гостиной выходили прямо на реку. Да не просто выходили – домик немного нависал над водой, от чего в открытое окно даже мелкие брызги долетали.

С этой стороны стену оплетал плющ и еще какие-то растения, а немного в стороне от окна торчал массивный железный крюк в форме якоря, давая понять, что когда-то, когда в местной традиции еще было использовать лодки для передвижения по бурной реке, возле этого дома порой останавливались, чтобы перевести дух или передать жильцам какой-то товар. Вот только бурная Больша-Бяла никого не щадила, легко топила лодки неумех, утаскивала ко дну неудачливых, и сплавлялись по реке лишь те, кто мог совладать с этим потоком. Поэтому и становилось лодочников все меньше и меньше. А как мостов стало достаточно, в лодке отпала какая-либо необходимость.

Сам Глеб любил плавать. Он ведь родился и рос в Лиене, стоявшем на берегу большого озера, в которое Больша-Бяла, поумерив свой пыл и раздавшись, впадала с северо-востока. Даже само название города происходило из названия реки и озера. На старом наречии некогда живших здесь племен оно означает «Белый».

Глядя на воду, старший следователь вздохнул. Он успел привыкнуть к Броцлаву, но по родным местам начинал скучать в тот же миг, как поезд отбывал от лиенской станции в направлении Гаруча. Да и пахла Больша-Бяла здесь совсем не так, как дома. Собрав дорогию солнце, свежесть трав или созревшего зерна, опавшие в воду

цветы и листья, река попадала в озеро золотисто-белым потоком, аромат которого никуда не исчезал и висел над берегом. Здесь же, в Броцлаве, то поднимаясь, то падая, пробиваясь сквозь камни и город, вода казалась холодной и темной, будто весенней. И пахла она холодом, горами и еще не осевшей гранитной пылью.

Осмотрев остальную часть дома и убедившись в том, что рейяна Балабольша в точности описала предлагаемое жилье, Глеб спросил о цене. Писательница, успевшая оббежать все комнаты и потеряв дальнейший интерес, со скучающим видом присела в кресло у окна, дожидаясь, пока следователь и старушка сторгуются.

– Что же... Переселяться же вы, уважаемый Глеб, сегодня не будете, – подала голос рейна Пштиль, как только цена в злотых была оговорена и Ковальский дал обещание подготовить нужную бумагу для договора. – Как вы смотрите на то, чтобы где-нибудь перекусить? Какие у вас тут есть приличные места?

Старушка с секунду молчала, а потом хрипло расхохоталась.

– У нас тут, деточка, самое приличное место в такое время – собственная кухня, – пояснила она.

Глеб тоже не сдержал улыбки. Он после столицы и Лиена сам долго привыкал, что в Броцлаве если и есть какие-то кафе и рестораны, то их мало и работают они лишь в светлое время суток, а после каждый может рассчитывать лишь на себя и собственные кулинарные навыки.

– То есть... как? – вмиг растеряв свой блеск и лоск, спросила Зузанна Пштиль. – Тут нигде нельзя перекусить вечером?

– Через пару домов лавка рейяна Бечека, – обратившись к Глебу, сказала старушка. – Он до полуночи двери не закрывает. У него и мясо в холодильных шкафах, и крупы любые. Всего понемногу.

Ковальский кивнул. Есть хотелось. И уж лучше сейчас что-то прикупить, приготовить и съесть, чем ждать до дома, перед этим сопроводив рейну Пштиль к гостинице.

– Вас доставить назад или желаете поужинать, раз уж так вышло? – спросил следователь, определяясь с планами.

– А... Хотите тут? – смутилась Зузанна. – А кто будет готовить? Хозяйка?

Бабка Мазена фыркнула и, оглядев писательницу с ног до головы, выдала:

– Я человек пожилой. У меня спина слабая стоять и выгатавливать. Вы-то, деточка, разве не моложе меня? Взяли бы и позаботились о рейянчике. Много всего можно сготовить быстро, умеючи-то.

Зузанна Пштиль вся как-то напряглась, скривилась и пробормотала:

– Готовить? Я? Нет-нет, это не мое.

Собака издала звук, который следователю очень напомнил смешок.

– Я сам приготовлю, – заверил рейяну Балабольшку Глеб.

Препираться дальше он не стал. Растерянная рейна Пштиль осталась в доме, а Ковальский в компании бабки Мазены отправился за продуктами. Собака смирно топала рядом, перебирая длинными лапами.

– Смотри, магиче, – пожурела рейяна старушка. – Не по тебе девица. Тебе другая нужна.

– И какая же? – со смешком спросил Глеб, поддерживая старушку под локоть.

– А такая. Тебе под стать. Ты там на внешность не смотри, главное – какой человек. Характер. Ты у нас, магиче, рейян видный, красавец даже, но ветер у тебя в голове не гуляет, сурьезный и глупостями даже поначалу не занимался.

– Так что же мне... хозяйственную и тихую рейну искать? – хмыкнул Ковальский.

Он сам весьма смутно представлял себе свою возможную будущую жену. Дальше размышлений об отношениях как таковых его фантазия не заходила.

– Это уж как получится, – отмахнулась рейяна Балабольшка. – Тебе нужна девушка настоящая и здравомыслящая, но со своими интересами. Ты у нас сам хозяйственный, с домоседкой заскучаешь. Но и взбалмошная девица тебе не подойдет. Вроде этой...

Глеб хохотнул. Его бабушка и сама говорила не так давно что-то похожее. Правда, еще перечисляла имена рейночек, которых считала достойными войти в семейство Ковальских.

– Говорят, Клара пропала, – сказала бабка Мазена, когда они подходили к лавке. – Надеюсь, отыщете вы ее.

Старший следователь мигом погрузнел. О рейне Новак думать было больно.

– А так я бы ее первой назвала, если бы ты меня, магиче, поспрошал, – продолжала тем временем рейяна Балаболька. – Я ее с самого детства знаю. Помню, как в сад мой лазила, паршивка такая! – Старушка беззлобно хохотнула. – С виду – тихая, а сама – та еще. Как подросла, так потише стала, а малявкой по всему Броцлаву ее видели. То на Брег удерет, на замок смотреть, то в чей-нибудь сад влезет. А то и что похлеще отмочит.

– Что же? – спросил старший следователь. Разговоры о Кларе больно отдавали в сердце, но и приносили надежду.

– Непоседа же. И любознательная, – добродушно ответила старушка. – В Низины как-то удрала, узнав, что там кто-то кроликов взялся разводить.

Глеб, уже предвкушая занимательную историю, улыбнулся. Хозяин лавки им не мешал, и следователь молча тыкал то в одно, то в другое, пока бабка Мазена продолжала свое повествование.

– Годков ей было тогда пять или шесть? Ой, не помню. Но в эту нашу местную... гимназию еще не ходила. Это точно. Там ее пообтесали чуть. Отвадили от проделок немного. – Старушка покивала своим мыслям. – Оно и неудивительно, в общем-то. Отец у нее в аптеке с утра и до ночи. А мать быстро бросила и мужа, и ребенка. Ей, вишь, у нас солнца не хватало и простору! Укатали в Лиен.

– Так что же было в Низинах? – напомнил об изначальной теме Глеб.

– Пробралась на тамошнюю ферму, углядела клетки с кроликами и загончики, да и влезла! – ответила рейяна Балаболька. – Пожалела живность. Раскрыла дверцы. А кролики что? Шасть – и по всем Низинам разбежались!

Ковальский расхохотался и на пару секунд отвлекся от выбора копченостей. Собака рядом с ним как-то странно дернула мордой, а потом и вовсе отошла в сторону, к двери, будто не желая, чтобы на нее смотрели.

– Как же орал рейян Патоцкий! – со смехом вещала старушка. – Это ж он все затеял, кролей закупил. А какая-то сердобольная девчонка сотни его кровных злотых...

Несколько минут хохотали все трое. Даже лавочник. Он оказался из местных и Клару Новак знал преотлично. На улицу старушка и следователь выходили поуспокоившись, хотя рейян Бечек и рассказал им еще одну историйку, уже про яблоки и великий поход на поиски чего-нибудь таинственного и страшного в Темны Гай одной летней ночью.

Глеб, заметивший Клару уже подростком, никогда и не думал, что в детстве она была такой оторвой. Тяжело было представить эту красивую высокую девушку маленькой девочкой в ярком платье, с лентами в волосах и очередной придумкой в голове. Оставалось надеяться, что детской везучести, спасавшей Клару от переломов и порки, хватит и теперь и рейна выйдет из передраги живой и невредимой.

«Где ты, Клара?» – подумал Ковальский, возвращаясь к дому, в который собирался на днях перевезти вещи.

* * *

– Вас долго не было, – обрета прежнюю уверенность, с порога заявила Зузанна Пштиль и тут же заинтригованно воззрилась на бумажные кульки у следователя в руках.

Я, надо сказать, тоже была заинтересована в содержимом кульков. Слопала бы все, что Ковальский купил, пусть я хоть трижды собака и мне, по логике вещей, не положено трескать фрукты и зеленый лук.

Через каких-то пять минут на стол были выложены покупки. Я заняла местечко под окном, где на меня и наступить не могли случайно, и откуда я могла любоваться процессом приготовления ужина. Рейяна Балаболька тоже примостилась у окна, перетащив туда один из стульев. Уходить хозяйка кота Васеньки явно в ближайшее время не планировала. Да и неудивительно: живет она одна, дома из всех развлечений только кот, вязание и уход за садом, а тут целое представление, которым она еще и командовать может!

Мое предположение подтвердилось, когда, взглянув с прищуром на Зузанну, старушка произнесла:

– Так вы, детонька, что же, тоже будете ужинать тут?

Рейна Пштиль чуть помедлила, но потом ответила, наблюдая за тем, как Глеб осматривает содержимое шкафов:

– Ну... да.

– Так не сидите сложа ручки. Почистите картофель и лук.

От подобного предложения лицо блондинки вытянулось, глаза округлились, а рот приоткрылся. Я беззвучно фыркнула, покосившись на руки Зузанны.

Не сказать чтобы я сама была великим мастером скалки и поварешки, но у меня хотя бы предложение старушки не вызывало подобной паники. Эх, если бы я была сейчас человеком, то с удовольствием и почистила, и порезала, и сама бы что-нибудь приготовила. В семье кухонными делами больше занимался отец, давно привыкший жить без хозяйки в доме. Когда я стала постарше, он не сразу сообразил, что меня можно привлекать к чему-то подобному, но меня немало интересовал процесс превращения всевозможных продуктов во что-то аппетитное и сытненькое.

Так постепенно я влилась в это почти магическое действо, самостоятельно или под присмотром отца осваивая и что-то совсем простое, и более сложные рецепты. Мы даже эклеры выпекали и начиняли их шоколадным или масляным кремом! До навыков Ковальского, кстати, мне было далеко, но в грязь лицом бы не ударила!

Глеб на предложение бабки Мазены чуть улыбнулся, но ничего не сказал, делая вид, что полностью занят аппетитным куском свинины на разделочной доске.

Глядя, как маг умело нарезает мясо на тонкие пластинки, я невольно сглотнула. Вот же ж! В нынешнем облике я с удовольствием слопала бы это мясо сырым, без соли и перца! Но кто б мне дал?

Зузанна, не найдя отклика и сочувствия со стороны следователя, взяла своими тонкими пальчиками с аккуратным маникюром веревочный мешок-сетку с картофелем и, скривившись, оглядела клубни со всех сторон.

– Давайте-давайте, – подгоняла ее Балабольша.

Пока рейна Пштиль вздыхала, судорожно посматривала то на картофель, то на нож, старший следователь успел закончить с мясом и, подобно герою, спас блондинку. Ну... почти спас. Он забрал у нее

клубни, но писательнице остались две луковицы, вид которых, похоже, напугал ее не меньше. Но рейна собралась с духом и взялась за нож...

«Никогда не думала, что девушку, описавшую странствия авантюристки Аланции, которая пересекла пустыню лишь для того, чтобы увидеть и разгадать тайны храма какого-то тамошнего божка, смутит чистка лука», – про себя отметила я, наблюдая то действие, что творилось у меня на глазах.

Вспомнилось вдруг, что ни в одной книге Зузанны Пштиль я не встречала описаний каких-либо бытовых моментов из жизни ее героинь. Ясно, конечно, что никому нет дела до подобных сцен в авантурном или любовном романе. Всех привлекают менее обыденные вещи.

Героиня романа вполне может три дня ехать на верблюде через пустыню, не имея при себе ни палатки, ни каких-то припасов, ни даже сменной одежды. И ее белая рубашка не запылится и не пожелтеет от пота к концу пути. Более того, в одной рубашке, бежевых штанишках для верховой езды и узких сапогах героиня не окоченеет ночью и не натрет себе где-либо днем в седле. Оторванные рукава вполне смогут прикрыть голову от палящего солнца, но так, чтобы волосы развевались прекрасным шлейфом, а не липли мокрой паклей к шее. А лоб, нос, щеки и руки не загорят до неаппетитной красной корочки. И, в конце концов, добравшись до места, не жрамши и спавши на песке, героиня обязательно потрясет своей красотой местного героя, какого-нибудь начальника экспедиции или главного археолога. Обязательно молодого и столь же прекрасного что в анфас, что в профиль. И этой же ночью, не испытывая дискомфорта, героиня предастся бурной страсти на толстом тканом коврике под звездами. А читателя обломают как раз в тот миг, когда любовники, сжигаемые страстью, сольются в поцелуе. И никто так и не узнает ни про неудобства жесткой подстилки, ни про песок во всех мыслимых и немыслимых местах, ни про холод ночи – ведь это невозможные подробности для книги с погонями, интригами, тайнами и большой и вечной любовью. Даже если в следующем томе у героини эта большая любовь и сменит внешность, имя и возраст.

Вооружившись ножом, Зузанна хмуро обозрела лук и принялась чистить... В этот миг замерли все: и я, и бабка Мазена, и даже старший следователь, хотя он стоял к писательнице вполоборота. Лук

жалобно хрустнул, брызнул соком, который веером украсил подол наряда рейны Пштиль, но поддался. Балаболька хмыкнула, но промолчала. Сама блондинка, ничего не замечая, хмуро кромсала многострадальные головки. Понаблюдав над издевательством над хорошим продуктом, Ковальский вернулся к чистке картофеля, хотя взгляд еще долго выражал озадаченность.

– Вот, – сипло сообщила Зузанна Пштиль через пару минут, выложив на разделочную доску перед Глебом два непонятных белых кусочка, один из которых был скорее шестигранником, а второй – пирамидкой. Лук в этом кулинарном творении вообще не опознавался.

Мужчина сдавленно кашлянул, но промолчал. У него явно не нашлось слов, чтобы оценить этот шедевр по достоинству. Да что там! Бабка Мазена помалкивала. Да даже я, будь у меня шанс, не нашла бы подходящих слов. Хотя ужасно хотелось прыснуть в кулак, а то и вовсе рассмеяться в голос.

Дальше в четыре одинаковых керамических посуды было уложено мясо и лук, пересыпанные специями, тонкие ломтики картофеля, сыра, а все это благолепие залито сверху сливками. В предвкушении я громко облизалась.

– А почему четыре порции? – удивилась Зузанна, проводив будущий ужин покрасневшим взглядом.

– А сколько должно быть? – спросил Глеб, ставя емкости в духовой шкаф и включая подпитку от магического кристалла.

Благослови тех магов, что придумали такую прекрасную вещь! Благодаря магии все запечется не за час, а за каких-то пятнадцать минут.

– Нас же трое, – напомнила писательница. – Не думаете же вы и собаку кормить такой едой?

– А чем?

– Ну... это же всего лишь собака! – немного обиженно пояснила рейна Пштиль.

Ковальский глянул на меня, на старушку, а потом ответил:

– Всего лишь?

В этот миг я отчетливо поняла, что ревновать мага не стоит. Ничего этой Пштиль не светит.

Часть третья

Служебные пометки

Глава 1

Сны и фантазии

Я сладко потянулась и перевернулась на спину. Диван тихо скрипнул, занял пружинами, но этот звук легко потонул в приглушенном стенами шуме дождя. Я зажмурилась и принялась, пытаюсь даже сквозь закрытые окна ощутить ту пьянящую сырость, которую приносили в наши края осенние дожди.

Пройдет всего несколько дней – и Броцлав переполнится ароматами первых опавших листьев, умытых каплями и прибитых к земле, травой, что укроет землю желтеющими побегами, а еще рябиной и шиповником, чьи ягоды останутся на ветках почти во всех садах. Лишь немногие жители соберут немного плодов и засушат. Еще меньше будет тех, кто сподобится сварить варенье. Но зимой, в самые суровые холода, когда идешь по улочкам города, непременно вспомнится осень и вот такие дождливые ночи и дни. И эти воспоминания оживут с ароматом чая и рябинового варенья. В детстве, наблюдая за жителями, я всегда удивлялась этому странному феномену, но так и не смогла узнать, откуда же броцлавчане берут варенье зимой, если не делают запасов осенью. Грешила даже на привозное, но отец всякий раз заверял, что в других местах проще встретить клубничное, малиновое, смородиновое, а то и вовсе вишневое, а рябиновое – редкость. Так эта загадка и осталась для меня тайной до сих пор.

Принюхиваясь, я поняла, что чую не только успокоительные ароматы природы, но и незнакомые. В них не было ничего неприятного, но они заставили меня открыть глаза и настороженно осмотреться. Первые несколько мгновений я ничего не понимала, но потом начали приходить воспоминания и удалось немного расслабиться.

Ничего нового не случилось.

Все мои неприятности уже произошли.

Отец мертв. Его убил некто Кшиштоф, которого я с тех пор не видела.

Я превратилась в собаку. Явно не без злокозненных действий этого самого Кшиштофа.

Меня спас от бесцельного бродяжничества маг из нашего Броцлавского управления магконтроля. И я сейчас не в каком-то незнакомом мне месте, а в новом доме Глеба Ковальского, в котором рейян остался ночевать, чтобы не тащиться на прежнюю квартиру среди ночи.

Вчера на ужин была какая-то вкуснятина из мяса и картофеля с сыром, а в качестве компании наша местная боевая бабка и заезжая писательница, у которой какие-то непонятные планы на моего следователя.

Моего?

Это слово в мысленных рассуждениях сбило с толку, и я задумалась уже над ним.

Да, довольно странно, что подсознание выкидывает такие вот коленца, но... При других обстоятельствах... В иной ситуации... разве я бы не присмотрелась к Глебу Ковальскому повнимательнее?

Раздумывая над этим, я перевернулась на бок и уставилась в беленую стену гостиной, на которую падали светлые блики от окна с размазанными пятнами-теньями капель на стекле.

А вот не очень-то и понятно!

Несколько дней назад я больше думала о будущем вообще, а не о мужчине в этом самом будущем. Так смогла бы я обратить внимание на рейяна, если бы он продолжил вести себя так, как и прежде? Вряд ли. Он ведь редко появлялся на острове, хотя всякий раз довольно подолгу на меня смотрел. Но вот подойти, заговорить... Интересно, я ведь теперь знаю, что нравлюсь ему. Вижу это по тем эмоциям, что мелькают на лице следователя при упоминании моего имени. Так почему он не попытался как-то... проявить свою симпатию? Почему не дал понять, что я ему интересна?

Его нельзя назвать нерешительным. Да и пугливым.

Его вряд ли останавливал вид моего отца. Папа был добрейший человек.

Мой возраст? Да, мне лишь недавно исполнилось двадцать, но девушки в нашем королевстве выходят замуж и в восемнадцать! А с некоторых пор на это даже разрешение от родителей не нужно. Современный мир, прогресс и все такое. Хотя старое поколение и

косится, и ворчит. И полно еще семей, где новые веяния не прижились. Но мой отец не из их числа.

Статус?

Да, маги, все это знают, не бедствуют. Не так уж их много, чтобы их труд не ценили по достоинству. Но и Новаки – не последние люди. У моего отца свое дело, он уважаемый в Броцлаве человек... Был.

Так почему?

Или все дело в том, что я не маг? Магиня? Магесса? Тьфу! Волшебница! Так и нет в королевстве расслоения общества. Магов уважают, а те не смотрят на обычных людей свысока. Да и по статистике, которую я вычитала в одной статейке несколько лет назад, на каждого мага приходится только четвертинка женщины с даром. Тьфу, четвертинка! В общем, на одну магину аж четыре мага! Да и не волшебницы они, если разобраться, чаще всего, а именно что одаренные. Кое-что могут, но для полноценного колдовства и обучения в магакадемии не пригодны. В итоге крепкую социальную ячейку с кем-то себе под стать маги создать не могут. Сама природа и статистика против этого, а это означает, что женятся маги почти всегда на обычных девушках. И по всему выходит, что никаких предубеждений против меня у Глеба не было и быть не могло.

Так почему?

Дело во мне?

Это я никак его не поощряла?

Предположение казалось вполне логичным и реалистичным. А я вмиг пожалела, что не могу хоть ненадолго вернуться в прошлое и все изменить.

Зачем?

А затем! Не факт, что я вернусь в человеческий облик, так у меня хотя бы остались воспоминания. Не пришлось бы ни о чем жалеть.

Хотя даже сейчас и даже в таком виде я все равно своего не упущу!

Фьють! Зузанна Пштиль! Умница и красавица! Столичная штучка!

Нам она на один зуб! Глеб мой. Пусть и мой хозяин, пока я в таком виде. Но мой! И все загребушие ручонки отгрызу, так и знайте!

Приняв решение и взбодрившись, я решила встать и выбраться наружу, чтобы, смущаясь и поминая всех храков разом, уединиться в каких-нибудь кустах. Это действие всякий раз вызывало стыд и

панику, а потом я тщательно отгораживалась от воспоминаний, но ничего поделать не могла. Не бесплотный же дух! А человеческие удобства мне... неудобны.

Но при попытке соскочить с дивана я запуталась в собственных ногах и кулем свалилась на пол, приложившись плечом.

– Хракс! – невольно вскрикнула я и тут же зашипела от боли не хуже змеи. – Как же больно!

Но через миг неприятные ощущения отошли на второй план, ведь я валялась на холодном полу в тонкой батистовой ночной рубашке! А из-под нее торчали мои родные светлые ножки. Без признаков шерсти.

– Что?! – взвизгнула я и вскочила. Тут же пошатнулась и едва не свалилась снова на пол. – Не может быть!

Завертевшись на месте, я попыталась осмотреть себя со всех сторон. Ничего, конечно, не вышло, но ноги и руки рассмотрела и потрогала, за попу себя ущипнула, по плоскому животу хлопнула. И совершенно счастливо рассмеялась.

Я была собой. Пусть немного чумазой и на первый взгляд похудевшей, но собой!

Едва ли не улюлюкая от радости, помчалась в ближайший санузел, где вроде бы было зеркало. Очень уж хотелось увидеть свое родное личико! Я уж не чаяла обрести свой прежний облик.

Из зеркала на меня смотрела встрепанная и грязноватая девица, но лоб, нос, глаза, щеки и губы явно были моими. Правда щеки как-то странно ввалились, словно я все эти дни голодала.

– Но какая разница, если это я? – улыбаясь и плача от счастья, спросила себя и пожала плечами.

Следующие полчаса я пребывала в полном блаженстве, а ведь когда-то не представляла, какое это счастье – быть человеком с доступом к благам цивилизации. Я умылась, вытряхнула мусор из волос и заплела их в тугую косу, а потом с наслаждением воспользовалась и остальными прелестями человеческого жилья. После всего этого я была готова любить весь мир и каждого в нем по отдельности.

– Кроме Кшиштофа! – напомнила я себе.

Радость тут же немного увяла. Беды, что свалились на мою голову, напомнили о себе и потребовали хоть какого-то решения. И была

парочка на самом деле важных, требовавших незамедлительного решения.

Я вернула себе свой облик, но не могу предстать перед всеми в ночной рубашке! Тем более перед Глебом. Я же сгорю со стыда еще до того, как смогу внятно объяснить ему произошедшее со мной.

Но и спрятаться не могу. Нужно дать знать, что я нашлась, все рассказать и описать Кшиштофа, чтобы его нашли маги и жандармы.

Объясняться лучше всего с Ковальским. Он не похож на того, кто надумает себе всякого, не разобравшись. А мне нужен лояльный человек в рядах правопорядка.

Обдумывая свои действия, я еще раз умылась и вышла из ванной комнаты. Для начала стоило найти какую-нибудь одежду и обувь... Но вряд ли что-то подобное было в этом доме.

– Хракс! – искренне выругалась я.

Вспомнился родной дом, где остались все мои вещи. Но я ведь туда не добегу! За окном уже светает. И пусть все еще идет дождь, я рискую кого-нибудь встретить.

Дом Глеба ближе...

Эта мысль показалась мне более здоровой и реалистичной.

– Если стащить у следователя кое-что из вещей, ключи, быстро сбежать... Вернуться... – рассуждала я, вертя идею так и эдак. – Стоит рискнуть! До пробуждения Ковальского еще часа два, наверное. Я успею.

Приняв решение, я осторожно подступилась к лестнице и крадучись направилась вверх.

– Лишь бы не разбудить, – на грани слышимости пробормотала я себе предупреждение.

До спальни я шла несколько минут, боясь наступить на скрипучую половицу. А мысленно корила себя за тот шум, который уже произвела ранее. Что мне мешало задуматься раньше? Могла же предстать перед Глебом во всей красе! После такого уже ничего и объяснять не надо, от стыда закопалась бы прямо в пол.

Дверь в спальню чуть скрипнула, и я обмерла, застыв памятником самой себе. Не хватало только грозди винограда или кувшина – статуя мраморная, одна штука.

Снова дышать я начала через минуту, так и не услышав звуков из комнаты. Боясь открыть дверь полностью, проскользнула в небольшую

щель и воровато осмотрелась. Спальня была большой и светлой, с одним окном, гардины на котором сейчас раздернуты в стороны. Но я и так видела бы все достаточно четко. Мое зрение, похоже, еще не до конца вернулось к привычному, оставаясь более четким, звериным.

Кровать занимала значительную часть комнаты и представляла собой гигантское лежбище, вырезанное из белого дерева. На этой кровати Ковальский как-то терялся, хотя все же представлял собой весьма пикантное зрелище.

Я невольно шагнула ближе, не в силах не любоваться открывшимся видом. Одеяло в светлом пододеяльнике сбилось в сторону, открывая взгляду широкие плечи, мерно вздымающуюся грудь, плоский живот и узкую полоску темных волосков. Глеб спал на спине, подложив под голову согнутую в локте руку и поджав одну ногу. Во сне его лицо расслабилось, делая рейяна моложе. На фоне спокойного лица нахально полуобнаженное тело смотрелось столь вызывающе и соблазнительно, что я не устояла и подошла еще ближе. Тянуло наклониться и потрогать темную гладкую кожу, убеждаясь, что она такая же теплая, какой выглядит.

«Клара, остановись!» – хотела было одернуть себя, но руку я уже протянула и даже почти коснулась плеча, когда Глеб открыл глаза...

На несколько секунд мы оба замерли. Я перепуганно смотрела в глаза следователю, а он сонно разглядывал мое лицо.

– Клара... – хрипло выдохнул он и перехватил мою руку, от чего я потеряла равновесие и банально свалилась на Ковальского.

«Все. Финиш!» – решила я, кусая губы и пытаясь не вскрикнуть. Я ждала реакции Глеба, но тот лишь тихо сопел мне куда-то в волосы, обнимая рукой за талию.

– Глеб? – шепотом позвала я, через минуту смирившись с любым исходом. – Что?..

Ковальский что-то невнятно пробормотал, перевернулся на бок, подгрёб меня к себе, крепко сжав руками, и задышал ровнее.

«Хракс!» – только и могла подумать я, чувствуя, что не вырвусь, не разбудив рейяна. Мой нос упирался Ковальскому в грудь, а ноги были прижаты его ногой.

И вот что теперь делать?

После недолгого раздумья решила, что немного позже, возможно, смогу выбраться. Нужно лишь подождать, пока Глеб ослабит хватку.

«А пока... А пока будем лежать», – подумала я, вдыхая знакомый и приятный аромат жимолости и мяты.

* * *

Холод пронизывал до самых костей, туман застилал обзор. Глеб поднял ворот пиджака и поежился. Хотелось поскорее убраться из этого места, найти источник тепла. Но туман мешал с поиском направления. Да и что-то удерживало рейяна на месте. Какая-то мысль. Или воспоминание? Он должен был что-то сделать... Но что?

«Почему я не помню?» – спросил он себя, нахмурился и медленно побрел вперед, надеясь найти хоть какой-то ориентир.

Туман не желал расступаться, но сквозь него кое-где проступали крыши и шпили, высокие деревья и склоны. Ковальский узнал местность, хотя никогда прежде Броцлав не окутывал столь плотный туман. Но не узнать верхушку старой крепости на Высоком Бреге и шпиль городской ратуши было нельзя.

«Но почему я здесь? – удивился следователь. – Сколько сейчас? Рассвет?»

За пределами туманного марева слышался приглушенный шелест: дождь выстукивал один ему ведомый ритм по черепице, булыжникам мостовой, воде, листьям и траве. Под ногами чавкала земля. Кое-где даже просматривались лужи, в которых корабликами кружили желтые и багряные листья.

«Так что?..»

Внезапным ответом Ковальскому стал смех. Мягкий и радостный смех. Глеб никогда его прежде не слышал, но сразу понял, кому принадлежит голос. И вместе с этим пришло понимание. Он здесь, чтобы найти Клару.

Рейян рванул вперед, пытаясь хоть что-то увидеть сквозь туман, но тот плотной стеной окружал его. Следователь надеялся вновь услышать голос девушки, но до него долетал лишь шелест дождя.

Потребность найти Клару заглушала рациональные вопросы, и старший следователь просто кружил в тумане. С каждой секундой его паника усиливалась.

– Клара! – позвал он, не надеясь на отклик. – Клара!

Его голос тонул в тумане.

– Клара!

Внезапно рядом возникло что-то теплое. Это тепло проникло под кожу, проскочило искрами до самого сердца, вынудив рейяна вздрогнуть. Он обернулся.

– Клара, – выдохнул Глеб, всматриваясь в замершую близко-близко рейну.

Она чем-то напоминала туман, окружавший их: белое одеяние, бледная кожа. Лишь яркие глаза наполнились светом и теплом да волосы темнели в предрассветной серости.

– Клара, – беззвучно произнес Ковальский и схватил рейну за руку, боясь, что она растает, как туман под лучами солнца.

Девушка была теплой, живой, настоящей. Ее волосы пахли лимоном и зеленым чаем. Вдыхая эти ароматы и прижимая теплое тело к себе, Глеб улыбнулся и подумал: «Не отпущу».

Глава 2

Следствие хоть и велось...

Глеб проснулся с блаженной улыбкой на устах. Он помнил свой сон и радовался ему как ребенок. На душе было светло и тепло. Тепло же исходило от чего-то, что он прижимал к себе. Мужчина потянулся, придвинулся к источнику тепла, ожидая вновь почувствовать такое необычное сочетание – лимон и зеленый чай. Но учуял лишь терпкий аромат леса и шерсти. Удивившись, Ковальский открыл глаза и тут же с сожалением зажмурился.

– Это был только сон... – пробормотал он с горечью. – Только сон.

На широкой кровати рядом с ним спала не рейна Новак, а крупная и лоснящаяся псина, ставшая его напарником совсем недавно. А он... Размечтался!

Поморщившись, старший следователь откатился в сторону и еще раз горестно вздохнул. Если бы в жизни все было бы так просто, как в снах!

Полежав еще немного, пытаясь унять разочарование, Глеб поднялся и отправился в душ. Впереди ждал тяжелый день и дело, распутать которое нужно как можно скорее.

* * *

Очень хотелось прикрыть глаза рукой... лапой, но я этого не сделала, а нахально проводила Ковальского взглядом до двери в ванную.

Ух! Ничегошеньки не понимаю в мужчинах, но со спины... Хорош! Зверь во мне даже предложил куснуть кое-какие интересные места, но я одернула себя, вспомнив, что совсем недавно уже наградила Глеба некоторым количеством непредусмотренных дырок в организме. С него пока хватит.

Прикрыв глаза, я снова вызвала воспоминание о только что увиденном и мысленно заулыбалась. А когда вернулась в реальность, то тут же вспомнила, как обернулась человеком ночью.

«А теперь я снова собака», – погрузившись, напомнила себе.

Глеб вернулся из ванной уже умытым и причесанным. И даже частично одетым. Я опять пропустила часть происходящего вокруг. Очень интересного происходящего!

Почему-то мысль о моем странном ночном состоянии расстроила не сильно. Почему-то не было сомнений, что мне вновь удастся перевоплотиться. Пусть не сейчас, но потом.

С воодушевлением слопа яичницу с кусочками поджаренного хлеба, пока Ковальский пил кофе и жевал какой-то сложный салат из зелени, фруктов и поджаренных ломтиков мяса, под мелкий дождь я выскочила бодрая и даже веселая. А вот Глеб недовольно скривился, одернул пиджак и хмуро заявил:

– На работу только через визит на старую квартиру. Холодно.

В итоге в управление мы явились с опозданием, но следователь уже не выглядел недовольным на весь белый свет. Еще бы! Это у меня шерсть и мощные лапы, которым не страшны холод и сырость, а рейяну пришлось переодеваться в гораздо более теплую одежду. И я с удовольствием наблюдала процесс, оценив и уютный серо-зеленый свитер, и идеально сидящий шерстяной костюм, и ботинки на толстой подошве, и темно-зеленое пальто, из-за которого волосы Глеба казались рыжее, а глаза внезапно из голубых стали зеленовато-серыми.

– Доброго всем утра, – поприветствовал управленцев старший следователь, сбрасывая пальто в предбаннике. – Как наши дела?

– Кое-что удалось собрать, а кое-чего даже много, – ответил Влодек, указав Ковальскому на высокую стопку бумаг на его столе. – Ты ведь сам решил, что нужно расширить круг поисков, чтобы не пропустить. Вот нам и прислали...

Часть бумаг лежала на столе самого Завацкого, но явно меньше, чем у Глеба. Заметив это, старший следователь вздернул бровь, желая получить объяснения.

– Это все Петшиковский, – со вздохом ответил младший управленец. – Передал «просьбу» найти для нашей гостии интересные дела... – Завацкий поморщился. – Причем выставил эту задачу приоритетной.

– Хракс ему в печень! – зло выдохнул Глеб. – Он будто специально!

Влодек покивал, соглашаясь с мнением коллеги.

– А Вольшек где?

– А он в хранилище, – пояснил Завацкий. – Мы договорились, что он, как тот, кто дольше работает в нашем управлении, отберет дела, а я просмотрю, отсортирую и выберу десять – двадцать наиболее ярких. Если повезет, рейна Пштиль пару недель только и будет, что их читать. А мы к работе вернемся.

Ковальский покивал, прошел к своему столу и отодвинул стул. Я привычно уже скользнула под окно за его спиной, но улеглась так, чтобы краем глаза видеть документы на столе старшего следователя. Интересно, что удалось собрать.

Я помнила рассуждения Глеба, но пока не могла видеть всю картинку целиком. Да и как-то не верилось, что отец связан с шахтами в Откопанах. Может... старший следователь ошибся?

Не подозревая о моих тягостных думах, Глеб сосредоточенно изучал переправленные для него копии документов. На папках были какие-то цветные ярлычки, явно понятные рейяну, потому как он хмыкал, пролистывая те, что имели зеленые отметки.

– Медицинскую отчетность смотришь, Глеб? – дал мне подсказку Давидовский, входя в отдел с кипой документов. – И как?

– Пока ничего интересного, – отозвался Ковальский. – Чтобы найти все звенья одной цепи, надо просмотреть все.

– У тебя на это недели уйдут! – недовольно предупредил Вольшек. – Это же еще не все. Как ты и просил, мы у всех запросили данные. Неужели сможешь собрать цельную картину?

– Посмотрим, – пожав плечами, ответил Ковальский. – Нужно хотя бы попытаться. Добровольно нам никто ничего не расскажет. Можно, конечно, попытаться надавить на рейяну Мнишек... Но... по ней документы еще не доставили?

– Завтра должны быть, – отрапортовал Влодек, оторвавшись от сортировки бумаг. – Вместе с остатками запрошенных тобой материалов. Но, Глеб, ты уверен? Тут рыть и рыть, чтобы хоть что-то найти. А ты еще и газетные подшивки затребовал за десять лет!

Ковальский вздохнул, видя недоверие коллег, и спокойно сказал:

– Пока это единственный способ найти хоть что-то. У нас есть лишь догадки, но нет фактов. Хотя бы одного факта, который бы дал шанс размотать всю эту историю, как клубок ниток.

Не успел старший следователь вернуться к бумагам и углубиться в чтение, как я невольно дернулась и взрыкнула, услышав drobный стук каблучков.

– Что такое? – обернулся ко мне Ковальский, но ответа не потребовалось. Ответ собственной персоной явился в отдел, сверкая очами, ожерельем и лаковыми алыми ботиночками.

– Доброе утро, дорогие рейяны следователи! – задорно поздоровалась Зузанна Пштиль и крутанулась на месте, явно желая продемонстрировать свой очередной образ, для виду же следя за тем, как помощник вносит в комнату печатный агрегат.

Надо сказать, было что оценивать. На этот раз рейна облачилась в мягкий и пушистый белый свитер, твидовые широкие брюки цвета спелой сливы и песочно-карамельное пальто с клетчатой подкладкой. Образ лишь немного портила неидеальная укладка, чуть красноватые и припухшие глаза.

Управленцы нестройно ответили. Глеб коротко кивнул писательнице и вернулся к бумагам. Рейна на это лишь обиженно поджала губы.

Вчера после ужина Зузанна всячески семафорила следователю. Да так, что и я отчетливо прочла все ее намеки. Да и что там расшифровывать, если блондинка едва ли не прямым текстом за чашкой чая намекала на выпроваживание бабки Мазены и продолжение общения. Более приватного общения.

Была бы я в тот момент человеком, подавилась бы воздухом. А вот Глеб не только понял, закашлялся, а еще и постарался сделать вид, что внезапно отупел, оглох и ослеп. И выпроваживал он не только бабу, но и рейну Пштиль. Вот только блондинку просто выставить при всем желании не получилось бы, пришлось Ковальскому ее провожать и настраивать магический портал. Об этом я узнала, глядя в окно. С собой меня никто не взял. Как итог, я очень извелась, сидя в четырех стенах и представляя, что и как нахальная Зизи говорила рейяну по пути к гостинице. Даже опасалась, что Глеб не вернется до утра.

А он вернулся, долго ворчал себе под нос, отмывая посуду, и спать ушел весьма мрачный. И теперь выходило, что пропустила я что-то весьма и весьма важное. И как теперь узнать подробности? Или не стоит узнавать? Еще расстроюсь.

С другой стороны, не было Ковальского не так уж и долго. А сейчас эти двое явно друг другом недовольны. Я слишком мнительна!

– Максим, сюда, – разрывая затянувшуюся паузу, сказала рейна Пштиль, желая, чтобы помощник подвинул машинку на другой край стола. – Тут лучше свет.

– Да, Зизи, – смиренно отозвался рейян Штакель. – Сейчас.

Маневр я поняла через пару минут, когда писательница, вооружившись карандашом и стопкой отпечатанных вчера листов, начала вышагивать туда-сюда рядом с помощником. Хотя в отделе и было достаточно места, но выходило так, что блондинка мельтешила прямо перед Глебом, при каждом проходе обдавая его ароматом дорогих и теплых духов.

– Да, хорошо, – кивая собственным мыслям, сказала рейна через какое-то время. – На чем мы там остановились?

Она повернулась к помощнику и наклонилась так, чтобы прочитать последние абзацы с заправленного между валиками листа. Я невольно фыркнула, глядя на стратегически выверенную позу блондинки. А нахалка! Куснула бы в воспитательных целях, да дорогих брючек жалко. Да и что я, какая-то невоспитанная псина, чтобы тащить в рот чей-то филей? Хватит с меня того, что Ковальский все еще с бинтами ходит, хоть и не жалуется.

* * *

«Тьфу! – про себя выдохнул Глеб, вынужденно рассматривая тыл Зузанны Пштиль. – Собаку, что ли, науськать? Пусть бы цапнула. Госпиталь у нас хороший, пролечат качественно. А за это время, надеюсь, у дамочки идея фикс пропадет».

То, что он интересен блондинке лишь как трофей в коллекцию, Ковальский понял сразу. И кому-то, возможно, такое бы и польстило, но Глеб уважал себя достаточно и не желал себе чего-то подобного. Да и не видел он смысла в коротких романчиках ради спортивного интереса. Воспитывали его совсем не так. Вот только Зузанна Пштиль, похоже, не привыкла отступать без борьбы.

Покачивая головой, старший следователь вернулся к папкам. В каждой отдельный лист был выделен под выпускника медицинского образовательного учреждения королевства. И за десять выбранных Глебом лет таких листов набралось на десяток толстых папок.

«Хорошо хоть виталистов в магакадемию поступает гораздо меньше. Их на курсе всего по пять человек, не больше», – глядя на уже просмотренное и то, что осталось, подумал Ковальский.

Карьеру каждого медика хоть кратко, но учреждения отслеживали. Зачем и для чего – никто толком не знал. Но сейчас это сильно помогало в поисках, ведь на сотню выпускников приходилось не более пары-тройки тех, кто выпал из системы или куда-то исчез. И данные именно этих людей Глеб выписывал, собираясь в дальнейшем как-то узнать их судьбу. Если повезет, какие-то имена повторятся в отчетах других ведомств. Но пока никто не вызывал у мага достаточно интереса.

– ...это не очень любопытно.

Отвлечшись от чтения, старший следователь прислушался к диалогу рейны Пштиль и Влодека. Блондинка задумчиво перебирала предложенные ей дела, читая названия.

– Это было аж сорок лет назад? Старье...

– Зато увлекательное дело! – заверил Зузанну Завацкий. – Арест лжепрорицателей, устроивших гастролы по королевству.

– Мм?... Магконтроль смог как-то доказать, что они обманщики? – удивилась писательница. – Если я ничего не путаю, этому направлению магии не учат в академии. Только от учителя к ученику, да и это не показатель, ведь прорицание – весьма тонкая наука, не поддающаяся какой-то систематизации...

– Ну... – хмыкнул Влодек. – Местные управленцы не занимались какими-то... тонкостями. Просто поступила весть из Клецка, что там гастролеры взяли деньги за пять выступлений, а провели четыре. Ну а про обман все стало ясно, когда эти липовые прорицатели не смогли предугадать собственное задержание.

Рейна хмыкнула и отложила дело в сторону.

– А это что?

– О! А это дела, описные листы к которым делал один жандарм... – усмехнулся Влодек. – Он уже местная легенда. Проработал от силы месяца полтора, прежде чем его выгнали.

А следователю, который даже не проверял записи, тогда сделали выговор.

– Да, было весело, – согласился Давидовский. – Я пришел сюда работать за месяц перед этой историей. Тот следователь был моим первым начальником. – Рейян усмехнулся. – Он вообще был ленив настолько, что спал половину рабочего времени, закинув ноги на стол и накрывшись пиджаком.

– «Труп мужчины примерно сорока лет, лежит на спине, ноги вытянуты вдоль тела, грудь едва вздымается...» – прочла блондинка первую попавшуюся фразу, раскрыв дело из подборки. Моргнула и перечитала про себя. Открыла следующую папку. – «Следов преступления на месте преступления не выявлено».

– Да, – усмехнулся Завацкий. – И так всюду.

– Э-э?.. «Лицо подушкообразной формы», – прочла Зузанна и хихикнула. – «Имеются три желто-зеленых подтека числом пять».

Глеб не удержался и улыбнулся. Сам он эти перлы читал в первый год работы, Давидовский подсунул. Они тогда долго не могли успокоиться, вслух зачитывая особенно удачные.

– «Подозреваемый нанес оскорбление потерпевшему путем удара ножом в спину», – уже откровенно хихикала Зузанна Пштиль. – Это надо взять на заметку. «На правой половине лица имеется кровоподтек в виде синяка».

Даже собака издала какой-то звук, весьма похожий на смешок. Глеб улыбнулся и вернулся к чтению. У него было еще очень много работы.

Глава 3

О честных и порядочных людях

В этот раз я проснулась резко, как от толчка. И сразу же поняла, что вновь вернулась в человеческий облик. Быстро обведя взглядом гостиную нового дома Ковальского, я убедилась, что разбудил меня не сам Глеб, а какой-то звук вне дома. Было ли то бревно, ударившееся в стену дома и унесенное дальше течением Больша-Бялы, или крик ночной птицы, устроившей охоту неподалеку, я не знала. Но была рада пробуждению.

– Как же все-таки хорошо быть человеком, – потянувшись, пробормотала я. – Хотя в шкуре зверя есть свои преимущества.

Отрицать это было глупо. В каком-то смысле я наслаждалась своими возможностями во втором облике. И в иных обстоятельствах даже порадовалась бы подобному приобретению. Если бы только ценой за звериную шкуру не стала жизнь отца...

Смахнув выступившие слезы, я порывисто встала и направилась на кухню. Стоило воспользоваться выпавшей возможностью и побыть человеком в полном смысле.

– Никогда бы не подумала, что выпить стакан воды... это такое наслаждение, – усмехнулась, рассматривая себя в отражении оконного стекла. – Не из миски, а вот так, держа его рукой.

Но на эту ночь у меня были более глобальные планы. Стакан с водой стал лишь мизерной их частью. Дальше я направилась в ванную на первом этаже и, стараясь производить как можно меньше шума, встала под обжигающе горячий душ.

Какое же это блаженство! Кто бы мог подумать?!

Этим вечером после работы Ковальский перенес часть своих вещей на новую жилплощадь, и в ваннных появились и мыло, и другие так необходимые предметы. Чем я и воспользовалась, с наслаждением намыливая тело и волосы.

– Мм! – только и могла выдавать я, нежась под горячими струями. – Какое же счастье!

Остановиться смогла лишь тогда, когда кожа стала розовой от жара, а волосы закрипели от чистоты. Не хватало лишь привычного

дома аромата косметики, которую папа делал специально для меня, но ничего не поделаешь. Не бежать же домой за любимыми средствами.

«Да и опасно это, – пришло внезапное озарение. – Кшиштоф все еще не получил то, ради чего искал моего отца. В зверином облике я хотя бы могу как-то отбиться. Все же клыки и когти в наличии. А человеком? Да он меня придушит в считанные секунды! Да и наличие под боком Глеба оберегает от внимания этого опасного человека. Так что, Клара, не дергайся. Сиди тихо под крылышком у Ковальского и не рыпайся лишний раз. Только по обоснованной причине».

Вытершись пушистым полотенцем цвета густой лесной зелени, я осмотрела ночную сорочку, в которой провела все эти дни. При перевоплощении она так и оставалась на мне, ставя в тупик при мыслях о законах подобных преобразований, ведь на звере никакой одежды уже не было. Но, так или иначе, ничто не защищало белую ткань от загрязнений, и моя ночная сорочка за эти дни стала серой с зелеными разводами – последствия купания в реке и валяния на разных поверхностях в зверином обличье. Ходить так и дальше было нельзя, и я надолго прикусила губу, ища приемлемый выход. И тот был лишь один: подняться и немного ограбить старшего следователя, постаравшись утащить то, чего он в ближайшее время не хватится.

Помявшись немного и едва не искусав губу до крови, я решилась. Понадеялась лишь на то, что в этот раз Глеб не проснется в самый неподходящий момент.

На второй этаж поднималась максимально осторожно, а к шкафу кралась едва дыша. Порадовалась, что наблюдала за тем, как Ковальский раскладывал свои вещи, а то в темноте вряд ли бы справилась с опознанием разных элементов одежды.

От вещей рейяна приятно пахло уже знакомыми ароматами – жимолость и мята. Я невольно улыбнулась, касаясь пальцами рубашек, брюк, свитеров, пиджаков. Немного подумав, стащила с верхней полки один из свитеров, помня, что тот при беглом наблюдении за процессом показался мне старым и растянутым. Вряд ли Глеб его быстро хватится.

Остальную одежду трогать не стала. Брюки мне определенно велики, а искать ремень в полутьме весьма опрометчиво с моей стороны. Уже на первом этаже, прикрыв за собой дверь кухни и включив свет, рассмотрела улов. Свитер оказался серо-бежевым,

с треугольным вырезом и растянутой резинкой на манжетах. На мне, даже при моем довольно высоком росте, смотрелся больше платьем. Неприлично коротким, до середины бедра, но платьем. Да и вырез вышел весьма пикантным, открывая взору верхнюю часть груди.

– Зато чистый и теплый, – утешила я себя, не зная, то ли поддержать добычу повыше, то ли, наоборот, натянуть пониже.

Ночную рубашку я припрятала подальше, запихав вглубь шкафа в прихожей. И там же обнаружила стопку совершенно новых толстых носков. Их то ли забыли предыдущие съемщики, то ли бабка Мазена положила специально для нового жильца. Я разбираться не стала, без мук совести утащила верхнюю пару.

И, кое-как утепленная, вернулась на кухню. После всех волнений мне до звездочек в глазах хотелось выпить кружечку кофе.

* * *

Глеб перебирал страницы присланных ему отчетов и недоумевал: на всех листах была плохо пропечатанная фотокарточка Клары Новак. И со всех снимков девушка улыбалась Ковальскому той мягкой улыбкой, которую он видел у нее лишь однажды и после часто жалел, что направлена она была не ему. И теперь его сердце разрывалось от тоски, горечи и толики раздражения. Он же просил отчеты, зачем ему прислали сотни снимков Клары? Тем более он не мог на нее смотреть без чувства вины.

– Я должен найти ответы и спасти тебя, – повторял он снимкам раз за разом. Старший следователь не верил, что с девушкой случилось нечто непоправимое. Казалось, нужно лишь найти верные ответы – и рейна Новак появится перед ним живая и невредимая.

И, будто отвечая его тайному желанию, скрипнула дверь, впуская в помещение высокую стройную девушку, облаченную в темно-коричневое платье и серебристо-серые туфельки.

– Глеб, – улыбнулась девушка, пересекая комнату.

– Клара? – недоверчиво спросил рейан, вглядываясь в ту, что занимала все его мысли последние дни. – Как ты здесь оказалась? Где ты? Где ты была?

– Тш... – подойдя вплотную и наклоняясь, усмехнулась рейна Новак, а потом прижала тонкий пальчик к губам Глеба. – Зачем столько вопросов? Я ведь уже здесь.

– Ты здесь... – повторил за ней Ковальский, заворуженно следя за тем, как Клара с улыбкой опустила к нему на колени. – Что ты?..

Договорить старшему следователю не дали. Девушка обхватила его шею ладонями и осторожно поцеловала в губы. Глеб вздрогнул от неожиданности. Прикосновение казалось мимолетным и прохладным, как скользнувший по губам лепесток цветка, но по телу рейяна прокатилась волна жара, дурманя голову. В следующий миг он сам обнял девушку за талию, привлекая ближе, и бережно вернул поцелуй, внимательно следя за реакцией. Клара не отстранилась, улыбнулась и позволила прижать себя теснее. В ее карих глазах плясали искорки радости.

– Клара... – прошептал Глеб, перед тем как вновь поцеловать рейну, но на этот раз иначе, по-настоящему, до боли стискивая ее в объятиях.

И в следующий миг его руки нащупали лишь пустоту.

* * *

– Клара! – сев в постели, выдохнул Ковальский и непонимающе огляделся. Еще секунду назад он сидел за рабочим столом, смотрел бумаги, так как он оказался в собственной спальне в новом доме? – Это был только сон?

Разочарование и боль накатили на старшего следователя оглушающей волной. Хотелось рычать от обиды, разнести все вокруг магией. Хоть как-то унять те сильные эмоции, что сейчас завладели и душой, и телом.

Просидев несколько секунд и едва не разорвав в клочки простыни, которые стискивал пальцами до жалобного треска, Ковальский начал постепенно успокаиваться. Вернулась способность здраво мыслить, и Глеб сам себя укорил за то, что не смог отличить сна от реальности.

– Ты глупец, – сказал он себе. – Клара никогда бы не сделала ничего подобного. Ты принял желаемое за действительное. Рейна

Новак скорее будет с тобой вежлива, даже мила, но никогда не бросится на шею. Тем более... первой.

Вздохнув, Ковальский поднялся и натянул домашние брюки. Стоило спуститься вниз и выпить стакан воды, чтобы окончательно унять нервы после столь яркого сна. Но, пройдя лишь до лестницы, он с удивлением унюхал аромат свежесваренного кофе и насторожился. Сам рейян пил сей напиток утром, а после успел вымыть чашку, так что запах не мог висеть в доме почти сутки.

Дернувшись, он быстро сбежал вниз, чудом не задев скрипучую половицу у основания лестницы, и ворвался на кухню, успев напридумывать себе с десятков версий происходящего. И, пораженный, замер на пороге, глядя на силуэт у окна.

Свет луны мягко очерчивал тонкий гибкий стан, будто обнимая хрупкую фигуру за плечи тончайшей серебристой шалью. Густые темные волосы рассыпались по плечам, завиваясь на концах кольцами. Слишком большой для девушки свитер прикрывал все лишнее, но слишком явно подчеркивал стройность и силу длинных ног, ступни которых были трогательно скрыты грубоватыми теплыми носками.

Глеб никогда не видел ее такой... Он не знал, какое слово выбрать. Домашней? Соблазнительной? Расслабленной? Но рейян точно знал, что спиной к нему у окна с чашкой кофе в руке стоит Клара.

Ковальский неуверенно сглотнул и шагнул вперед, боясь, что и это видение растает так же быстро, как его сон.

«Пожалуйста», – шепнул он мысленно, а потом повторил уже вслух, едва слышно:

– Пожалуйста...

Три длинных шага казались Глебу вечностью. Его потряхивало от неизвестности. От ожидания очередной порции разочарования.

Он замер в метре от Клары, вдыхая аромат кофе, мяты, рассматривая хрупкие лишь на первый взгляд плечи, длинную шею в широком вороте свитера. Почувствовав чужое присутствие, рейна вздрогнула и порывисто обернулась, едва не выронив чашку.

Глеб не медлил. Он шагнул ближе, обнимая девушку со спины, прижимая к себе. Клара издала какой-то невнятный звук, но не дернулась, не стала вырываться, а замерла в его руках.

Несколько секунд они стояли неподвижно, слыша лишь стук своих сердец и шелест дыхания. Ковальский боялся нарушить тишину,

уверенный, что на этом все закончится. А так хотелось насладиться моментом, впитать тепло, исходящее от девушки, запомнить его, сделать частью себя.

– Глеб... – услышал он шепот, но лишь зажмурился и уткнулся носом в макушку Клары. От ее волос пахло его мылом, но сквозь знакомый аромат пробивалось и что-то иное, свежее и нежное, принадлежащее лишь Кларе.

Глубоко вздохнув, девушка осторожно развернулась к Ковальскому лицом, он поймал ее чуть настороженный взгляд, но не дал ничего сказать, притянул ближе и с горечью впился в манящие, пахнущие кофе губы.

* * *

«Что?» – только и успела подумать я, когда ко мне со спины подобрался старший следователь. Я так увлеклась, что не слышала ни скрипа половиц, ни чужого дыхания. И оказалась застигнута врасплох. Но вместо вопросов Глеб меня просто обнял, и в этом объятии было столько отчаяния и тоски, что я невольно замерла, боясь нарушить какой-то странный, но удивительный момент.

Мы никогда не были толком знакомы, мы не перекинулись и сотней слов за все эти годы, но здесь и сейчас, в мягком и все понимающем свете луны, мне казалось, что так было не раз. Эти объятия, это тепло... Все казалось знакомым и родным. Надежным. Уютным. Любимым.

Сердце защемило. Хотелось что-то сказать, но я не знала слов, способных передать все те чувства, что волной обрушились на меня в эту минуту.

Но я все же развернулась, ведь больше объятий мне хотелось увидеть взгляд Глеба. Увидеть и увериться, хотя бы на тот срок, пока луна покинет небо и яркий дневной свет избавит меня от иллюзий, что все будет хорошо, все уладится.

Поцелуй стал неожиданностью, но я не отпрянула. Наоборот, подалась вперед, в одно мгновение обо всем позабыв. И первой углубила поцелуй, требовательно, почти по-звериному выгнувшись в сильных руках. То, что мгновенно вскипело в крови, передалось и

Глебу. Поцелуй из осторожного стал жадным и стремительным. И когда рейян, подхватив меня под пятую точку, усадил на подоконник, коленом раздвинув ноги, я не только не стала сопротивляться, но довольно заурчала ему в шею, посылая по спине мужчины волну мурашек.

«Да, – только и могла думать я, не рассуждая о последствиях, не думая о будущем. – Да!»

Ни смущения. Ни тревоги. Лишь бурлящий в крови жар.

Прогнувшись и слегка ударившись затылком о стекло, я подставила шею под горячие губы, а живот и грудь – под сильные, но удивительно чуткие пальцы, проникшие под свитер.

Хотелось прижаться еще теснее, обхватить плотнее, но что-то мешало. Я недовольно поморщилась и покосилась на правую руку. И с удивлением осознала, что все еще держу чашку, из которой пила кофе. И в свете луны было отчетливо заметно, как эта рука медленно, но необратимо покрывается шерстью...

«Хракс!» – мысленно вскрикнула я, осознавая, что тут, прямо на глазах Ковальского, превращаюсь в собаку. И пройдет всего несколько секунд, прежде чем он тоже осознает происходящее, а я не знаю, что делать.

Покосившись на темную макушку прямо перед собой, я сглотнула, а потом с размаху ударила Глеба чашкой по голове.

– Прости... – в ужасе выдохнула я, глядя, как маг мешком валится мне под ноги. – Ты ведь не понял бы. Вот так сразу...

Ковальский мне не ответил. Он валялся на полу среди осколков, с комочками кофейной гущи на волосах и одежде.

– Надо что-то делать. Быстро, – одернула я себя, заметив изменения и на второй руке, но все же всхлипнула. – Нет времени лить слезы и просить прощения.

* * *

Глеб хмуро потер виски и тут же зашипел от боли, в который раз за день забыв о шишке и царапинах на голове. Утром, очнувшись на полу на кухне, следователь долго не мог свести концы с концами и объяснить произошедшее, а потом просто наплевал на странный

эпизод, решив подумать обо всем в свободное время. У него было много иных забот, и расследование стояло в самом верху списка. Но, отвлекаясь, рейян снова и снова задевал тонкую царапину у уха, оставленную разбитой чашкой. Влодек немного подлатал коллегу, но не до конца, и боль возвращала старшего следователя к мыслям о двух непонятных снах и собственных бессознательных перемещениях по дому.

– Ты слишком много думаешь о деле и о Кларе Новак, – предположил Завацкий, которому Глеб рассказал о случившемся в общих чертах. – Не ищи тут ничего таинственного. Наверняка сам встал ночью и сварил себе кофе.

Никогда не страдавший лунатизмом, Ковальский недолго хмурился из-за такого объяснения случившегося, а потом на все наплевал и занялся более важным делом – разбором бумаг.

– Уважаемый рейян Ковальский? – мягко позвала Зузанна, останавливаясь у стола старшего следователя. – Старший следователь?

Глеб без энтузиазма поднял взгляд от записей и вопросительно глянул на рейну Пштиль.

– А что вы храните во всех этих шкафах? – уточнила блондинка.

Писательница явно хотела вовлечь Ковальского в беседу, но Глеб, переведя взгляд на плохо прикрытые дверцы, внезапно просветлел лицом и вскочил. Обогнув удивленно вскрикнувшую рейну, старший следователь ринулся к шкафам и принялся быстро открывать ящики. Давидовский молча вздернул брови, Завацкий тихо хмыкнул, уже выучив, что его начальник ведет себя подобным образом перед тем, как найти важные улики или ответы на терзавшие его вопросы. Собака сонно приоткрыла один глаз, но тут же вновь зажмурилась и уткнулась носом в скрещенные лапы. И только Зузанна и ее помощник таращились на Ковальского в недоумении.

– В этих шкафах мы храним много чего, – стараясь быть вежливым, объяснил блондинке Вольшек. – В нашем деле нельзя полагаться только на закон и свой опыт. Существует множество нюансов... Порой может понадобиться что-то совершенно неожиданное. И у нас тут хранится много всего. Есть книги по демонологии, справочники по магии, старые и новые законники, сведения по прецедентным делам, подшивки газет, списки различных учреждений, карты...

– О! – выдохнула рейна и улыбнулась Давидовскому, но улыбка вышла фальшивой, а в глазах мелькнуло недовольство.

Глеб же, ничего не замечая, извлек из шкафов несколько папок и принялся яростно их листать, выискивая что-то одному ему ведомое.

– Ну вот же! – воскликнул он через какое-то время и схватил блокнот, намереваясь сделать несколько выписок.

– Что такое? – спросил Завацкий, приподнимаясь, но всех отвлек какой-то шум в коридоре, приближающиеся голоса и стук в дверь.

– Кого еще принесла нелегкая? – поморщился Ковальский, но от блокнота не оторвался, сосредоточившись на записях.

– Старший... Старший следователь! – пробасил от дверей жандарм Кебич, которому сегодня выпало дежурить в холле. – Я тут...

– Дайте же войти! – недовольно оборвал его рейян Войц.

Глеб с удивлением воззрился на ворвавшегося в управление музыканта. Микель Войц сменил домашний халат на темно-фиолетовый костюм-тройку и дорогущее темно-коричневое пальто с блеском, но из-за растрепанных седых кудрей выглядел не уважаемым жителем Броцлава, а склочным драчуном, которого притащили в жандармерию для составления протокола.

– Рейян Войц? Что произошло? – спросил Ковальский и, кивнув Кебичу, указал музыканту на стул у своего стола. – Присаживайтесь.

– Что случилось? – не понижая тона, воскликнул старик. – Это я вас спрашиваю, почему ничего не происходит?!

Маги слаженно переглянулись, и Глеб, хмурясь, опустился на собственный стул.

– Простите, уважаемый рейян Войц, но... о чем вы? – уточнил старший следователь.

Музыкант всплеснул руками, окинул Глеба возмущенным взглядом и заявил:

– Мои флоксы! Никто так и не потрудился компенсировать мне ущерб!

Влодек поперхнулся воздухом, а Зузанна Пштиль с явным интересом подалась вперед. Даже безучастный ко всему Максим покосился на старичка.

– Мм... – опешил Ковальский. Он и думать забыл о клумбах Микеля Войца, не до них было, да и не волновали они его с самого начала. – Рейян Войц, вы о чем?

– О компенсации! – твердо повторил скрипач. – Кто и когда компенсирует мне за повреждения?

– Видите ли, убит человек, мы ведем расследование, а ваши цветы... Это ведь только цветы, – помолчав с секунду, ответил старший следователь, не веря, что приходится обсуждать столь нелепую тему.

– Вот-вот, уже осень, – поддержал коллегу Завацкий. – От дождей ваши флоксы пострадают явно больше.

Войц взвился со стула как ужаленный, завопил, размахивая руками, и заметался по комнате.

– Да как вы можете?! Я! Я! Я заслуженный!.. Уважаемый! А вы!.. Вы!

Тут музыкант заметил собаку, крикнул и почти кузнечиком отпрыгнул подальше, уже яростнее продолжив:

– Я требую справедливости! Я переехал в этот город не для того, чтобы терпеть здесь весь этот беспредел! Мало мне было того, что через дорогу расположена аптека, так еще и с переездом этой... рейяны Мнишек совсем жить стало невозможно!

Глеб переглянулся с Влодеком, но не стал перебивать скрипача, ожидая, что же еще в порыве гнева он выскажет магам.

– У меня чуткий слух. Я просыпаюсь от любого шороха! Днем ладно, можно многое стерпеть, даже толпу, что снует туда-сюда с утра и до вечера, но ночью!.. – сверкая глазами, воскликнул рейян Войц. – Собаки! Эти... Пашкевич с Гончарек... две сплетницы! Я уж надеялся, что Новак будет приличным человеком, с пониманием, с воспитанием! А он... Никакой порядочности! Никакого такта! А ведь не мальчик! И туда же!.. Личная жизнь у него. – Мужчина недовольно насупился. – За мой счет! Ходят и ходят. Дверями стучат, каблуками. Шушукуются! Смеются. И ладно бы там... по понедельникам, средам и пятницам, а то даже без графика! А я просыпаюсь! Разве же честные и порядочные люди так поступают? И чем все закончилось? Новак мертв, у меня вытоптали все флоксы, а к этой Мнишек и неделю назад, и теперь все равно кто-то таскается по ночам.

Глеб хмыкнул и улыбнулся. Он уже не жалел, что оказался в управлении, когда заявился Войц. Приход соседа Новаков поставил на место еще пару моментов. Картина постепенно вырисовывалась.

– Уважаемый рейян Войц, – вклинившись между воплями музыканта, решительно начал старший следователь, – я понимаю ваши претензии, но Броцлавское управление магконтроля вряд ли способно вам помочь.

– Да вы...

– Вам бы к нашему мэру, – не дав мужчине продолжить, сказал Ковальский, – а лучше к шефу жандармов, рейяну Петшиковскому. Уж он-то явно сможет вам посодействовать в достижении справедливости. Тем более именно его подчиненные топтали ваши флоксы без должной осторожности.

Было видно, что Микель Войц воспрянул духом. Пользуясь этим, Глеб велел Завацкому:

– Влодек, проводи уважаемого рейяна в приемную шефа.

Младший из магов тихо хмыкнул, но кивнул и поднялся из-за своего стола.

– А мне нужно еще раз осмотреть дом Новаков, – тоже поднимаясь, предупредил старший следователь коллег.

Влодек заинтригованно глянул на приятеля, но был вынужден уйти.

– Ты что-то понял? – предположил Давидовский, когда Войц покинул комнату.

– Почти все, – усмехнулся Ковальский.

– Правда? – опешил Вольшек.

– Почти. Нужно лишь уточнить. Многое уточнить. И именно этим я и займусь, – с кивком сказал маг.

– О! Вы идете на место преступления? – обрадовалась Зузанна. – Можно мне с вами?

– Нет, – отрезал Глеб.

– Но!.. – возмутилась блондинка.

– Это не развлечение, а работа, – проигнорировав восклицание, продолжил Ковальский. – Но не переживайте, все самое интересное вы узнаете в тот же момент, что и остальные.

– Правда? – недоверчиво уточнила рейна Пштиль.

– Да, – спокойно подтвердил старший следователь и улыбнулся. – Мне пора. – Он встал и сдернул со спинки стула пальто. – Клара, за мной!

Дом встретил Глеба могильной тишиной и запустением. Всего за несколько дней место, где обитали прежде лучистая и яркая Клара Новак и ее добряк-отец, будто посерело, поросло невидимой пылью. Словно пропиталось дождями, что основательно обосновались в городе. Поблекли краски, посерели беленые стены на первом этаже, закричали половицы. И даже в воздухе витали сырость и холод.

Следователь передернул плечами, хотя ему и не было холодно в пальто, и принялся медленно обходить дом, в очередной раз рассматривая каждый предмет мебели, декора, каждую мелочь.

Собака медленно следовала за ним, то и дело замирая в разных частях дома. Ее уши обвисли, а шерсть как-то враз потеряла блеск, будто и зверю передалась опустошенность покинутого дома.

– Где же твоя тезка? – спросил Ковальский, осматривая посуду на кухне.

В гостиной он ничего не приметил. С виду – в целом уютное место, но, если задуматься, в комнате не было ничего, что как-то характеризовало бы владельцев. Все обезличено. Обычный диван, обычные кресла. Плед, подобный которому можно купить и в Броцлаве, и в Вельне, и в Клецке, и в Гаруче, и в каких-нибудь Красных Будах далеко на востоке королевства. Да и в картинах не наблюдалось ничего примечательного: чуть выцветший лиенский пейзажик акварелью, гравюрное изображение Высокого Брега и тройка пристойных натюрмортов из цветов и фруктов. Что-то подобное мог купить и сам Новак, и его сбежавшая жена, и сосед-музыкант рейян Войц. Ни о вкусе, ни о пристрастиях жильцов картины не сообщали.

Чуть больше личного нашлось на кухне. Но Глеб сразу понял, что постаралась в этом Клара, а не ее отец. В шкафах и на полках стояло много разномастной посуды. Складывалось впечатление, что рейна Новак едва ли не каждый квартал покупала по паре-тройке новых тарелок и чашек, выбирая их по собственному настроению. Был здесь и тонкий, почти прозрачный дорогуший фарфор с голубой глазурированной росписью, и чуть грубоватые глиняные миски, расписанные природными мотивами и природными же цветами, и цветное стекло с резьбой и завитушками...

Но все эти предметы казались достаточно новыми. Ковальский никак не мог найти хоть что-то, что относилось бы к дальнему прошлому, то, что хозяин принес с собой из своей холостяцкой жизни как память.

У самого старшего следователя таковыми были вязанные бабушкой носки. Он их любил, носил с удовольствием, мирясь с колкостью шерсти, и не выбрасывал даже те, что истрепались до дыр. А еще большущая кружка, подаренная товарищами по академии. Кружка была нелепой, какой-то кривой и всякий раз веселила Глеба забавной надписью на боку: «Не спрашивай у коваля угольев, а у Ковальского конспектов». Рейян и сейчас помнил, как на первых курсах едва успевал на занятиях. Его с первых месяцев взяли помощником куратора, и будущий старший следователь разрывался между обязанностями секретаря-писаря при практикующем следователе, посещениями занятий и переписыванием пропущенных лекций. Но в итоге перед экзаменами у Ковальского каким-то чудом был самый полный конспект, которому завидовали его друзья-лентяи и который рейян не выпускал из рук до самой последней минуты. Так и появилась легенда и общая шутка о том, что Ковальский, как тот кузнец, у которого или нет углей, или самому нужны.

Улыбнувшись этой мысли, Глеб открыл угловой шкаф и тут же заметил на верхней полке весьма необычные емкости: набор из четырех латунных кружек, похожих на подстаканники из гномских поездов. Следователь снял одну кружку и хмыкнул, разглядывая немного помятый бок и рисунок, в который навечно въелась копоть: горы понизу и завитки облаков над ними.

— Ну вот, — хмыкнул Глеб. — Все и сошлось.

Собака, сидевшая в центре кухни, склонила голову набок, будто задавая вопрос, и Ковальский не удержался от пояснения:

— Теперь мне почти все ясно.

Он завернул кружку в кухонное полотенце и продолжил осмотр дома. Старший следователь вновь поднялся на второй этаж, прошелся по комнате Казимира Новака, постоял в спальне Клары, перед уходом тронув неровные стекляшки лампы, покрывшиеся пылью, и с печальной улыбкой спустился вниз.

— Пойдем, — позвал он собаку. — Я закончил.

На улице Ковальский некоторое время стоял, невесело подняв голову к небу, а потом сошел с тротуара и направился к дому Ирены Мнишек.

– Да? – отозвалась рейяна на стук немного раздраженно, а когда открыла дверь, то тут же мило улыбнулась. – Здравствуйте, следователь Ковальский. Что-то случилось? Вы... Вы что-то выяснили?

– Можно и так сказать, рейяна Мнишек, – вежливо ответил Глеб. – И, думаю, вы захотите узнать последние новости. Так что приглашаю вас завтра в управление. Часам к пяти вечера. Мы уже вызвали магов из столицы...

– Зачем? – искренне опешила женщина.

– Дело оказалось куда сложнее и... важнее, чем мы думали. Так что будет удобно всем и сразу все объяснить. А маги из столицы помогут с задержанием. Убийца Новака ведь все еще здесь.

– Мм... – выдавила рейяна Мнишек. – Хорошо, рейян Ковальский. Я приду. В пять.

Глеб кивнул, попрощался и неспешно направился прочь. Занятый своими мыслями, он даже не заметил, что до его разговора с Иреной Мнишек собака нырнула между изгородью и стеной дома женщины, затаившись среди кустов, а после не последовала за ним.

Глава 4

Охота на зверя

Как у нас говорят, знал бы, где клад, жил бы в Костанице. Вот и я, знала бы, чем обернется мое самоуправство, пошла бы за Ковальским.

Еще на подходе к родному дому я учуяла тот самый смрад, что уловила в банке. И все то время, что Глеб осматривал дом, я переживала и принюхивалась. Но несло не из дома, а с улицы, от жилья рейяны Мнишек. И я, на свою голову, решила остаться и проверить. Но, похоже, в тот день многие поступили неразумно.

Так, я затаилась в кустах возле дома соседки, следователь сделал опрометчивое заявление, а остальные управленцы решили разойтись по домам раньше, пообещав друг другу закончить дела утром...

Но обо всем по порядку.

Затаившись в кустах, я долго принюхивалась и оценивала то, что нанюхала, решив в конце концов, что запах свежий и яркий. Более насыщенный, чем в банке. И это подстегнуло мою решимость хоть что-то разузнать.

На мое счастье – или беду! – дом Ирены Мнишек я знала гораздо лучше, чем она сама, ведь долгое время в нем жила милейшая старушка, привечавшая меня как родную внучку. Благодаря этому не составило труда даже в зверином облике пробраться внутрь, нажав всем телом в нужное место хлипкой задней двери. Та, как и прежде, распахнулась беззвучно, позволяя проскользнуть в крохотный закуток рядом с кухней.

Стараясь не цокать когтями, я шагнула в дом и очень осторожно, помогая себе мордой и передними лапами, прикрыла дверь, оставив небольшую щель для дальнейшего отступления. Уж застрять в доме без возможности удрать мне хотелось меньше всего!

А стоило оказаться внутри, как до меня донеслись голоса со второго этажа. И оба их я прекрасно знала!

Рискуя быть раскрытой, я подобралась к лестнице и вслушалась.

– ...он может знать? – хрипло спросил Кшиштоф. – Что ты ему рассказала, Ирена?

– О чем ты, Кшишик? – возмутилась рейяна Мнишек. – За кого ты меня принимаешь? Я не выдала тебя!

Я слышала, как женщина нервно меряет комнату шагами, а мужчина чем-то недовольно и часто постукивает по какой-то деревянной поверхности, вроде подлокотника или столика.

– Тогда что ему удалось узнать? – напряженным голосом спросил Кшиштоф. – Ты же говорила, что этот мальчишка толком не нюхал серьезных дел, что в этом вашем Броцлаве застойное болото и магконтроль занимается разве что мелкой контрабандой или случайными магическими всплесками. Так с чего вдруг этот Ковальский заявляет, что он уже все понял? Что он понял, Ирена?

Рейяна Мнишек на миг замерла, а потом истерично вскричала:

– Я не знаю! Я не знаю! Я не знаю! Что ты хочешь услышать, Кшишик? Я была осторожна, я придерживалась нужной версии. В конце концов, не только ты потратил больше двадцати лет, чтобы выследить Гольшанского. И не только тебе это было важно! Я тоже имела право и на компенсацию, и на месть!

– Не ори на меня, – с нажимом ответил Кшиштоф. – И не надо мне рассказывать о правах, Ирена. Это не ты там была, не ты пострадала...

– Я потеряла мужа! – возмущенно выкрикнула рейяна Мнишек. – И ты тоже в этом виноват!

Скрипнули пружины, словно кто-то поднялся из кресла. Через миг женщина вскрикнула, а Кшиштоф приглушенно спросил:

– И разве я не компенсировал тебе это, Ирена?

Послышалась невнятная возня, сопровождаемая тихими словами мужчины:

– Ни разу за эти двадцать лет ты не пожаловалась мне, что Эугенюш был чем-то лучше. Тебя все устраивало...

– И сейчас устраивает, – хрипло выдохнула рейяна Мнишек и коротко вскрикнула. – Ты лучше и моего мужа, и Казимира.

Мужчина фыркнул и довольно рыкнул, вызвав у Ирены Мнишек тихое «ах». Какое-то время сверху доносились лишь скрипы мебели, хриплое дыхание и стоны. Хотелось удрать подальше или хотя бы заткнуть уши, но я боялась пропустить что-то важное.

А еще меня терзала обида за отца. Тот, оказывается, и не знал, кто живет рядом. Ирена Мнишек очень успешно прикидывалась белой

овечкой. Так хорошо, что я была готова принять ее в качестве мачехи! А в белой шкуре затаилась волчица, отслеживающая добычу...

– Но еще ты обещал мне компенсацию, – некоторое время спустя продолжила разговор женщина. – Обещал, что я получу долю Эугенюша, если помогу тебе с поисками. И я старалась. Я потратила много лет, чтобы разыскать Гольшанского.

– Будто я прохлаждался?! – возмутился Кшиштоф.

– Ты убил его раньше, чем выбил из Казимира ответы! – обвинительно вскричала рейяна Мнишек. – Все испортил за какую-то пару часов, а я... Думаешь, легко было переезжать с места на место, когда появлялась хоть тень зацепки? А тут? Гольшанскому как-то удалось изменить внешность, я лишь по повадкам его и узнала! Эугенюш всегда был наблюдательным и обо всем мне рассказывал. Но и так я потратила два года, чтобы удостовериться, втереться в доверие. Я многим пожертвовала! А сейчас ты обвиняешь меня в предательстве?

– В неосторожности, Ирена, только в неосторожности, – чуть примирительно сказал мужчина. – Ты могла...

– Я не идиотка, Кшишик! – вскочив и заметавшись по комнате, яростно ответила рейяна Мнишек. – Слишком многое поставлено на карту. Не только ты способен это понять. Я была осторожна! Даже Гольшанский не заподозрил меня, а ведь в прошлом мы виделись не менее десятка раз! И следователю я не сказала ничего такого.

– Тогда я не знаю, чего он добивается, – медленно пробормотал мужчина. – Это провокация?

Мнишек остановилась и громко вздохнула.

– А если нет? – спросила она. – А если он что-то узнал? Маги из столицы не чета здешним, они будут рыть быстро и тщательно. Это нам с тобой доступна лишь часть сведений, а управленцы способны уточнить любые детали в любом ведомстве. Откопанский архив... Мы так и не смогли в него заглянуть.

Заговорщики помолчали. Я напряженно вслушивалась. Меня и саму очень интересовало, что же смог узнать Глеб. Он, конечно, перерыл много данных, но при мне ни с кем из Гаруча не связывался. Неужели старший следователь решил рискнуть и спровоцировать преступников? Но как?

Из напряженной задумчивости меня выдернул скрип половиц и приближающийся голос Кшиштофа.

– Нужно выяснить, что смог узнать этот мальчишка.

– Но как? – спросила рейяна Мнишек, идя следом.

Я метнулась прочь, спеша спрятаться, и задела на кухне стул. Тот загрохотал, поехав по полу, и повалился набок. Мысленно ругая себя, я дернулась к незапертой двери, но замешкалась, пытаясь подцепить створку и распахнуть ее.

– И кто это тут у нас? – раздалось позади, а дверь прямо перед моим носом захлопнуло что-то темно-серое, почти черное, гибкое и блестящее.

Я перепуганно обернулась и тут же заскулила от ужаса. Посреди кухни стоял мужчина в халате, из рукавов которого вместо рук торчали длинные гибкие щупальца, как из книжки с иллюстрациями, изображающими низших демонов.

– А вот и Клара нашлась, – гаденько усмехнулся Кшиштоф.

Последним, что я увидела, была сковородка, которую, ловко обвив щупальцем, занес для удара мужчина.

* * *

Пропажу собаки Глеб заметил лишь у моста и негромко выругался, сообразив, что звать животное данной для удобства кличкой нельзя, а кричать на всю округу: «Собака!» – просто глупо. В итоге в управление старший следователь вернулся один, расстроенный, и застал комнату пустой и с выключенным светом. Покачав головой, Ковальский провернул рычаг, оживляя лампы, и прошел к своему столу. Пусть коллеги и удрали по домам раньше времени, а Зузанну Пштиль явно не прельщало торчать одной – пусть и с помощником! – среди старых расследований и старой же казенной мебели, Глеб не собирался поддаваться общему настроению. Ему предстояло систематизировать все то, что он смог выяснить. А если завтра все пойдет как надо, то, возможно, удастся что-то разузнать и о местонахождении Клары Новак.

– Только будь жива, – попросил Глеб, глядя в сгущающиеся сумерки сквозь оконное стекло.

Из небытия я выплывала с огромным трудом. Голова походила на расколотый горшок, из которого медленно вытекает содержимое. Тело затекло настолько, что я с трудом ощущала проникающий до костей холод. А стоило пошевелиться, как я взвизгнула от боли в ноге, замерла и тихо заскулила.

Потребовалось еще не меньше четверти часа, наверное, чтобы к телу вернулась чувствительность, а я смогла настолько очухаться, чтобы осознать произошедшее и оценить собственное состояние.

Кшиштоф основательно ударил меня по голове, отправив в беспамятство, но не убил. Эти двое зачем-то оставили меня в живых. Но зачем?

В почти полной темноте я видела лишь очертания стен и предметов да ощущала запахи. Человек бы запаниковал и не сообразил, где находится, но я в нынешнем своем облике обладала некоторыми преимуществами.

Меня оставили в каком-то тихом, холодном и сыром месте, где витали давние запахи чего-то кислого, вроде протекшей квашеной капусты, перебиваемые духом сырой почвы, плесени и стоялой воды.

«Я в погреб», – пришел в голову единственно правильный ответ.

На острове погреб были редкостью. Их вечно подтапливало весной грунтовыми водами, а сырость не исчезала вообще, даже магические лампы и специальные артефакты не спасали. Я знала лишь один погреб, хозяйка которого не могла с ним расстаться. И это была наша прежняя соседка, большая любительница собственных заготовок. Рейяна Мнишек, въехав в ее дом, не заколотила погреб, оставила его. Но не использовала. И теперь он пригодился заговорщикам...

«И что они собрались со мной делать?» – напряженно думала я, пока пыталась оценить собственное физическое состояние.

Нога болела, но не была сломана. Похоже, Кшиштоф в порыве злости просто скинул меня в погреб, не спустившись по лестнице. А спасло меня лишь чудо. Или же в зверином облике я в принципе покрепче?

Не определившись с ответом, еще раз осмотрела погреб. Сидеть и ждать – опасно. Мало ли что решит этот... Язык не поворачивался

назвать Кшиштофа человеком. Но и определить его расовую принадлежность я не могла. Хотя...

«Демон... – не без ужаса произнесла я про себя. – Не маг. А именно демон. Но как такое возможно? А я? Неужели...»

Додумывать вполне логичный вывод не хотелось. Да меня и так едва не вывернуло прямо на сырой холодный пол погреба от не оформленной до конца догадки!

В любом случае и дальше сидеть в погребе было опасно. Никто не оставит меня в живых. Тем более пока я в шкуре собаки. От такого тела и избавиться несложно. А можно и вовсе оставить тут и никогда не отпирать дверь... Вряд ли Ирена Мнишек задержится в городке еще хоть на год, а за недели или месяцы совесть ее не измучает.

В соседский погреб я прежде забиралась только два или три раза, но и этого хватило, чтобы понять простую истину: выбраться отсюда не так уж просто. Даже в человеческом облике. Тут дверь покрепче, чем задняя в доме. А это означает, что выход у меня только один: подкоп.

Мысленно вздохнув, я оценила кучу старых ящичков в дальней части погреба и с сомнением к ним подступила. Прежде чем заниматься землеройными работами, стоило оценить обстановку, а именно в той части погреба когда-то был спуск из дома. Но соседка не могла стерпеть проникающих из подпола сырости и гниливой вони и наняла рабочих, которые переложили пол на кухне и закрыли лаз. Но благодаря старому назначению это место в подвале было единственным, откуда можно услышать звуки из дома.

Мысленно ругаясь, я по шатающимся ящикам взобралась под самый потолок и замерла. Ждать пришлось недолго. В нынешнем облике я прекрасно слышала каждый звук.

– Что ты узнал, Кшишик? – нервно спросила рейяна Мнишек. – Тебя не было почти три часа! Уже почти утро.

Выходит, я провалялась в погребе весь вечер и ночь?

Мужчина громко довольно фыркнул, скрипнули пружины, давая понять, что он неторопливо опустился в кресло или на диван. Звуки были достаточно громкими, видимо, беседа шла в гостиной. А если так, то прямо сейчас копать нельзя – из окон этой комнаты частично видна дверь в погреб.

– Я нашел этого... Завацкого, – с усмешкой сказал Кшиштоф.

– И?

– Что «и»? – еще более довольнo переспросил мужчина. – Не составило труда от него избавиться.

– Ты его убил? – напряглась Ирена Мнишек.

Я вздрогнула, ящики подо мной закачались.

Неужели? Влодек! Я знала его недолго, но молодой человек казался мне очень обаятельным.

– Хватит и того, что он не мешает нам, – ответил Кшиштоф. – Я застал его врасплох, оглушил и надежно связал. Ну... может, еще сломал мальчишке руку. Не важно. Важнее то, что на работу Завацкий сегодня не явится.

– А другой? – спросила рейяна Мнишек.

– Тут еще проще, Ирена, – расхохотался мужчина. – Ты сама сказала, где он живет. Это не центр города, не рядом с жандармерией. Место достаточно глухое. Наследить там, вызвать переполох – проще простого. По правилам, если ты не знаешь, маг из магконтроля должен вызвать на место происшествия наряд спецов... Или жандармов, раз в этом городишке штат магконтроля настолько мал. И оставаться на месте, пока не будут произведены все необходимые мероприятия. А я устроил там такое, что управленец и к обеду не закончит.

Какое-то время и Кшиштоф, и Ирена молчали, а потом женщина тихо спросила:

– И что теперь?

– А теперь, моя дорогая, ты наведешь марафет, натянешь на себя образ тихой, скромной и законопослушной вдовы, которая ни сном ни духом, и отправишься в управление. А там будешь упираться на то, что не могла спать всю ночь. Будешь умолять следователя обо всем рассказать. А я послушаю. Мы должны выяснить, что ему известно!

– А если...

– Никаких «если», Ирена, – оборвал реплику женщины Кшиштоф. – Нужно выяснить. И чем меньше будет свидетелей, тем лучше. А ты должна держать себя в руках и не вызывать подозрений.

– Думаешь, мы сможем узнать, где Казимир спрятал?.. – в напряжении выдавила из себя рейяна Мнишек.

Кшиштоф помолчал, а потом мрачно ответил:

– Ковальский или сам даст нам зацепку, или мы из него это выьем.

Я вздрогнула и на несколько секунд забыла, как дышать. Коробки накренились, грозя съехать вниз, погребя меня под ними. Но я этого не заметила, поглощенная переполнившими меня эмоциями.

– Собирайся, Ирена, – велел Кшиштоф. – Собирайся. Мы должны успеть до того, как появится хоть кто-то посторонний.

– Но ведь поезд из Гаруча приходит на заре, – напомнила рейяна Мнишек. – Маги могли приехать и нынче ночью.

– Нет, – уверенно ответил мужчина. – Пока никого в Броцлаве нет. И мы должны поспешить, я собираюсь отчалить следующим же поездом.

Голоса и звуки шагов отдалились. Я медленно выдохнула и соскочила с ящиков на земляной пол.

Картина вырисовывалась прескверная. И ее частично спровоцировал сам Глеб. А теперь он даже и не знает, что ему грозит. Да, он маг, наверняка сильный маг, но против него решило выступить существо, которое значительно хуже любого демона. Потому что это человек с силой и возможностями демона.

«Нельзя откладывать, придется рисковать», – признала я очевидное и принялась рыть утрамбованный земляной пол у двери.

* * *

Раздражающий гудящий звук норovil выдернуть Глеба из сна. Он недовольно поморщился и попытался прикрыть голову подушкой. Вот только подушки рядом не оказалось. Да и лежать почему-то было очень неудобно. Рыкнув от злости, старший следователь поднял голову и заспанно осмотрелся.

Ковальский увидел стол, папки, книги, газеты и исписанные листы, вырванные из блокнота. Подушки не было. Да и вообще спальня выглядела странно.

Осознание приходило медленно.

– Хракс... – протяжно выругался Глеб, наконец придя в себя.

Он заработался и уснул в управлении. Последний раз подобное с ним случилось несколько лет назад, когда из столицы пришел запрос на отчет о деятельности Броцлавского управления магконтроля, удовлетворить который следовало за считанные дни. Тогда они с

Давидовским часто задерживались, да и приходили до официального начала дня. Никому не хотелось получить нагоняй от высокого начальства.

Старший следователь повел плечами, с усилием растер ладонями шею и лицо, пытаясь взбодриться, а потом поднялся, собираясь сделать несколько приседаний, чтобы разогнать кровь. И тут в кармане пиджака вновь ожил кристалл связи.

– Да? – с неудовольствием активировав артефакт, произнес Ковальский.

– Привет, Глеб, – устало сказал Вольшек. – Прости, что разбудил, но у меня срочное дело.

– Что случилось? – тут же напрягся Ковальский, знавший, что Давидовский просто так тарабанить никогда не станет.

Раздался треск, отдаленные голоса. По специфике выговора Глеб понял, что рядом с Вольшеком собрались жандармы.

– Я и сам не до конца понимаю, – ответил Давидовский через несколько секунд, отвлекшись на пару фраз, смысл которых Глеб не разобрал за треском и шипением – явными признаками, что на той стороне кто-то колдует или пользуется мощными артефактами. – Но у меня тут настоящее светопреставление. Артефакты в Низинах сошли с ума, фон как при прорыве, но я даже самого мелкого хракса не вижу.

– Что предпринял? – уточнил Глеб.

– Ну... а что тут можно предпринять? – с горечью выдохнул Вольшек. – Вызвал жандармов. Они сейчас прочесывают окрестности. Ищут вышедшие из строя артефакты, чтобы я потом их осмотрел. Хотел Влодека дернуть, но тот будто сквозь землю провалился.

Ковальский удивленно вздернул бровь и недоверчиво воззрился на кристалл. Завацкий из них троих был самым деятельным и активным. И на вызовы всегда отвечал споро, даже ночью, будто перед этим и не спал вовсе. Столь странное его поведение настораживало.

– Мне прибыть? – спросил старший следователь.

– Да не думаю, что твоя помощь нужна, Глеб, – невесело ответил Давидовский. – Тут явно не прорыв, а просто сбой. Времени на устранение уйдет много, но ничего серьезного не произошло. Я просто предупредить хотел, чтобы ты меня в первой половине дня не ждал, наверное. Хорошо, если к полудню управлюсь.

– Ладно, вызывай, если произойдет что-то серьезное, – согласился с решением управленца Глеб.

Кристалл перестал светиться, сигналив о разрыве связи, а Ковальский еще несколько минут хмуро на него взирал, осмысливая ситуацию. А та вырисовывалась весьма и весьма странная. Своим предчувствиям Глеб привык верить, а потому его насторожили оба происшествия: и исчезновение Влодека, и история в Низинах. В принципе подобное могло быть чистым совпадением, но за годы работы старший следователь привык со скепсисом относиться к подобным совпадениям. А уж в Броцлаве два таких происшествия одновременно – слишком много для совпадения.

– И повод в который уже раз пожалеть, что нас тут только трое, – пробормотал Ковальский. – Пусть Броцлав и маленький город, но порой хочется, чтобы в управлении было на одного или двоих спецов больше. Как раз на такие вот случаи.

Немного постояв, Глеб прошелся по комнате, а потом отправился на кухню. Ему предстояло сварить себе кофе и обдумать ситуацию.

* * *

Ковальский допивал третью чашку кофе вприкуску с несладким печеньем от Михала Горецкого, когда в дверь осторожно постучалась, а потом и зашла Ирена Мнишек. Следователь окинул женщину взглядом, отметив и аккуратный наряд, и легкую небрежность в прическе, и бледность кожи с залегшими под глазами синеватыми тенями.

– Доброе утро, старший следователь, – слабым голосом прошептала рейяна Мнишек, делая несколько неуверенных шагов вперед.

– Здравствуйте, – отозвался Глеб. – Что-то случилось?

Будто только этого и ожидая, женщина приблизилась к столу Ковальского и, почти плача, начала рассказывать про бессонную ночь, успокоительные капельки, слезы и почти истерику, в которой она пребывала почти до рассвета.

– Когда вы сказали, что сумели узнать правду, я не могла найти себе места! – заламывая руки и нервно вышагивая по комнате,

призналась рейяна Мнишек. – Вы же понимаете... я любила Казимира. Его смерть... Я все еще не могу это принять. Он! Он был таким чудесным человеком. Я была так счастлива с ним. Рано или поздно мы бы зажили с ним одной семьей.

– А Клара? – осторожно уточнил Глеб, сбив женщину с ее тирады.

– И с Кларой. Конечно, – пару раз нервно моргнув, подтвердила Ирена Мнишек. – Мне нравилась эта девочка.

– Считаете, Клара Новак мертва? – прищурившись, вновь перебил женщину Ковальский.

– Я не знаю, что и думать, старший следователь, – выдохнула рейяна и упала на стул рядом со столом Ковальского. – Не знаю, что и думать. Я в растерянности. И я... Я пришла просить вас! Пожалуйста!

Рейяна Мнишек подалась вперед, заглядывая Глебу в глаза.

– О чем? – спросил Ковальский.

– Пожалуйста, расскажите мне, как все было! – выдохнула Ирена с надрывом. – Я не могу успокоиться. Мне нужно!.. Мне нужно знать, что же случилось тогда. И кто! Кто посмел тронуть этого добрейшего из людей. Казик!.. Он был такой безобидный. Такой честный. Кому и зачем понадобилось его убивать?!

Дернув замочек крохотной сумки, женщина выхватила белый батистовый платок, вышитый по краю трогательными незабудками, и прижала его к глазам.

– Ну-ну, – даже немного растерялся Глеб. – Не плачьте.

Стремительно поднявшись, он отправился на кухню за стаканом воды, но через миг передумал и поставил греться чайник. За шумом он легко различил шелест бумаги и невольно хмыкнул. Но своего занятия не прервал. И даже плеснул в чашку с чаем немного травяной настойки, которая так и стояла на столике в углу.

– Вот, – сказал он, вернувшись и выставя перед рейяной Мнишек стакан воды и чайную пару. – Выпейте чего-нибудь. Вам нужно успокоиться.

– Я молю вас! – почти вскрикнула женщина. Со стороны не было заметно, что еще секунд пятнадцать назад она спешно обшаривала стол старшего следователя.

– Глотните хотя бы воды, – настойчиво сказал Глеб.

Мнишек послушалась, нервно вцепилась в стакан и судорожно из него отпила, стуча по краю зубами.

– Что ж. Я могу вам поведать, как было дело, – выдержав паузу, сказал Ковальский. – Тем более вы имеете к этому непосредственное отношение.

– Вы о чем? – едва не расплескав воду, сдавленно спросила женщина.

– Ну... вы ведь знали Казимира Новака, – миролюбиво пояснил старший следователь.

– А... Да, – едва скрыв облегчение, пробормотала Ирена Мнишек.

Глеб поднялся, прошелся по комнате, выглянул в окно и переложил несколько папок на подоконнике из одной стопки в другую, прежде чем задумчиво сказать:

– С чего же начать?

Рейяна Мнишек молчала, лишь напряженно сжимала в одной руке стакан, а в другой – платок.

– Эта история началась довольно давно и в совершенно ином месте, не в Броцлаве... И хотя я не знаю некоторых деталей, начать стоит с самого начала, – продолжая прохаживаться, произнес Ковальский. – Не против, если я приоткрою окно? У нас тут довольно душно.

– Да-да, – обрадовалась Ирена. – Я как раз хотела вас попросить, старший следователь.

Открыв настежь одно из окон, вдохнув прохладный осенний воздух и осмотрев начавшие облетать яблони, Глеб усмехнулся своим мыслям и продолжил:

– Я не могу знать доподлинно, но подозреваю, что вся эта история началась в тот момент, когда в Откопанах встретились четверо. Эти горы – удивительнейшее место! Место, где для кого-то появляется просто неплохая работа. Место, которое способно сделать кого-то богатым. И место, в котором для некоторых заканчивается жизнь.

Ирена Мнишек потянулась к чашке, отпила и тут же закашлялась. Но ничего не сказала, лишь удивленно уставилась на чай.

– Мне сложно судить, кем были те четверо, но они определенно не были каторжниками. Вероятнее всего, они сами нанялись в рудники, а после сдружились, – продолжал тем временем Ковальский. – Магконтроль не хранит слишком подробных сведений, но случай, связанный с этой четверкой, записан в архивы.

– Вот как? – хрипло прошептала женщина.

– Да, – с кивком подтвердил Глеб. – Что было и как? Не знаю. Не мне судить. Я могу лишь предположить.

– Но как вы поняли, что начало истории нужно искать именно в Откопанах? – спросила Ирена Мнишек.

– Все довольно просто. Когда мы не нашли сведений о Казимире Новаке за пределами Броцлава, то мне пришла в голову мысль, что Новак зачем-то сменил личные данные о себе. Но зачем такое делать? Какова причина для подобного поступка? Здесь Новак проявил себя как талантливый фармацевт, вряд ли бы человек с такими способностями захотел бы терять хоть часть заслуженной репутации по какой-то глупой причине. Значит, причина была очень веской. Что-то такое, что он хотел бы забыть. Например, преступление. Или же... он просто не хотел, чтобы его нашли.

Мнишек напряженно следила за Ковальским и время от времени кидала взгляды на открытое окно.

– Медики – люди дотошные. Вы знали, что они отслеживают каждого выпускника? И за период, который я охватил, как наиболее вероятный, они потеряли сведения только о десяти медиках?

– Вот как? – нахмурилась Мнишек.

– Я мог бы попытаться отследить каждого из них, но лишь последние сведения об одном вызвали мой интерес. После недавнего нападения на банк, где мы обнаружили демонические следы, – сказал старший следователь. – И этим исчезнувшим бесследно медиком оказался Казимир Гольшанский. Человек маленький, незначительный даже. И весьма непримечательный. Его даже талантливым никто и никогда не называл. Но однажды этот медик перешел дорогу какому-то чинуше, связей которого хватило, чтобы Гольшанского сняли с должности и отправили латать рабочих в Откопанах.

Подойдя к своему столу, Глеб прихватил с тарелочки кусочек печенья, повертел его между пальцами, а потом хмуро продолжил:

– Видимо, именно во время работы там Гольшанский и познакомился с остальными. Судя по записям из архива, эти трое тоже не были рабочими, а в Откопаны их привели обстоятельства. И каждый из них хотел выбраться на свет из шахт, спастись от жизни, которая едва ли лучше той, что на годы, а то и на всю жизнь обеспечена каторжанам. – Ковальский разломил печенье и отправил половинку в рот. – До событий, запечатленных в архивах, Гольшанский

проработал при рудниках четыре года. Этого более чем достаточно, чтобы изучить местные тайны. И, видимо, кто-то из четверки узнал о шахте, в которой прежде добывали дорогостоящие алмазы, но забросили из-за того, что гномы опасались спровоцировать прорыв демонов. И идея быстрого обогащения настолько вдохновила нашу четверку, что они решили рискнуть.

Глеб закинул в рот второй кусочек печенья и на пару минут замолчал. Ирена Мнишек его не торопила.

– Сколько раз эти четверо ходили в ту шахту – могу лишь догадываться. Но вряд ли они совершили больше одного-двух походов. А потом случилась трагедия, – сказал старший следователь. – Уходя в недра, четверо мужчин по незнанию таки добились шахты до опасной точки. И прорыв случился. В архивах упоминается, что в столь замкнутом месте он вызвал обвал и мощный магический всплеск. Маги и по сию пору не пытаются изучить место происшествия. Участие той четверки вычислили лишь тогда, когда их не смогли найти. Но всех четверых признали погибшими. Их и не пытались искать. Сопоставив все факты, несложно понять, что как минимум двое участников тех событий выжили. Это сам Гольшанский, сменивший фамилию и осевший в конце концов в Бродявке. И тот, кто все эти годы не мог про него забыть. Тот, кто, как я понимаю, считал себя обманутым.

Рейяна Мнишек глотнула чая и немного затравленно глянула на Глеба.

– И... вы думаете, этот кто-то нашел Казимира спустя столько лет и решил... отомстить? – тихо спросила она.

– Отомстить? – повторил слово старший следователь. – В том числе. Но больше всего этот наш кто-то хотел получить то, что считал и считает своим по праву. Алмазы, как я понимаю. Но это ведь только мои измышления. Почему бы участнику тех событий самому не рассказать то, чего я не знаю? Рейяна Мнишек, вы не позовете своего знакомого?

Последние слова Глеба оказались для женщины внезапными, и она изумленно переспросила:

– Что? О чем вы?

Но расчет Ковальского сработал. Не прошло и минуты, как сквозь открытое окно мягко, как дым, проник высокий стройный мужчина,

облаченный в аккуратный серебристо-серый костюм. При его приближении у следователя немного зачесалось в носу.

«Кто бы мог подумать, что книжные знания о демонах времен учебы в академке могут пригодиться столько лет спустя», – подумал Глеб, отступая, чтобы между ним и незнакомцем оказалось хоть какое-то препятствие. Инстинкты надрывно вопили, но Ковальский подавил их усилием воли.

Видя действия старшего следователя, незнакомец осклабился, сбросил с ближайшего стула бумаги и с комфортом уселся. Даже ногу на ногу закинул, не спуская взгляда с Ковальского.

– Зря вы, – сказал он с усмешкой. – Сразу видно, что молодой и самонадеянный.

– Вы так считаете? – спокойно спросил Глеб.

– Конечно. Что вы можете против меня?

– Ну я ведь не знаю всех ваших возможностей, – напомнил Ковальский. – Рейян...

– Кшиштоф Заболоцкий, – с театральным пафосом представился мужчина.

– Выходит, погибли...

– Ярополк и Эугенюш, – подсказал Кшиштоф. – Именно Ярополк придумал всю схему. Отыскал сведения, расспросил старых рабочих. И выяснил, как попасть в закрытую шахту, которая прежде считалась одной из самых прибыльных. И именно он уговорил нас пойти туда.

Заболоцкий усмехнулся, явно вспоминая события прошлого.

– Мы были молоды и глупы. Авантюристы! Казалось, море нам по колено, а горы по плечо. А дружба!.. Мы в нее так верили. Даже купили одинаковые комплекты кружек, которыми приторговывали гномы. По четыре кружки, как напоминание о нашей удалой четверке, – сказал он.

– И что же случилось в шахте? – спросил Глеб.

– Прорыв, – пожав плечами, ответил Заболоцкий. – А за ним – обвал. Коридор перегородило. Ярополка завалило первым. Меня и Эугенюша отсекло стеной камней, а Казимиру повезло. Как я тогда считал.

– Считали? – уточнил старший следователь.

– Считал, – подтвердил Кшиштоф. – Я думал, что он просто трусливо сбежал, пока мы противостояли нападению демонов. Но ему,

похоже, тоже немного досталось. Вы знаете, следовательно, что происходит с человеком при нападении демона?

Глеб промолчал. Но от него и не ждали ответа.

– Вы маг. И не можете знать. Такие, как вы, способны отбиться. А обычный человек? Почти все погибают, потому что демоны обожают захватывать людей и мучить их. Эугенюш так и погиб. Он не выдержал пытки. А я... Я очень хотел жить. И я взял от напавшего на меня демона все, что смог, а потом победил его, – с усмешкой рассказал Заболоцкий. – Мне даже понравилось. Именно тогда я понял и оценил доставшуюся мне мощь!

Подтверждая свои слова, рейян начал меняться. Его кожа потемнела до серо-зеленого цвета, а руки преобразились в два сильных щупальца. Глеба передернуло.

– Что же вы морщитесь? – с кривой усмешкой спросил Кшиштоф. – Не нравлюсь? Ирене вот тоже по первости не нравилось. Но за правду о смерти ее мужа она пустила меня в свой дом, укрыла. А Казимир? Думаете, он просто так отделался? Теперь я точно знаю, что нет, раз его дочери перепало его демонское наследие.

– Что? – опешил Ковальский.

– Вот именно, – с довольной ухмылкой кивнул Заболоцкий. – Такая славная и простая семейка, а оба – чудовища.

– Клара...

– Но не беспокойтесь, девчонка больше не доставит никому неприятностей, – продолжал Кшиштоф, наслаждаясь бледностью следователя. – Вы знали, что она умеет перекидываться в собаку? Нет? Но это уже не важно. Я от нее избавился. Вы же, маги, тоже избавляетесь от демонических сознаний. Я лишь помог вам в этом дельце.

Глеб молчал и дышал с трудом. На миг он потерял ориентацию в пространстве, чего делать не следовало.

«Неужели?» – вертелась лишь одна мысль у него в голове.

– Не бойтесь вот так прямо мне все рассказывать? – хрипло спросил он.

– А чего мне бояться? – расхохотался Заболоцкий. – Я лишь узнаю, где же Казимир спрятал алмазы, – и сразу исчезну. А вы... Ваши коллеги обнаружат еще одно тело. И только.

В следующий миг он стремительно поднялся и так быстро перетек из одного места в другое, что Глеб не успел отреагировать. Для него все движения Кшиштофа слились в плавный серый росчерк.

– Где алмазы? – требовательно прошипел демон, нависнув над Ковальским и сдавив щупальцем его горло.

Ирена Мнишек, прежде сидевшая тихо как мышка, вскочила и отбежала в сторону. Выпавшая из ее рук чашка разбилась и разлетелась осколками по всему управлению. На один из этих осколков и наступил Михал Горецкий, ожидавший сигнала на кухне.

– Вот как? – оценив явление жандарма, вздернул бровь Кшиштоф. – А вы меня удивили, следователь. Очень удивили.

В следующий миг произошло два действия, за которыми не смогли проследить ни маг, ни жандарм. Заболоцкий на долю секунды освободил Глеба от захвата, чтобы одной преобразованной рукой захлестнуть шею Михала, а второй, как копьем, пробить плечо следователю.

– Так где алмазы? – любясь болезненной гримасой на лице Ковальского, повторил свой вопрос Заболоцкий.

Ирена Мнишек не выдержала зрелища. С писком она рванула к выходу, но тут же закричала в коридоре:

– Нет! Нет!

– А вы основательно подготовились к встрече, – мягко прошипел Кшиштоф, сильнее ввинчивая щупальце в раскुरоченное плечо старшего следователя. – Кто бы мог подумать! Но ничего. Что мне могут противопоставить жандармы? Они не маги. А ты, мой мальчик, вряд ли сейчас в состоянии колдовать.

– Ты забыл обо мне, – раздался от двери хриплый голос.

Мужчины невольно обернулись. Даже Глеб недоверчиво покосился на дверь. В проеме, тяжело дыша, стояла Клара Новак в собственном свитере Ковальского, в его толстых носках и без всякого уважения удерживала за волосы валявшуюся у ее ног рейяну Мнишек.

– А ты живуча, как я посмотрю... – скривился Кшиштоф. – Нужно было проверить...

– Нужно было, – согласилась Клара и пнула Ирену Мнишек в бок, да так, что женщина отлетела в сторону и затихла в углу.

Кшиштоф прищурился, но это на девушку никак не подействовало. Она лишь усмехнулась и в один миг перетекла в

звериный облик, чтобы тут же, без разгону, прыгнуть на Заболоцкого. Тот только и успел, что высвободить свои щупальца, а дальше два создания сплелись на полу в мельтешащий на невероятной скорости клубок.

– Глебыч... – прохрипел Михал, падая на колени.

Ковальский не ответил. От боли он и так едва удерживал себя в сознании. С каждым вдохом из жуткой раны выплескивалась кровь, а перед глазами темнело. Казалось, стоит ему сместиться хоть на сантиметр – и он свалится на пол с остановившимся сердцем.

Яростный визг с пола на миг отвлек Глеба. Он с опаской устоялся на клубок из тел, боясь увидеть растерзанную девушку и ухмыляющегося Заболоцкого. Но, когда клубок распался, жандарм и следователь увидели исполосованного зубами и когтями Кшиштофа и собаку, с клыков которой капала вязкая черная кровь.

Зашипев от боли, Заболоцкий вскочил и кинулся к окну. Но исчезнуть так же эффектно, как и появиться, ему не удалось. Демон просто выпал наружу.

* * *

Кровь у этого гада была такая же ядовитая, как и он сам. Сплюнув, я кинулась следом, хотя всей душой хотела вернуться и помочь Ковальскому. Но Кшиштоф мог сбежать. Я не могла этого допустить.

Снаружи мельтешило несколько жандармов, но все они кинулись врассыпную, заметив этого монстра. Я рыкнула от злости и устремилась следом, на ходу меняя облик. По неясной причине контроль над этой способностью теперь давался мне невероятно легко.

– Ой, а что происходит? – удивленно спросила Зузанна Пштиль, появляясь в поле зрения. Ее помощник привычно тащился следом, прижимая к груди оружие писательского труда.

Кшиштоф метнулся прочь, пытаясь проскочить мимо жандармов и рейны в алом платье. Та завопила от ужаса. Прокушенная нога мешала Кшиштофу бежать, он прихрамывал и рычал от боли. Но даже так я не могла его догнать.

В отчаянии я, поравнявшись с Зузанной, выхватила у ее помощника печатную машинку и метнула в демона. И с охом замерла, когда оказалось, что попала, а Кшиштоф как подкошенный свалился на траву.

– Сила писательского слова, – выдохнула я и ошарашенно осмотрелась.

Воцарилась немая сцена. Зузанна Пштиль, как рыбка, открывала и закрывала рот. Максим Штакель рассматривал ладони, недоумевая, куда делась машинка. Жандармы замерли, где стояли. А Глеб, тяжело опираясь на локоть Михала, навалился на подоконник. Нарушил тишину Кшиштоф, с хрипом придя в себя.

– А алмазы вы, рейян Заболоцкий, плохо искали, – тихо, но отчетливо сказал старший следователь, глядя на демона. – Видели ли вы лампу в комнате Клары Новак? Помните такую? Из полупрозрачных камешков неправильной формы и проволоки?

Услышав слова Глеба, Кшиштоф на миг замер, а потом истерично расхохотался.

– Клара... – окликнул меня Ковальский.

Я повернулась и улыбнулась рейяну. Тот улыбнулся в ответ, но улыбка тут же померкла, и он начал заваливаться в сторону, серея на глазах.

– Глеб!

Глава 5

Старший следователь Белянский

С тоской и печалью я смотрела в окно вагона, пока поезд мчал меня в числе десятков других пассажиров в столицу. Когда-то мне хотелось попасть в Гаруч, но теперь мысль, что моя мечта сбудется, не приносила ни радости, ни даже надежды на светлое будущее.

Еще бы!

Меня волокут в столицу как преступницу! Это однозначно. И пусть мои руки не скованы, а охранник из жандармов мирно дремлет на сиденье напротив, деваться мне некуда. Я ведь не мой отец. Это он отказался от демонической силы и жил обычным человеком, что позволило ему скрываться в маленьком городке. Я так не смогу. Особенно теперь, когда в полной мере понимаю и принимаю собственные возможности.

«Интересно, что со мной сделают?» – думала я, рассматривая осенние поля и луга родного королевства.

Демоны и демонические создания у нас не имели права на существование. Это я прекрасно знала. В газетах то и дело писали большие обзоры о деятельности боевых магов как в нашем королевстве, так и за границей. Особенно в пустынных регионах, где то и дело вскрывались по вине человека или стихии старые захоронения и магические могильники. Авторы статей почти в один голос утверждали, что несколько веков назад прорывов было гораздо больше и магам приходилось прибегать к самым разным способам сдерживать потусторонних существ. Но никто из тех магов не думал о будущем, а нынешним приходится ликвидировать ошибки предшественников.

Но одно дело свежие прорывы, запечатанные чарами демоны прошлого, вырвавшиеся на свободу сейчас, а другое – люди, подвергшиеся влиянию демонов. И я – ребенок, рожденный от такого пострадавшего человека.

Ни о чем подобном я не читала в газетах. И вряд ли просто случайно пропустила. Что-то подобное обязательно вызвало бы

огромный скандал, который обсуждали бы все и повсюду. Еще бы! Человек-демон. Это вам не кот чихнул!

Самих демонов традиционно считали не очень разумными, хотя многие и склонялись к выводу, что храксы и им подобные просто мыслят иначе, не как мы. Из-за этого демонов боялись, но в целом не испытывали к ним ненависти, ведь в массе своей население считало их просто еще одним видом опасных хищников. И только.

Но я же человек!

Совсем не хотелось бы ощутить на себе ненависть окружающих, которая повлияет на принимаемое по моему делу решение.

«А дело будет», – признала я и вздохнула.

Ясно же!

Мало того что демоническая сила, так еще и сокрытие правды от магконтроля и жандармов! Преступница я, как есть.

Продолжая вздыхать и посматривать в окошко, я думала о своей жизни дальше, заранее перебирая все моменты прошлого и прощаясь с будущим. Теперь мне его не видать, а из-за неизвестности настоящего неясно, будет ли у меня хоть минута на «вся жизнь промелькнула перед глазами». Лучше заранее подготовиться.

По вагону неспешно прошелся гном в железнодорожной форме, сияя позументом. Жандармерия оплатила мне и моему сопровождающему билеты лишь в третий класс, так что из всех удобств нам полагались мягкие диванчики, вид из окна, по чашке чая в подстаканниках и свободный доступ в санузел. Вежливое обращение и обхождение – нет. Да и вазочки с печеньем нам не поднесли.

Мой сопровождающий оказался еще тем гадом. С собой в поезд он принес завернутые в салфетку бутерброды, но ел их один, будто не понимая, что меня после полутора суток в камере в столицу отправили без монетки в кармане. Да на мне даже одежды были с чужого плеча!

«Спокойно, Клара, спокойно!» – приказала себе, хотя очень хотелось перекинуться и искусать жандарма.

Хотя что там кусать? Будто специально со мной отправили самого тощего и явно жесткого на зуб служивого. Видно, именно поэтому он так спокойно задрых в тот же миг, когда мы проехали маленькую станцию на пути к Клецку.

Чтобы не думать о еде, я вернулась к мыслям о вечном. Они должны были отвлечь от тихих сигналов желудка. Вскоре мимо снова

протопал гном-проводник. На этот раз с пустым подносом. Я невольно вздохнула, вспомнив, как час назад он пронес на этом подносе чай, какие-то сложные закуски, аромат которых просочился в купе, и вазочку с нарезанными яблоками. От вида и запаха мой рот и тогда, и сейчас наполнился слюной. Я снова вздохнула и с горечью глянула на жандарма. Как тут думать о вечном, перебирать моменты жизни и рассуждать о собственной участи, когда есть хочется?!

Будь я в Броцлаве, Глеб сейчас бы вертел эти его громадные бутерброды со свежим белым хлебом, тонко порезанной колбасой или ветчиной. И, может быть, сыра добавил...

Я снова вздохнула, вспомнив, что Ковальский сейчас никаких бутербродов готовить не может, ибо валяется в госпитале без сознания. И мне даже не рассказали подробно, что с ним и сможет ли следователь поправиться.

«Не думать о нем, – велела себе. – Вряд ли я когда-нибудь увижу Глеба снова».

Вряд ли однажды поезд со мной отправится в лиенском направлении. Ждет меня камера в столичной тюрьме, а то и что похуже...

Не думать.

Не думать.

Не думать.

* * *

В Гаруч поезд прибыл во второй половине дня, и на перроне мы с сопровождающим попали в огромную толпу. Кто-то встречал приезжающих, кто-то провожал отбывающих, сустились торговцы, сновали нищие, степенно толкали тележки гномы. Поезда обдавали всех белесым дымом, в который тошнотворной нотой примешивался аромат не самой свежей выпечки торговцев-лотошников. Зазывалы перекрикивали друг друга, приглашая вновь прибывших посетить гостиницы и отели столицы, хмурые старушки разгоняли их палками и предлагали всем и каждому снять «хорошую комнатку в пяти минутках от вокзала», а тощие подростки в обносках высматривали в толпе легковых зевак.

Насладиться видом и запахами мне не дали, жандарм подхватил под локоток и поволок к выходу. Я пыталась успеть за ним, но то и дело спотыкалась в слишком больших для меня и слишком тонких для осени ботиночках. На привокзальной площади мужчина быстро отыскал пустой таксомотор, погрузил меня на заднее сиденье, а сам плюхнулся подле водителя, велев везти к Центральному управлению.

Знакомство с Гаручем и тут не состоялось. Я могла лишь любоваться быстрой сменой ничем не примечательных улочек, домами и спешащими по своим делам прохожими. На большой скорости столица казалась мрачным и неуютным городом, собранным, как детский конструктор, из деталей разного цвета и формы.

Даже в центре, когда вокруг встали высоченные беломраморные здания с колоннами и лепниной, я не ощутила того трепета, который во мне вызывали когда-то одни только мысли о визите в Гаруч.

А ведь я мечтала, что однажды приеду сюда, буду бродить по улочкам, которые то и дело упоминали в газетах. Буду любоваться старинными постройками, резиденциями аристократов, загляну во все парки и скверы, именованные в честь тех или иных известных персон...

Но вот он Гаруч. Большой. Станный. Не очень уютный. Холодный осенний город, улицы которого едва согревает солнце. И пахнет он совсем не так, как мне чудилось. Нет здесь свежих и приятных ароматов Броцлава. Окажись я сейчас дома, гуляла бы по родным кривоватым улочкам, под ногами хрустели опавшие листья, а воздух наполнял бы аромат зреющих ягод рябины.

Из этой самой рябины местные хозяйки варили варенье. Отец тоже его готовил, прикупив лукошко ягод у соседей. Он добавлял к ягодам нарезанные кусочками лимоны, апельсины, яблоки, мед и имбирь. И все потом очень его хвалили и спрашивали рецепт, но отец лишь улыбался и отмахивался, заверяя, что все рецепты хороши. А зимой мы то и дело ели это варенье на завтрак, запивая его чаем с местным шиповником. И вспоминали осень, то холодную и сырую, то солнечную и яркую.

Осень в Гаруче я вряд ли когда-нибудь вспомню...

Вскоре самоход подкатил к высокому белокаменному зданию, латунная табличка на котором сообщала всем и каждому, что за резными дверями расположилась вотчина местных магов. Как я знала,

местное же жандармское отделение разместилось где-то здесь же, на параллельной улице, давая знать, что магическое правосудие и обычное идут рука об руку, никому от них не скрыться.

В просторном холле на нас взглянули, как на букашек, и велели топтать на третий этаж.

Внутри управление магконтроля уже не производило такого подавляющего впечатления, как снаружи. Темные стены, тусклые лампы и потертые ковры, обрамленные девятилучевыми звездами, давали знать, что работа на благо королевства почетна, конечно, но за красивым фасадом не все так благолепно и красиво.

– Туда тебе, – хмуро сообщил сопровождающий перед тем, как всучить мне плотную картонную папку и открыть дверь в одну из приемных. – Шагай.

Сам за мной жандарм почему-то не пошел, наподдал мне дверью и скрылся.

«А если я сбежать надумаю?» – хотелось крикнуть ему вдогонку, но шаги в коридоре уже стихли.

Нахмурившись, я развернулась и осмотрела приемную. Это было просторное помещение с множеством окон вдоль одной стены. Справа от входа располагался уголок для посетителей – небольшой столик и несколько мягких кресел с изогнутыми ореховыми ножками. Слева большую часть пространства занимал массивный рабочий стол секретаря и стеллаж, заполненный рядами папок. За столом, почти скрывшись за монструозной печатной машинкой, восседала в кресле пегая собачонка с огромными голубыми глазами.

Я моргнула и едва не потрясла головой при виде этой нелепой картинки. Собачонка тут же исчезла, а на ее месте, удивленно на меня таращась, обнаружилась худющая девица в серой твидовой паре.

– Вам чего? – тоненько пискнула секретарша.

Я снова моргнула и перевела взгляд на папку. На ней, приколотый скрепкой, красовался листок, сообщавший, что делом моим должен заняться старший следователь Марьян Белянский.

– Мне... к рейяну Белянскому, – с запинкой вымолвила я и, шагнув ближе, протянула кудрявой девице папку.

Та воззрилась на папку, как на змею, вся как-то вздрогнула, напряглась и, выпучив глаза, проблеяла:

– К шефу?

«А что, тут другие Марьяны Белянские обитают?» – хотелось рывкнуть в ответ, но я сдержалась, видя, что секретарша вот-вот грохнется в обморок.

Она и грохнулась. Точнее, осела в свое кресло, тихо всхлипнула и обозрела рабочий стол, будто с ним прощаясь. Я так и осталась стоять с зажатой в руке папкой, чувствуя себя до нелепости глупо. Мало того что меня вроде как опасную преступницу под кабинетом столичного мага бросил сопровождающий, так и тут запинка, ибо этого самого старшего следователя его собственная секретарша боится, как порождения иного мира.

«Так, может... мы с ним общий язык найдем?» – невесело предположила я, обдумывая, как привести в чувство пегую девицу. А та тряслась в своем кресле и тарасилась перед собой, как человек перед прыжком в прорубь.

Решив, что помощи от секретарши ждать нечего, я развернулась и направилась к двери в логово звер... точнее, во владения столичного следователя, которого даже собственные подчиненные боятся. Но постучать не успела. Дверь с грохотом отлетела в сторону, явив высокого молодого мужчину в светло-желтой рубашке и темно-зеленых шерстяных брюках. Рукава рубашки были закатаны до локтей, подтяжки брюк по цвету совпадали с темно-коричневыми туфлями. За лямку подтяжек был заткнут коротко сточенный карандаш. Еще один карандаш следователь сжимал в руке, задумчиво вычерчивая им в воздухе какие-то линии.

– Кофе мне сварите, – велел он секретарше, не глядя на нее. Да и вообще создавалось впечатление, что старший следователь мыслями находится как вне своего кабинета, так и вне здания Центрального управления магконтроля вообще.

– Да... – невнятно пробормотала кудрявая рейна, поглядывая на начальника снизу вверх, а потом запоздало вскочила и заметалась за своим столом. Неудачно повернувшись, девушка столкнула с ближайшей стеллажной полки часть папок, и те с грохотом осыпались на пол, выдернув Марьяна Белянского из раздумий.

– В чем дело? – хмуро вздернув бровь, уточнил он, обращаясь, явно неожиданно для себя, к пятой точке секретарши, торчащей из-за стола.

Пегая девица вскинулась, прижимая к себе подобранные папки, затряслась от кудряшек до коленок и что-то промямлила.

– Кофе, Марич, – со вздохом повторил следователь, разворачиваясь к двери и утыкаясь взглядом уже в меня.

– Я не Марич, – чуть обиженно пискнула секретарша. – Меня зовут Софья Каспарчик.

Белянский поморщился и произнес:

– Ну да, Марич была до вас. Тем не менее кофе. Кас-пар-чик!

Кудрявая рейночка насупилась и прижала папки плотнее к своей прикрытой серой тканью груди.

– Вы ко мне? – потеряв к секретарше интерес, обратился ко мне маг.

Я не стала трястись и подпрыгивать, а просто шагнула ближе и протянула ему папку. Белянский с секунду на нее взирал, явно читая титульный лист вверх ногами, а потом, заткнув карандаш за вторую лямку, взял тощее картонное творение броцлавских жандармов и дернул за тесемки-завязки.

– И каких-нибудь бутербродов или булок организуйте, – добавил следователь, не глядя на секретаршу.

Рейна не ответила, тут же сжалась, а потом выдала решительно:

– Я ответственный работник. У меня образование! Я была еще готова вам кофе варить, уважаемый рейян Белянский, но булки!..

– Нет булок, давайте что есть, – перебил Софью старший следователь, игнорируя ее запальчивую тираду.

Я не удержалась и тихо вставила:

– На углу вроде бы кренделями торгуют. И чем-то... с тмином, с инжиром и орехами.

Самого лотошника я видела мельком, но нос и на таком расстоянии поведал мне все о продукции незнакомца.

– Судя по запаху, сегодня выпекли. Все свежее.

– Вот! – обрадовался Белянский. – Кренделей мне!

Секретарша открыла было рот, чтобы что-то сказать, но следователь уже отвернулся, бросив мне через плечо:

– Заходите.

Через секунду рейна Каспарчик вместе с ее твидовой двойкой, кудрями, слезами в голубых глазищах и амбициями была отрезана

толстой дверью, а я очутилась во владениях главного столичного мага убойного отдела.

Его кабинет отделкой и расположением окон походил на приемную, но был значительно больше. Тут тоже имелись стеллажи, стулья, кресла, но папок, книг, разномастных листов и даже газетных подшивок было так много, что они покрывали не только стол, все свободные стулья, подоконники, но теснились стопками и на полу, оставляя свободным лишь небольшое пространство в центре, где, придавленная пресс-папье, статуэткой короля и парой старинных чернильниц, красовалась большая карта Гаруча, раскрашенная разными цветами. Я невольно попыталась определить, что означает тот или иной цвет. Все лучше, чем думать о своей судьбе, отвлечься на что-то подобное. Но раньше, чем следователь добрался до своего стола, я успела разочарованно вздохнуть. Цвета означали лишь административное деление города, а в этом не было чего-то секретного или захватывающего.

– Так, что тут у вас... – себе под нос произнес Белянский, заглядывая в папку.

Покосившись на читающего следователя, я невольно сглотнула, подошла поближе и села в кресло перед столом мага. Дальше игнорировать происходящее не получалось. Теперь все мои мысли были заняты лишь решением старшего следователя о том, что со мной делать.

– О как! – выдохнул рейян, прочтя первый лист и подняв на меня взгляд. – Серьезно?

– Простите? – неожиданно тонко спросила я, пытаюсь понять, что именно интересуется Марьяна Белянского.

– Перевоплощение, большая сила, слабое воздействие магии? – глянув в папку, озвучил он.

Мне ничего не оставалось, кроме как обреченно кивнуть. Что ж теперь... Не будешь же скрывать. Очевидно же все!

– Очень интересно, очень интересно! – воскликнул старший следователь, поднимаясь со своего места. – Идемте... э... рейна Новак.

– А? – только и успела выдохнуть я, а рейян уже пронесся мимо, направляясь к выходу.

– Марич! Кофе и булочки откладываются на полчаса! – услышала я реплику следователя уже в приемной.

– Я Каспарчик! – взвизгнула секретарша, но ее, похоже, снова проигнорировали.

– Новак, где вы там?

Ничего не понимая, я подхватила и выбежала из кабинета, едва не зацепившись за край ковра на пороге. Следователь шагал быстро, мне пришлось почти бежать, чтобы не потерять его в коридорах Центрального управления.

– Марьян! – окликнул рейяна кто-то, когда мы пролетали мимо площадки второго этажа. Это оказался высокий светловолосый мужчина в аккуратном, но недорогом костюме-тройке. – Ты...

– Не сейчас, – отмахнулся Белянский. – У меня важное дело.

– Пф! – выдохнул неизвестный и поморщился. – Знаю я твои дела. А как там...

– Крис, – одернул его старший следователь.

Управленец перегнулся через перила и, громко сопя, выпалил:

– Марьян, я тебе сколько раз говорил!

– А я тебе, хочешь, сотый раз отвечу? – притормозив так резко, что я едва в него не врезалась, и задрав голову, спросил рейян Белянский. – Ты каждый раз меня достаем. И каждый раз чего-то от меня хочешь. А мои интересы хоть кого-нибудь волнуют? Почему учебка шлет мне... вот это. Мне не так много надо. Просто разумная особь человеческого рода.

– С крепкими нервами, выдержкой, таким же, как у тебя, трудоголизмом, беспринципностью... – добавил Крис и хохотнул. – А еще хорошо подвешенным языком и...

– Мне будет достаточно наличия мозгов и умения сварить кофе, который не похож на отраву, – перебил его Марьян Белянский.

Я невольно тихо хмыкнула, подумав о том, что в качестве помощника Белянскому идеально подходит Глеб. Уж он-то точно умеет варить кофе и не задает вопросов по поводу еды. Но стоило вспомнить Ковальского, как в груди вспыхнула боль. Пусть пока ничего не предвещало дурного, но вряд ли мне доведется в будущем снова встретиться с Глебом. Что говорить о возможности навестить в родной город.

«Не мечтай, Клара!» – снова посоветовал внутренний голос.

Да, не мечтай! Но как же хочется!

За своими мыслями я пропустила конец препирательств управленцев, вернувшись в реальность лишь тогда, когда Белянский деловито рявкнул:

– Новак! За мной!

Дальше мы шагали по лестницам и коридорам без задержек, постепенно углубляясь куда-то в подвальную часть здания. У высоких металлических дверей, мимо которых, не замедляясь, прошагал старший следователь, на стуле восседал высокий худой рейян в очках. Даже в полумраке коридора его волосы отливали неестественной синевой, что наводило на мысль о метаморфизме – весьма редком даре даже у магов.

– Что там с Кавашевым? – спросил этот рейян. – Сегодня допустят?

– Вирсен, думаешь, я в курсе? – на ходу бросил Белянский. – У Кристэра спроси. Это его дело.

– Твой Дубинский – тот еще дуб, – с язвительными нотками ответил метаморф. – Уже все управление в курсе, что твоя новая секретарша его занимает гораздо больше, чем нераскрытое дело. А у меня труп без документов!

– Ты ж его знаешь, – уже прилично отойдя, откликнулся старший следователь. – Криса не изменишь.

– Нашел бы ты себе уже постоянного секретаря, – посоветовал маг.

– Будто я сам этого не хочу, – ответил ему Белянский. – Но где возьмешь подходящего человека, Харт?

– Да, с твоим характером... – хмыкнул Вирсен. – Разве что к храксу за помощью обращаться.

Мужчины рассмеялись общей шутке, но мы уже свернули в другой коридор, и разговор сам собой оборвался. Тут двери тоже были высокими и металлическими, что наводило на не самые приятные мысли.

«Еще запрут тут, как опасную зверюшку, – мысленно вздрогнула я. – А такой вот... как этот Харт, будет надо мной опыты ставить!»

Ни номеров, ни надписей на дверях не было, но Белянский как-то здесь ориентировался. А может, и наугад выбрал, кто ж его знает. Но рейян уверенно распахнул одну из дверей и махнул рукой, предлагая пройти в утопающее во мраке помещение. Даже с моим обостренным

зрением я не видела ни зги. Не хотелось показать, что я очень напугана, так что шагнула внутрь, высоко подняв голову. Не подозревая о моих внутренних метаниях, старший следователь не стал долго мучить меня неизвестностью и, войдя следом, щелкнул рубильником, зажигая закрытые сетчатыми экранами лампы под самым потолком.

Это было совершенно пустое помещение шагов на пятьдесят как в длину, так и в ширину, с высоким потолком, поддерживаемым четырьмя массивными колоннами. Стены на два человеческих роста и колонны закрывали листы отполированного металла, из-за чего казалось, что мы пришли в какой-то странный балетный зал. Присмотревшись, я поняла, что на каждой металлической пластине по углам и в центре имеются незнакомые мне символы, похожие на руны.

«Помещение экранировано, – сообразила я. – Похоже, пластины нужны для того, чтобы поглощать магические выбросы. И вряд ли сюда можно попасть через портал. А еще тут хорошо запереть какую-нибудь демоническую тварюшку. Вроде меня. Вряд ли я смогу отсюда сбежать».

Меня невольно пробрало холодом, хотя я и не ощущала опасности ни от самого помещения, ни от захлопнувшего дверь старшего следователя.

– Итак, рейна Новак, – глядя на меня с прищуром, начал Марьян Белянский. – Прошу.

– Что? – напряглась я.

– Демонстрируйте, – махнув рукой, пояснил мужчина. – Перевоплощение.

У меня по спине пробежали мурашки.

– Уверены? – спросила я осторожно.

Пока старший следователь был первым человеком, кто захотел увидеть мой второй облик. И даже смотрел на меня спокойно, с интересом, а не с презрением, которое демонстрировал шеф жандармов Петшиковский, велел бросить меня в камеру в Броцлаве.

– Не тяните резину, Новак, – сказал старший следователь. – У меня полно работы, а еще нужно разобраться, что с вами такой... интересной делать.

С минуту пристально потаращившись на рейяна, я вздохнула, сосредоточилась и перекинулась в собаку. Помещение тут же начало

выглядеть иначе, а обострившийся нюх дал некоторое представление о том, для чего в Центральном управлении служат залы, подобные этому. По крайней мере, едва уловимый аромат крови, пота и ощутимые следы магии наводили на мысль о тяжелых тренировках людей, а не на догадки о том, что здесь мучили или убивали демонических созданий. Это обнадеживало.

– От! – выдал Белянский, отлепляясь от двери.

Он пересек помещение и обошел меня по кругу, пристально рассматривая.

– Интересно! Интересно! – усмехнулся следователь. – Очень занимательно.

Казалось, будь у него лист бумаги под рукой, Белянский выхватил бы из-под резинки подтяжек карандаш и начал то ли записывать приходящие на ум мысли, то ли зарисовывать.

– Очень интересно! – повторил рейян, намотав вокруг меня несколько кругов. – А теперь... Посмотрим в действии!

От неожиданности я аж присела и раззявила пасть. Даже выдохнула что-то весьма похожее на вполне человеческое вопросительное междометие.

– Вперед, Новак! Демонстрируйте!

И что было делать? Пришлось демонстрировать...

А через два часа я уже не чувствовала себя ни человеком, ни демонической тварью. Только бедной и несчастной собаченькой, которую дрессировал сам глава потустороннего мира, если такой там имелся. Жутко хотелось перегрызть наглому рейяну глотку, но меня сдерживало то, что я и так едва волочила ноги, поднимаясь вслед за Белянским в его кабинет, а еще... не настолько я опустилась, чтобы всякие немытые шеи в рот тащить.

«Правда, шея старшего следователя вроде бы чистая...» – мимоходом отметила я, но тут же забыла и про шею, и про свою злость, и про усталость, когда еще в коридоре уловила аромат кофе, печеного сыра и сдобы.

Секретарша при нашем появлении лишь недовольно поджала губы и показательно уткнулась в бумаги на столе взглядом. Вот только зря старалась. Марьян Белянский на девицу даже не взглянул, пронесся мимо как метеор и деловито ухнул в кресло за своим столом.

– Ну-с, Новак, садитесь, – велел он, дождавшись, когда я закрою дверь.

Я внутренне напряглась и с сожалением оглядела пристроенный на краю стола поднос. Похоже, я так и останусь сегодня без крошки во рту. Ух! Жестокие мужчины!

Не подозревая о моих мыслях, старший следователь выудил мое дело из вороха бумаг, раскрыл перед собой и, посматривая в него, взялся за кофейник.

– Как интересно получается, – хмыкнул рейян, наполнив две чашки. – Согласно свидетельствам... э-э... рейяна Давидовского и... и... – Следователь пошелестел листами дела, выискивая фамилии. – И еще нескольких работников жандармерии Броцлава, вы, рейна Новак, являетесь мирной гражданкой нашего славного королевства, «выросли на глазах», «никогда ничего не было замечено», «спасла жизнь» и так далее и тому подобное в разных вариациях.

Я прикусила губу, глядя на старшего следователя.

– Но имеются и показания шефа жандармерии Петшиковского и еще ряда лиц, что вы, рейна Новак, опасная преступница... и... тут много чего, – перебрав листы, констатировал Белянский и поднял на меня взгляд. – Что скажете?

Вот к разговору я была готова менее всего. Казалось, в Гаруче меня должны отчитать и наказать. Вести разговоры – нет.

«И что ему ответить? – напряглась я. – Отрицать слова шефа жандармов? И кому поверит столичный сыщик? Мне, непонятному существу с непонятными способностями? Или важному начальнику из другого города?»

По всему выходило, что расклад не в мою пользу.

– Так что? – поторопил Марьян Белянский. – Рассказывайте, Новак. Мне весьма интересно, что у вас есть на это сказать.

– Ну... – выдохнула я.

– Кофе? – кивнув на вторую чашку, следователь глотнул горячего напитка и ухватил с тарелки слойку с сыром. – Булку жуйте. И рассказывайте. Будем разбираться.

Эпилог

Глеб хмуро осмотрел фасад жандармерии, скривился и дернул на себя тугую створку с запыленным витражом. Возвращаться на работу после трех недель беспамятства и еще недели лежания на казенной койке в госпитале было странно. Да и не вызывала эта работа прежних чувств у старшего следователя. После всего, что поведали рейяну Влодек и Вольшек, тянуло написать заявление на увольнение и уехать в Лиен.

– Нет, сначала набить рожу Петшиковскому и далее по списку, а потом уехать, – поправил себя Ковальский, пересекая пустой полутемный холл. Дежурного видно не было, чему Глеб немало обрадовался. Люди в последние дни вызывали у мужчины стойкое отвращение, хотя многие и не были в том виноваты.

Идея почеса кулаков о начальственный нос изрядно подняла настроение, хотя Глеб и осознавал, что после такого уволиться он сможет только с волчьим билетом. Петшиковский ему нападения не простит и сделает все, чтобы Ковальского не взяли работать в магконтроль до скончания дней. Все связи поднимет, а их у бюрократа и завистливой сволочи Петшиковского достаточно. Ни родня, ни заслуги самого Глеба тут уже не помогут.

– Но набить рожу надо, – взвесив все за и против, принял решение старший следователь. Еще он решил, что первым делом напишет заявление, поставит в известность коллег, а потом отправится наверх, в начальственные владения. Сделать что-то большее Ковальский все равно не мог, время было упущено.

Если бы не ранение... Если бы Вольшека не отстранили... Если бы Завацкий не валялся в соседней палате, хоть и всего три дня...

Сколько «если бы», а итогом стала жизнь человека.

Девушки.

Той, что поймала преступника.

Той, что уберегла город от дальнейших жертв.

Той, что спасла жизнь самого Глеба.

А он... Он даже не смог ей помочь, защитить. Потому что валялся в госпитале без памяти, в то время как жандармы во главе с

Петшиковским крутили Клару и радостно потирали руки, предвкушая награду за чужую работу и за то вранье, которое они сочинили день спустя.

Маги ничего не могли сделать, а Клару в это время везли в столицу, где и проводилось следствие по ее делу. Влодек, придя в себя, попытался что-то выяснить, как и восстановленный на должности неделю назад Давидовский, но Центральное управление не выдавало сведений по рейне Новак. Все, что смогли получить управленцы, укладывалось в одну короткую формулировку: сведения засекречены. И это притом, что маги были не праздными любопытствующими, а такими же работниками магконтроля, как и столичные чинуши.

Глеб прекрасно знал систему, в которой работал не первый год. Должность обязывала его помнить магический уголовный кодекс от первой буквы и до последней точки. Как и любые исключения и мелкие правки, время от времени вносимые в данный документ. Пусть Броцлав и располагался достаточно далеко от законотворческой столицы, но Ковальский старался отслеживать все новости по своему профилю, хоть в маленьком провинциальном городке и за десять лет не набиралось пяти дел, при разбирательстве по которым приходилось вспоминать сложные статьи закона. Но старший следователь не собирался отлынивать и прикрываться удаленностью от Гаруча и тихой жизнью Броцлава, а потому прекрасно знал, что о демонических созданиях говорил МУК.

Это здесь, в городке на пути в Лиен, Клара Новак была своей, местной, славной девушкой и первой красавицей, а для столичных магов она лицо неизвестное и заведомо опасное, как все непонятное.

Глеб не обманывался. В конце концов, не зря еще в академии им, будущим управленцам, выделялось порядка сорока часов на изучение истории взаимодействия мира людей с различными магическими явлениями, в том числе и демонами. И на тех уроках наглядно, в виде дат и разбежки в несколько тысячелетий, маги узнавали, что бороться с потусторонними созданиями их предшественники начали задолго до того, как решились понять, с чем же, собственно, имеют дело.

Полноценное изучение демонов началось, если вдуматься, не так уж и давно. И даже самые полные справочники, переиздававшиеся каждый год, не могли считаться окончательными. Одних только мелких тварей, храксов, ученые насчитывали порядка пятнадцати

разновидностей, а это были самые безмозглые и не самые опасные существа, вся цель которых сводилась к созданию хаоса и разрушениям. Что уж говорить о других.

И, само собой, первое правило, первый закон, которому следовали все маги, звучал предельно просто: уничтожить. Да, магическим дозволялось проводить исследования на пойманных тварях, но и они должны были указать дату избавления от образца, постоянно писать отчеты начальству и вовремя избавиться от демона.

Так что спустя месяц Ковальский и не надеялся, что Клара еще жива. Это было бы настоящим чудом. Гораздо реальнее было принять факт, что девушки больше нет, она не вернется домой и ехать в столицу нет смысла. Незачем. Спасать уже некого.

– Петшиковский! – хмуро выдохнул Глеб. План насчет шефа жандармов обрастал дополнительными деталями с каждой секундой. – Убил бы!

Казалось бы, рейян начальник действовал по инструкции, но не мог же он не знать последствий для девушки? По всему выходило, что шеф жандармов сам лично подписал бумаги и отправил Новак на казнь.

– Или на стол к ученым, – с болью произнес Ковальский и вздохнул, прежде чем открыть дверь в свою вотчину.

В комнате царили упаднические настроения. Верхние лампы едва рассеивали пасмурный свет, проникавший сквозь приоткрытые окна. Ветер, врывавшийся в помещение, шевелил бумаги на подоконниках, стульях и столах, переворачивал страницы книг и блокнотов. Веяло сыростью и горечью опавших листьев.

«Осень в этом году холоднее и дождливее, чем раньше», – подумал Ковальский, вдыхая эту влажную сырость, смешанную с ароматом старой бумаги и чернил. Он любил свою работу, но сейчас такие привычные и родные запахи вызывали лишь горечь и разочарование.

– Глеб, – поприветствовал коллегу Завацкий, коротко кивнув, – ты как?

Плечо все еще ныло, особенно по ночам, вынуждая старшего следователя то и дело валяться без сна, но рассказывать об этом он не собирался. Вряд ли Влодек и сам не понимал, как может чувствовать себя маг, которому едва-едва не пробили сердце. Чудом казалось уже

то, что Ковальский выжил, смог так быстро встать на ноги и даже вернуться к работе.

– Где Давидовский? – спросил старший следователь, глянув на пустующий стол третьего члена их маленького отдела. На столе Вольшека царил непривычный порядок: ручки и карандаши убраны в подставку, бумаги сложены стопками, несколько базовых кристаллов закреплены в гнезда кожаного чехла и отодвинуты так, чтобы не свалиться случайно на пол. Из аккуратной композиции выбивался лишь один листок бледно-желтого колера с приклеенными на него полосками, придавленный к столу пресс-папье. – Это что?

– Да... – отмахнулся Завацкий. – Вроде как к нам направили кого-то из Гаруча. Докомплект. Пока на стажировку, а потом... как получится.

Глеб поморщился, подхватил телеграмму и вчитался в короткие сухие строки, разделенные «тчк» и «зпт». Новость о том, что из столицы к ним решили кого-то прислать, едва тронула старшего следователя. Он уже мысленно собирал вещи, а потому не желал вникать в возникшую проблему. А новый член маленького коллектива в управлении – это именно проблема. Огромная проблема. Гигантская!

Ковальский вспомнил, как сам впервые приехал в Броцлав. Как и многих, его распределили после выпуска, всучив тоненькую папку с личным делом, диплом и напутствие верно служить родине и королю. Их в тот год было семеро. Семь преисполненных мечтой о свершениях молодых магов, свято веривших, что впереди ждет тяжелая, но интересная работа. Глеб тогда еще радовался, что не сияет от самодовольства, самоуверенности и рвения, как остальные, хотя наверняка выглядел так же лихо и придурковато, как и другие.

Новый работник, как пить дать, прибудет в местное управление при всем параде, чеканя шаг, сияя улыбкой, как полированный злотый, и представится по уставу. Будет заглядывать в рот первое время, лебезить перед всеми, кто выше по статусу. Будет рваться в бой, как только возникнет хоть какое-то дело, фонтанировать идеями и догадками, предлагать какие-нибудь новые методики хранения документов...

Но это будет уже без него. Без Глеба. Он уйдет раньше. И не будет знать, как кто-то, кто займет место третьего, но будет не старшим, скорее всего, а самым младшим спецом в управлении, станет

заваривать кофе по утрам. И будет ли. Уживутся с ним Влодек и Вольшек? Найдут ли общий язык и общие вкусовые пристрастия? Или, возможно, новый человек в местном магконтроле окажется гурманом, для которого булки, вяленое мясо, колбасы и сыр – не еда? В столице нынче началась «травяная мода», как охарактеризовала это бабушка. Возможно, новый следователь окажется приверженцем нового течения, вегетарианцем. Будет стращать Давидовского и Завацкого видом постных салатиков со всякими полезными штуками вроде пророщенного зерна или каких-нибудь орехов.

Дернув плечом, рейян вернул телеграмму на стол Давидовского и прошел к своему столу.

– Так где Вольшек? – спросил он снова.

– Отправился добывать новичку все необходимое, – отозвался Завацкий. – Ты же знаешь, на место Леслава так никого пока и не взяли, всем приходится сначала ходить за ключом к секретарю Петшиковского, а потом лично и нужное брать, и ведомость заполнять, а там и хракс ноги попереломает. Вот Вольшек и решил, что проще самим набрать стажеру то, что потребуется на первое время, чем надеяться, что он сам справится.

Подтверждая слова Влодека, в комнату ввалился запыхавшийся и потный Давидовский с большой коробкой в руках.

– Фух! Еле нашел! – бодро сообщил он и шумно выдохнул, пытаясь дыханием убрать упавшую на лоб прядь волос. На сером пиджаке управленца темнело чернильное пятно, к левой штанине прилип клочок паутины, а на темно-коричневых туфлях кружевом лежали следы побелки. – Ну и свалку развел в своих закромах Леслав! Кто бы мог подумать! Влодек, помоги-ка.

В четыре руки маги быстро перенесли бумаги с четвертого стола на стулья под окнами, но раскладывать добытое в хозяйственном отделе не стали. Просто водрузили коробку на пустую столешницу.

– Так когда стажер приедет? – спросил Глеб, когда коллеги закончили.

– Да кто же его знает? – отмахнулся Давидовский. – В телеграмме же указали только то, что ждать стоит на этой неделе.

Ковальский кивнул и перевел взгляд на свой стол. Новичок его более не интересовал. Стоило заняться своими делами. Закончить дела, дооформить кое-какие бумаги, написать заявление и собрать

личные вещи. Если не откладывать, то Глеб собирался справиться за сегодня и завтра. Потом останется только договориться с бабкой Мазеной, что вещи свои он перевезет чуть позже – сначала стоило вернуться в Лиен, побыть с семьей, возможно, снять отдельное жилье, узнать о возможном устройстве на работу. В магконтроль рейян более не стремился. Уж лучше обойти сыскные конторы и предложить им свои услуги.

– Я сварю кофе, – решил Ковальский и, скрыв от коллег полный горечи взгляд, отправился на кухню.

В большой жестяной банке молотых зерен оставалось на самом дне, а свежего хлеба ни Завацкий, ни Давидовский купить не удосужились. Вдохнув, Глеб совместил части нагревательной плитки и налил в чайник воды. Сахара в стеклянной банке тоже было не очень много, и следователь покачал головой, представляя, как будут жить без него коллеги в дальнейшем. В этот миг хлопнула входная дверь, кого-то впуская в управление магконтроля, но Ковальский не отреагировал. Даже если выяснится, что в городе обнаружился прорыв и улицы заполонили порождения иного мира, он и с места не сдвинется.

– Доброе утро! – раздался за перегородкой бодрый девичий голос.

Маги не отозвались, хотя обычно здоровались с проходящими. Глеб нахмурился и прислушался.

– Вы?.. – как-то странно прошептал Влодек через несколько секунд.

Что-то зашуршало, а потом девушка так же бодро продолжила:

– Где я могу найти старшего следователя Ковальского?

– Э... – весьма информативно выдавил Завацкий, а Глеб, ощущая учатившийся пульс, двинулся прочь из кухни.

На пороге он замер, недоверчиво глядя на ту, что с задорной усмешкой замерла посреди комнаты, поглядывая на остолбеневших управленцев.

Высокие, чуть грубоватые ботинки из коричневой кожи, черные узкие брюки, едва оставляющие место для фантазии, бледно-желтая рубашка с воротником-стойкой и темно-коричневая кожаная куртка с воротом из овечьего меха. Волосы собраны в высокий хвост, отчего карие глаза кажутся еще более огромными, чем прежде.

Уверенная в себе рейна, от которой веет чем-то опасным.

Но сквозь это все же видна та девушка, которую они видели прежде.

Клара Новак.

Живая.

Невредимая.

Улыбающаяся.

Глебу хотелось пересечь комнату, сжать ее плечи, убеждаясь, что рейна не плод его воображения, а потом... Но он не сдвинулся с места, продолжая наблюдать за Кларой от порога.

Но ее это, похоже, не смутило. Заметив следователя, девушка пересекла управление и, поудобнее перехватив плотный пакет из коричневой бумаги, подала рейяну папку. Глеб моргнул, взял протянутые документы и начал читать титульник. Сердце колотилось в груди как сумасшедшее. Ковальскому о многом хотелось спросить и многое сказать, но он чувствовал, что не сможет внятно изложить свои мысли, а потому коротко и хрипло спросил:

– Имя?

– Клара Новак, – ничуть не удивившись, ответила рейна.

– Цель прибытия?

– Прохождение стажировки. И возможная дальнейшая работа. Мой куратор, старший следователь Центрального управления магконтроля Марьян Белянский, оставил последнее слово за руководителем Броцлавского отделения магконтроля.

– Направленность?

– Оперативно-розыскная, – с улыбкой ответила Клара. – Статус: особый.

То же самое значилось и в папке, где без прикрас было указано, что рейна Новак – работник магконтроля с особыми полномочиями и особенными навыками. А в качестве особых примет значилось: магический оборотень, темно-коричневая масть, четыре лапы, хвост. Дальше шло подробное описание обеих ипостасей Клары Новак, причем параметры животной занимали добрых восемь листов и пестрели цифрами испытаний. Тут было и про сопротивляемость магическому воздействию, и про силу сжатия челюстей, и про развиваемую скорость, и про прочность костей, и про ударную мощь. Закашлявшись еще на первых параметрах, Ковальский поднял взгляд на девушку и получил довольную улыбку.

«Так глянешь – и не сказать, что эта девчонка при желании может разорвать горло за... одну целую и три десятых секунды», – отстраненно подумал маг.

– Добро пожаловать, – еще не до конца придя в себя, кашлянув, сказал он.

– Спасибо, – бодро ответила девушка и воодушевленно добавила: – Это чайник закипел? А у меня есть булочки с корицей!

В следующий миг Ковальский дернул Клару на себя и увлек на кухню.

– Мне не пригрезилось? – шепотом спросил Влодек, в то время как Глеб, отбросив папку на стол и схватив девушку за плечи, пристально вглядывался ей в глаза.

– Не-а, – тоже шепотом ответил Давидовский. – Новак. Живая. И... она будет у нас работать?

– Не верится...

– Ты... – хрипло выдохнул Глеб.

– Я, – ответила Клара, ничуть не смутившись поведению следователя.

– Ты...

– Довольно неожиданно, да? – усмехнулась рейна.

– Но... как?

– Ну, знаешь... как сказал один столичный следователь, жаль терять интересные кадры! У меня был выбор: или работа в магконтроле, или полный контроль и заточение, как особи, представляющей опасность. Сам понимаешь, что я выбрала. Не так уж много свободы, обязательство на десять лет, скрепленное магически, но вырвалась я почти без потерь. Спасибо рейяну Белянскому и рейяне Белчер. Зато теперь у меня кроме обязанностей еще и куча интересных допусков.

Да, Ковальский это успел заметить, хотя в голове и творился сумбур. Из дела девушки следовало, что она, в отличие от любого мага управления, не скована некоторыми положениями устава. Грубо говоря, ее особый статус позволяет рейне Новак с ноги открыть дверь даже в спальню какого-нибудь губернатора посреди ночи, если особые навыки девушки – читай: нюх! – приведут ее под эту самую дверь.

– Клара, я...

– Как твои раны? – чуть нахмурившись, перебила следователя рейна.

– Все зажило... – ответил Глеб. – Я...

– Это хорошо, – кивнула Клара и, движением плеч скинув руки Ковальского, придвинулась ближе. – Это очень хорошо.

– Может, нам узнать, что они там... – донесся тихий голос Завацкого.

– Не лезь, – шикнул на него Вольшек.

– Это очень хорошо, – повторила Новак прямо в губы Глебу.

Тяжело сглотнув под пронзительным взглядом карих глаз, следователь отобрал у рейны пакет, кинул его на стол, а потом подхватил девушку под пятую точку и прижал к себе. Она хмыкнула, улыбнулась и, наклонившись, уверенно накрыла его губы своими.

notes

Сноски

Рейян – обращение к мужчине, **рейяна** – к замужней женщине, **рейна** – к молодой незамужней девушке. – *Здесь и далее примеч. авт.*

2

Самоход – автомобиль (*польск.*).

Низшая и самая безвредная разновидность демонических созданий, употребляется как ругательство.